

ЮЛИЯ ТЕРЕХОВА

ХРОНИКА СМЕРТЕЛЬНОЙ ВЕЩЫ

Юлия Терехова

Хроника смертельной весны

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28520152
Хроника смертельной весны:*

Аннотация

Вы уверены, что ваш сосед, мирно шагающий утром на работу – не кровавый садист? Вы точно знаете, что близкий знакомый, который с милой улыбкой треплет по щеке вашу маленькую дочь – не маньяк-педофил? А благообразный мужчина в консерваторском кресле, внимающий с наслаждением изящному Мендельсону – не ищет выход своему депрессивному психозу в кровавых играх? Вы в этом убеждены? Наслаждаетесь безоблачной жизнью и призрачным счастьем? Не обольщайтесь – все может рухнуть в любой момент и вы лишитесь самого дорогого. Так есть ли в мире справедливость? Возможно ли наказать зло?.. Или все старания напрасны?..

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Юлия Терехова

Хроника

смертельной весны

*Видишь, там, на горе возвышается крест,
Под ним десяток солдат, повиси-ка на нём.
А когда надоест, возвращайся назад
Гулять по воде, гулять по воде,
Гулять по воде со мной.
И. Кормильцев «Прогулки по воде»*

Пролог

Август 2010 года, Понтуаз, Иль-де-Франс

«Следственным комитетом Российской Федерации объявлен в федеральный розыск серийный убийца, виновный в смерти шести женщин. Вероятно, что преследуя очередную жертву, он покинул Москву и теперь может оказаться в любом городе России. Внимательно посмотрите на фотографию».

На мониторе – лицо, с рельефно вылепленными чертами, высоким лбом, и светло-голубыми, смотрящими чуть исподлобья, глазами. Человек за столом ахнул: кто бы мог подумать, что Зигфрид – он моментально окрестил убийцу именем вагнеровского героя – одержим яростью и кровью? Ах, как было бы чудесно узнать его поближе. Несомненно, у них бы нашлось много общего. Такой человек должен чувствовать тонко, желать страстно и жить, как на острие ножа.

«Нашему корреспонденту удалось встретиться с одним из свидетелей по делу и поговорить с ним. По понятным причинам, мы изменили ему голос и скрыли его лицо».

C'est curieux¹! Свидетель знал убийцу и остался жив. Какая, однако, неосмотрительность. Тому надо было тща-

---

¹ Любопытно! (фр).

тельное подчищать за собой – и тогда не пришлось бы пускаться в бега.

«Я всегда подозревал, что этот мерзавец способен на любую низость».

Человек у монитора по-русски не понимал, но к его услугам были французские субтитры.

«Я отлично его знал, и меня ему было не обмануть, Однако, Олега всегда отличал высочайший интеллект. А еще говорят, что гений и злодейство – две вещи несовместные. Чушь!»

«Что он за человек?»

«Считаю, чем меньше говорить об этой сволочи – тем лучше. Такова моя принципиальная позиция».

«Но если ваши слова помогут предотвратить его дальнейшие преступления, то, может, стоит поступиться принципами?»

«Может быть... может быть... Один факт, знаете ли, меня поразил...»

«Поделитесь с нами?»

«Я очень удивился, узнав, что он влюблен в нашу общую подругу».

...Так, так! Вот почему он предпочитал новости в интернете *toutes sortes de conneries*² в ящике – всегда есть возможность узнать что-то интересное. Подруга? Должно быть, это необычная женщина, если привлекла внимание

---

² Всякая лабуда, всякая чушь (фр).

такого неординарного мужчины. Надо узнать о ней поподробнее. Итак, как там они его назвали? Oleg Rykoff? Ну и имена у этих русских... Нет, гугл молчит, а если попробовать в русской транслитерации? Например – так! Олег Ры-Рыков... Да вот же он! Начальник отдела «Prosperity Incorporated», pas mal...³ Вот еще фотография, целая компания в каком-то ночном клубе – рядом с ним несколько человек, судя по всему, друзья... А вот и она. Конечно, это она! Темноволосая, лет двадцати пяти, с темными глазами, точеными чертами лица и высокой грудью. И впрямь хороша, но на его вкус – pas assez jeune⁴. Странно – за тонкую талию ее обнимает совсем другой человек – тоже интересное лицо – на волка похож, н-да-а... – Он в задумчивости теребил на шее кулон из белого золота. Литера «А» в руках летящего ангела. Украшение подарила ему мама на конфирмацию⁵, и он никогда его не снимал. Мама тяготела ко всему русскому, а набоковская «Лолита» стала у него настольной книгой. Итак, пассия его московского героя весьма привлекательна, но... А вот если у нее есть дочка... Изумительное, должно быть, создание.

Человек за компьютером скопировал фотографию в спе-

---

³ Неплохо (фр).

⁴ Недостаточно юна (фр).

⁵ У католиков и протестантов обряд приёма в церковную общину подростков, достигших определённого возраста.

циальную папку «Le but»⁶ – этим надо будет заняться и следить пристально за тем, как разворачиваются события. Затем довольно потянулся в кресле. Ну что же, пора за дело... Он выключил компьютер и плеснул в стакан немного «Bushmills»⁷. Сделал глоток, смакуя медовый вкус. Интересно, как бы русский Зигфрид оценил его увлечение? Вероятно, отнесся бы с пониманием – хотя, как показывает предыдущий опыт, его стремление найти друга и единомышленника обречено на провал. Пресса уже окрестила его «Инквизитор из Понтуаза». Что они понимают! Он не инквизитор, а художник, создатель прекрасного... Видно, он обречен на одиночество. Но уныние – это смертный грех, и посему – пора взбодриться. Прихватив с собой стакан с недопитым виски, он начал спускаться в подвал. Пошарил в кармане, достал ключ. Ключ проворачивался со скрежетом, но замок он не смазывал намеренно – этот звук помогал настроиться и ему, и той, которая была заперта внутри.

В подвале было темно, но прямо перед входом, наготове стоял большой электрический фонарь. Он щелкнул выключателем и открыл дверь.

– Соскучилась, та *mignonnette*?⁸

Как же он любил это мгновение! Испуганные глазки, ослепленные ярким светом после пугающей тьмы, которая

---

⁶ Точка прицеливания, мишень, объект (фр).

⁷ Сорт ирландского виски.

⁸ Моя крошка (фр).

до этого мгновения обволакивала бедняжку душиной сыростью, спутанные волосы, падающие на юное личико, худенькие поджатые ножки, девичьи руки, сжимающие краешек одеяла.

– Пожалуйста, мсье, – услышал он дрожащий голосок, – пожалуйста, мсье, не надо...

Она кажется такой милой и беззащитной – хочется прижать ее к груди, поцеловать, утешить. Но она почему-то отползает от него как можно дальше, выставляет вперед руки, словно пытаясь защититься – ах, глупая, зачем?

– Не стоит плакать, – он включил лампу под потолком и погасил фонарь. – Тебе оказана честь.

Он, не торопясь, раскладывал на столе инструменты, каждый из которых сам по себе – произведение искусства. С кровати доносились жалкие всхлипы: – Пожалуйста, мсье, пожалуйста... Мне страшно...

– Тебе не должно быть страшно, та mignonette... Ты должна испытывать гордость. Ты – полотно и краски... Кисти и мольберт... Мой будущий шедевр. Постарайся не кричать, когда я творю...

Конец осени 2012 года, Москва

Темным ноябрьским вечером, под ледяным дождем, в Нескучном саду убивали человека.

– Да черт вас побери, держите его! Какого дьявола!

Несколько крепких мужчин пытались усмирить пригово-

ренного к смерти – запястья того были туго связаны, но, несмотря на это, молодой парень отчаянно сопротивлялся, извиваясь и дергаясь в тщетных попытках освободиться.

– Ради бога! – орал он, вырываясь из сильных рук палачей. – Я ни в чем не виноват! Помогите! Помогите!

Безмолвные свидетели – облетевшие многовековые дубы и голые прутья сирени – были не в силах заглушить его безнадежные вопли. Один из палладинов, в блестящем черном плаще, отделился от остальных, которые уже привязывали приговоренного к столбу, вкопанному посреди поляны. Чиркнув зажигалкой, Саша увидел угрюмое усталое лицо, по которому стекали капли – то ли дождя, то ли пота.

– Рыцарь, прикажете продолжать?

– Все в соответствии со сценарием акции. Никаких отклонений.

– Воля ваша, рыцарь, – поклонился палладин.

Саша закурил, наблюдая за чудовищным действием. Здесь, вдали от центральных аллей, вряд ли кто-то их увидит. А если даже и увидит, шарахнется прочь в ужасе, и прикажет себе навсегда забыть о том, что неосторожный взгляд выхватил из глубины темной чаши.

– Пожа... пожалуйста, – привязанный к гладко оструганному столбу, молодой человек уже не кричал, а всхлипывал жалко и безнадежно. – Я... я... ни в чем не... не... виноват...

Сколько раз Саша слышал эти лживые слова. Но Паллада никогда не приговаривает невиновных: сотни повторных

экспертиз, десятки дополнительных очных ставок, тщательные опросы свидетелей – все это гарантировало справедливость наказания. Нет более въедливых следователей, чем дознаватели Ордена. И вот – двадцатилетнего лихача, виновного в гибели семьи, заживо сгоревшей в автомобиле в результате жуткой аварии, сейчас постигнет та же участь.

– У вас есть последняя возможность покаяться перед смертью, – молвил Саша, стоя перед ним. В его руке полыхал смоляной факел.

– Пощадите, – прохрипел молодой человек. – Я ни в чем не виноват. Я не был за рулем.

– Ваша вина доказана неопровержимо. Покайтесь!

– Мне не в чем каяться. Пусть ваша смерть будет такой же страшной... Будьте вы прокляты...

Мокрые ветки у подножия столба пришлось облить бензином, чтобы они занялись. Потрескивая, огонь поднимался все выше и выше, подбираясь к ступням приговоренного, жадно облизывая его щиколотки. Парень вскрикнул раз, другой, потом от нестерпимой боли его крик перешел в утробный вой, сливаясь с треском и гудением дымного пламени. Запахло горелым мясом, и Саша почувствовал тошноту, подступившую к горлу, вот-вот его вывернет... Парень дико кричал – у него лопалась кожа, и в шуме полыхающего костра слышалось: – Нет, не надо-о! Я не винова-а-ат!!.

– Фиксируйте смерть, – приказал Саша, когда вопли стихли. Костер понемногу затухал под дождем, являя почернев-

шие останки того, кто еще четверть часа назад был молодым, полным сил мужчиной. – Сворачивайтесь, пока никого нелегкая не принесла.

– Да, рыцарь, – поклонился ему один из палачей. Необходимо было убрать тело, ликвидировать следы от костра, зачистить мокрую землю, чтобы даже запах не напоминал о недавнем кошмаре. Казненного, разумеется, похоронят, но это уже не Сашина ответственность... Когда-нибудь он будет вспоминать сегодняшнюю акцию как всего лишь очередной эпизод успешной карьеры в Ордене: смертные приговоры не поручались к исполнению абы кому – лишь верным, испытанным, закаленным ненавистью и презрением...

Только как-то все более неуютно ему становится от акции к акции – пост вице-командора, вероятно, не за горами, но от этого Саша не испытывает торжества, а лишь тоску и страх.

– Поторопитесь, – стоя на мраморной плите, неведь откуда здесь взявшейся, возможно, от давно разбитой статуи, Саша, мрачно вглядываясь в темноту, следил за суетой палладинов. Те споро ликвидировали последствия акции: снимали со столба обгоревшее до неузнаваемости тело, выкапывали обуглившийся столб, от которого еще отлетали искры. Этот парень, которого они сожгли по приговору матери одного из погибших, до последнего не признал своей вины. Случай странный – обычно виновные каялись перед смертью. Но Паллада не ошибается: это Саша твердил себе, как молитву – а иначе – как жить с грузом невыносимой вины

на сердце?

Канун Рождества 2012 года Париж, 5-й округ

За окном «Мерседеса» проплывали кварталы Левого берега: позади остались белые башни Сен-Сюльпис,⁹ Люксембургский сад, окруженный частоколом средневековых копий с золотыми наконечниками; показавшаяся бесконечной улица Ге-Люсак, неожиданно темная для la veille de Noël¹⁰... По радио звучал мягкий голос шансонье:

«Tombe la neige
Tu ne viendras pas ce soir
Tombe la neige
Et mon cœur s'habille de noir»¹¹.

...Машина резко затормозила:

– Merde! – буркнул Клод, водитель, – Pardonnez, madame¹².

– Что случилось? – спросила сухощавая старуха на заднем сидении.

– Ворона, мадам. Прямо перед нами.

---

⁹ Одна из парижских церквей.

¹⁰ Сочельник (фр).

¹¹ «Падает снег» Сальвадоре Адамо «Падает снег, сегодня вечером ты не придешь, падает снег и сердце мое одето в траур»(фр).

¹² Черт возьми! Извините, мадам (фр).

Клаудиа Эстер Перейра, командор Ордена палладинов¹³, сделала раздраженный жест, недовольная заминкой, но потом все ж чуть приподнялась, чтобы посмотреть. Крупная черная птица, оперение которой мерцало в свете автомобильных фар, важно прогуливалась перед машиной, время от времени склоняя голову набок. На мгновение старая дама встретилась с ее глазами – круглыми и блестящими, точно капельки черной ртути.

– Господи Иисусе! – перекрестился водитель. – Вот чертова тварь!

– Посигнальте, Клод, – предложила мадам Перейра. – Может, улетит?

Но резкий гудок не испугал птицу, словно отвечая, она раскрыла крупный, отливающий металлом, клюв и издала резкий хриплый звук, весьма отдаленно напоминавший карканье.

– В первый раз такую здоровую ворону вижу, – пробормотал водитель. – Дьявольское отродье!

– Это не ворона, – поправила мадам Перейра. – Это ворон.

И, будто удовлетворившись тем, что наконец его правильно назвали по имени, ворон расправил мощные крылья, и, тяжело взмахивая ими, поднялся в воздух, чуть не задев лобовое стекло «Мерседеса». Клод вновь чертыхнулся.

– Поехали, – приказала мадам Перейра. – Пока он не вернулся.

---

¹³ См. «Хроника смертельного лета» и «Хроника смертельной осени»

– Дурная примета, мадам командор, – убежденно заявил Клод. – Не к добру это!

Мадам Перейра не ответила, угнетенная невеселыми мыслями. Ей предстояла встреча с Моник – вероятно, последняя. Уже несколько месяцев Моник Моар, урожденная Гризар, находилась в госпитале Института Кюри¹⁴. Старая дама, Магистр Ордена палладинов, угасала от саркомы легких – медленно, но неумолимо. Возглавляемый ею Орден опутывал мир прочной железной сетью, а власть Моник, была сравнима с властью Папы Римского. Командоры Ордена – и мадам Перейра в их числе – вершили возмездие в разных концах света, и воля их была нерушима, но именно Моник Гризар воплощала суть Ордена – суровость приговора и неотвратимость наказания. Мадам Перейра с трудом представляла себе мир без Моник, любимой подруги, благодаря которой когда-то выжила в лагере смерти Генгенбах, спустя много лет, успокоив страдающую душу отмщением, обрела смысл жизни, а еще позже – вернула себе доброе имя. Что бы ни возникало на ее жизненном пути – всегда рядом оказывалась Моник с ее несокрушимой верой в свое предназначение Немезиды карать преступника за грехи – здесь и сейчас, а не когда-нибудь, за гробовой доской...

– Приехали, мадам командор, – голос водителя оторвал ее от скорбных мыслей. – L'hôpital oncologique¹⁵.

---

¹⁴ Парижский онкоцентр.

¹⁵ Онкологическая больница (фр.).

– Здравствуйте, мадам Перейра, – медсестра на посту заискивающе улыбнулась. Моник здесь пользовалась уважением и, чего греха таить, и врачи, и медсестры побаивались сдержанную, с резким голосом и благородными манерами старуху. Почтение переносилось и на ее посетителей – мадам Перейра препроводили в палату Моник немедля.

– Жики, дорогая, как я тебе рада! – Моник протянула к подруге худую, похожую на ветку высохшего дерева, руку, обратившись к ней, как в молодости нежным именем. Так звали суровую мадам командор только самые близкие.

– Что-то ты расклеилась, подруга, – когда Жики приложилась к щеке мадам Гризар, ей в нос ударил резкий запах лекарств, а еще – сладковатый дух тления. Ее горло сжалось от горькой неизбежности, с которой она теряла Моник. Конечно, недалек тот день, когда и сама Жики последует в темную пустоту, но прежде она останется одна наедине с жестокой машиной – Палладой.

– Сядь, дорогая, – попросила Моник. – Не расстраивайся понапрасну. Просто сядь и выслушай меня.

– Тебе надо побережься, – пробормотала Жики.

– У меня не осталось времени на подобную роскошь, – через силу усмехнулась Моник. – Ты должна выслушать. Есть вещи, которые меня сильно беспокоят.

Жики понимала, о чем говорит подруга. Последнее время в Ордене происходили странные, тревожные вещи – исчезали агенты, проваливались акции, расследования заходи-

ли в тупик – и это при тех технологиях, которые стали им доступны, когда, казалось бы, ничто не должно помешать беспощадным палачам. Но дела шли все хуже и хуже.

– Нам нужен приток молодых сил, – заявила Моник. – И срочно. Я хотела оставить тебе Звезду Магистра. Но теперь сомневаюсь. Ты немногим моложе меня.

Жики внутренне оскорбилась, но виду не подавала – не здесь же, у одра умирающей, демонстрировать собственные уязвленные амбиции! Между тем, Моник права – ей уже хорошо за восемьдесят.

– Молчишь, – губы Моник дернулись. – Конечно, не станешь же ты спорить с той, кому осталось жить считанные часы.

– У тебя есть кандидатура? – спросила мадам Перейра.

– Есть, – отвечала Моник прямо. – Это Изабель.

Имя было вполне ожидаемым. Уже несколько лет Изабель де Бофор занимала высокий пост командора и была ровней Жики – своей крестной, всегда, однако, сохраняя почтение и уважение к мнению старой тангеры. Изабель курировала часть Западной Европы, и Францию в том числе – ответственность была гигантской.

– Тогда у меня есть кандидат на пост командора – надо же кем-то заменить Изабель, – решительно заявила Жики.

– Я знаю, о ком ты, – в голосе Моник сквозило неодобрение. – Но не думаю, что это хорошая идея. У твоей протеже совсем нет опыта полевой работы.

Господи, да откуда Моник всегда знает, что на уме у Жики? Старую тангеру это и поражало и возмущало. Хотя, с другой стороны, если учесть, какая дружба их связывает с молодых ногтей, то, может, это вовсе не удивительно?

– Она много помогает мне в Фонде.

– Ты же понимаешь, работа в Фонде – не совсем то. Вернее, совсем не то.

И вновь Моник была права. Фонд помощи жертвам насилия – легальное прикрытие тайной организации – конечно, делал много полезного, но по сути был обычной *l'association de bien faissance*.¹⁶ Разве можно сравнить рутинную работу в нем с грозной карательной миссией, которую несли рыцари Паллады?

– Я поддержу ее, – пообещала Жики, – если ты одобришь.

– А что говорит маршал?

– Маршал не против. Как ни странно.

– Так тому и быть. Что еще я могу сделать для тебя? – с любовью посмотрела на нее Моник. – Скажи мне!

– Я не могу ничего у тебя просить сейчас, – прошептала Жики. – Это неправильно.

– Правильно! – возразила Моник. – Другого случая не будет.

– Я бы хотела привлечь к работе одного человека.

– А с ним что не так? – слабо улыбнулась Моник.

– Он убийца, – не вдаваясь в подробности, ответила Жи-

---

¹⁶ Благотворительное общество (фр).

ки.

– А-а-а, – протянула ее подруга. – Понимаю. Ты всегда была склонна к экспериментам.

– Он мог бы быть полезен.

– Степень его полезности покажет время...

– Значит, ты не против? – удивилась Жики.

– Против – не против... Какая теперь разница, – вздохнула Моник. – Через сутки меня не станет, и мой запрет теряет силу. Твоя ответственность, твое бремя. Ты что-то еще хотела спросить?..

– Ничего от тебя не скроешь. Помнишь моего правнука – Себастьяна?

– Младшего фон Арденна? Как же, как же! Очаровательный малыш. Просто ангелочек!

– Ангелочек недавно получил диплом
Universitätsmedizin¹⁷.

– О-о! – Моник закатила глаза. – Поздравляю!

– Он хирург.

– Прекрасно! – кивнула Моник.

– Он хотел бы стать рыцарем Ордена.

Моник насторожилась:

– Зачем ему это?

Жики не была удивлена реакцией подруги. Обычно врачи, работающие в Ордене, приходили по зову сердца, безмерно благодарные за помощь и поддержку, оказанные им

---

¹⁷ Медицинский факультет университета(нем).

Орденом в трагическую минуту. Но молодой мужчина, почти юноша, чья карьера только начинается, желает заниматься делом, суть которого – кровь и отчаяние – поразительно и странно!

– Не понимаю, – пробормотала Моник. – Чего именно он хочет?

– Arbeiten Feldverhältnisse¹⁸.

– Странное желание. Но если ты одобряешь...

– Не одобряю, – покачала головой Жики. – Но он хороший мальчик. И если он настаивает на подобной карьере, значит, хорошо все обдумал. А врачи нам нужны – вечная нехватка.

– Ему необходимо пройти ординатуру по военно-полевой хирургии, – заключила Моник. – Ты ж понимаешь – ему не аппендицит придется вырезать.

– Он уже поступил. Как видишь, мальчик очень ответственный.

– Как все фон Арденны, – тихо засмеялась Моник. – И самая лучшая из них. Жики...

– Да, дорогая, я здесь.

– Когда я в первый раз увидела тебя в лагере... помнишь?..

– Конечно, – Жики на самом деле не помнила. Их с мамой прибытие в лагерь Генгенбах было сплошным черным пятном в ее памяти. Но она никогда не признается в этом. – Конечно, я помню, милая... Моник...

---

¹⁸ Работать в полевых условиях (нем).

– Я подумала тогда, что ты похожа на цаплю. Вернее, на птенца цапли – такая худая и длинная... Мне стало так тебя жаль. А позже, когда убили Мадлен¹⁹, ты мне заменила сестру. Спасибо, что ты была у меня.

– Сестра моя, – Жики сдерживалась из последних сил, – благослови тебя Бог...

Моник пожала Жики руку: – Я ухожу... И ты остаешься одна... – она закрыла глаза. – А теперь – иди, моя дорогая. Устала я... Невыносимо устала...

«Tombe la neige
Tout est blanc de désespoir
Triste certitude
Le froid et l'absence
Cet odieux silence
Blanche solitude...»²⁰

Магистр Ордена палладинов отошла на рассвете – последний вздох слетел с шершавых, обметанных губ: «Trop longtemps... je viens chez vous...»²¹

Начало весны 2013 года, Лондон

Когда людям не о чем говорить, они говорят о погоде. Или

---

¹⁹ Сестра Моник, погибшая в концлагере. См. «Хроника смертельной осени»

²⁰ «Падает снег. Все белое от отчаяния... Печальная уверенность, холод и разлука, это ненавистное безмолвие... Белое одиночество» (фр).

²¹ Слишком долго, я иду к вам (фр).

обсуждают планы на день – только не совместные, а каждого в отдельности.

– Снова дождь, – констатировала Катрин, мельком глянув в окно.

– Дождь, – согласился Сергей. – На дорогах – гололед.

На этом тема погоды была исчерпана, и за столом воцарилось молчание. Катрин демонстративно пила кофе – вторую чашку за утро. Несмотря на увещевания Сержа и настоятельные рекомендации ведущего ее беременность врача, она пила, а вернее, хлестала кофе – по пять чашек в день – без молока и без сахара.

– Чем сегодня займешься? – намазывая маслом тост, поинтересовался Булгаков у жены.

– Пройдусь по магазинам, – услышал он привычный ответ. Но если раньше его недовольство вызывал сам факт ее хождения по магазинам, то теперь на смену ему пришел страх – почти осязаемый, плотный, густой, с душком, словно от прокисшей сметаны. Этот страх впервые накатил, когда придя однажды домой и не застав Катрин, он нашел записку от нее: «Ушла за покупками». Он ждал, с периодичностью в пять минут набирая ее номер – недоступный, как Северный полюс, а в десять вечера, взвинченный до предела, выскочил на улицу, в панике оглядываясь по сторонам, не представляя, куда бежать и где искать ее... И тут он увидел Катрин, бредущую по тротуару, опустив голову. Ее живот уже отчет-

ливо угадывался под синим дафлкотом²², голову покрывала алая шаль, на носу сидели неизменные солнечные очки – что там она видела в сгустившихся сумерках? И вот она споткнулась, и раскинула руки, пытаясь сохранить равновесие, но ей это не удалось, и она стала заваливаться на тротуар – неловко, боком. Сергей рванулся было к ней, но, к счастью рядом оказалась молодая девушка с фиолетовым ирокезом. Она еле успела удержать Катрин под руку: «Осторожнее, мэм!» Сергей уже был рядом и, подхватывая жену, воскликнул:

– Какого черта тебя носит неизвестно где?!

– Поставь меня на ноги, – потребовала она, но он с ней спорить не стал, донес до подъезда и только там опустил на ступеньку крыльца. Ни слова не сказав, Катрин зашла в дом.

Отстраненность. Отчуждение. Оторванность друг от друга. С каждым днем они становились все ощутимее, все острее. С того дня, как Булгаковы вернулись в Лондон после бойни в Серебряном бору и нескольких недель, проведенных Сергеем в больнице, между ними возникло тягостное безучастие, которое становилось день ото дня все мучительнее и невыносимее. Горделивая радость, согревшая его заледеневшее сердце в то мгновение, когда Сергей узнал, что Катрин носит мальчика, безнадежно угасала, когда он видел ее неживые глаза и слышал ровный холодный голос. Эти равнодушные интонации разжигали в нем раздражение и злость, но он старался гасить их в себе, повторяя мантру: «Она про-

---

²² Модель пальто, с застежкой в виде петель, часто с капюшоном.

сто устала. И беременна. Все образуется и будет по-прежнему»

И теперь, услышав ее традиционное «Пройдусь по магазинам», он пробормотал: «Понятно».

– И что ж тебе понятно? – в ее невинном вопросе Сергей поздно распознал шипение и трещотку гремучей змеи, а когда распознал, то было уже поздно – Катрин взорвалась. Она орала на него минут десять, а он старался не вслушиваться в то, что она кричит, отвлекаясь на мысли о пациентах. Айрон Тревис, сорок четыре года, фиброзная менингиома первой степени злокачественности. На МРТ ясно видно образование на три миллиметра ниже коры... Прогноз благоприятный при условии срочной операции....

– Катрин, чего ты хочешь? – Булгаков поднял на нее усталые глаза, когда она, наконец, замолчала. – Ты хочешь развода?

Ну, наконец-то! Она с торжеством перевела дух. Наконец-то он выплюнул это горькое полынное слово «Развод»! Наконец-то он, ее терпеливый, выдержанный муж, сбросил маску невозмутимости. Долго ж ей пришлось ждать!

Последние полгода, проведенные в ватной тишине и выматывающих недомолвках, приучили ее к определенному распорядку: Сергей просыпается, молча, стараясь не разбудить жену, встает, двигаясь максимально бесшумно, принимает душ в гостевой комнате, завтракает на кухне, под надзором неодобрительно громыхающей посудой Тересы. А Ка-

трин, только когда слышит, как за ним захлопывается входная дверь, завязывая пояс шелкового халата, с облегчением подходит к окну, чтобы посмотреть, как муж садится в машину. Несколько раз он поднимал голову, видел жену за кружевной занавеской, но даже не трудился помахать ей на прощание. И она просто провожала его остывшим взглядом, а когда его хайлендер отъезжал от тротуара – поворачивалась, и шла заниматься рутинными делами. Так лондонская дождливая осень сменилась промозглой зимой, на смену мокрому снегу пришло первое весеннее тепло, а она замечала только, что ее живот рос, ребенок толкался, не давая ей спать, а на сердце глыбой льда лежала звериная, лютая тоска. Когда Сергей, забывшись, тянулся к ней ночью, она принимала его, стараясь быть нежной. Но после того, как муж засыпал, тяжело вставала с кровати, плелась в ванную, и сидела на крышке унитаза, уставившись в одну точку, зябко кутаясь в шаль с длинными кистями...

И вот, наконец, он решился бросить ее, бросить их нерожденного сына – совсем как когда-то ее бросил отец – предательски и равнодушно. А чего, собственно, она ждала – что он будет и дальше мириться с ее душевными терзаниями и невыносимым чувством вины? Между тем, Булгаков мрачно следил за тем, как Катрин меняется в лице.

– Я думаю, тебе лучше уехать в Москву, – тусклым голосом заявил он. – А там посмотрим.

– На что посмотрим? – слова застревали у нее в горле.

Вот оно! Наконец-то он понял, что такая жена, как она, ему вовсе ни к чему. Наконец-то он понял, что свою страстную любовь к ней он всего лишь придумал. А то и того проще – его тяга к ней была проявлением примитивного инстинкта альфа-самца. Разве она способна пробудить истинную нежность? Даже родной отец – первый мужчина в жизни девочки – покинул ее без колебаний. Она, Катрин, обречена вызывать лишь низкое, похотливое любопытство. Что до недавних пор двигало мужчинами, клявшимися ей в любви? Либо азарт обладания ею как вещью – за пятнадцать лет связи с Орловым она совершенно к этому привыкла. Либо острое, испепеляющее влечение, которое свело в могилу Олега Рыкова – и едва ее саму не затянуло в пылающую бездну. Так почему она решила, что Сергей станет исключением в списке трагических разочарований? Для него она – просто приз, полученный в жестокой схватке и потерявший ценность за отсутствием конкурентов. А теперь он еще и отправляет ее в Москву.

– Решено, я уеду, – Катрин пыталась говорить спокойно, но губы ее предательски дрожали.

– Завтра я возьму тебе билет, – пообещал он. – Собирайся.

– Ты приедешь к родам? – спросила она чуть слышно.

– Не знаю. Постараюсь, – уклончиво ответил он так, что она поняла – не приедет.

– Лучше б ты бросил меня там, в Репино, – голос ее сорвался на рыдание – она сама едва понимала, что говорит. –

Лучше б Рыков меня убил.

– Я не хочу с тобой спорить, – Булгаков устало дернул головой. – Это бесполезно.

Он решительно поднялся и стал сгребать со стола всякую мелочевку – из той, которую мужчины имеют обыкновение таскать в карманах – ключи от машины, бумажник, телефон и зарядка к нему, наушники и что-то еще...

– Конечно. Что толку спорить с тем, кто тебя предал.

– Я – тебя – предал? – Булгаков резко повернулся к жене. – Да как ты смеешь?!

Она не отрывала от него усталого и равнодушного взгляда: – Смею, – пожала она плечами. – Чем еще ты меня испугаешь?

– Катрин, это бессовестно, – выдохнул Сергей. – Ты не замечаешь меня, я словно мебель... да нет, я словно грязь у тебя под ногами, а ты еще осмеливаешься упрекать меня?

– Это ты совсем меня не замечаешь, – прошептала она. – Я совершенно тебе не нужна.

– Катрин, опомнись, опомнись! – он схватил ее за плечи. – Ты скользишь по мне взглядом, как по стенке, я для тебя пустое место, и я...

– Я, я, я! – горько усмехнулась она. – Есть ли место для меня в твоих терзаниях?

Он не дал ей закончить:

– Да если б не твой живот, я бы...

– Что? – глаза Катрин щипало, она сдерживалась из по-

следних сил, чтобы не разрыдаться. – Что б ты со мной сделал? Ударил бы?

Опомнившись, он отпустил ее так же резко.

– Иногда мне кажется... Впрочем, довольно. Не бойся. Это я так... Хорохорюсь...

Она опустилась на стул и спрятала лицо, отгородившись от него ладонями:

– Мне действительно лучше уехать. Все, хватит, оставь меня. Проваливай на свою работу...

Он повернулся и ушел, а Катрин, не доев завтрак, и оставив недопитый кофе на кухонном столе, отправилась обратно в спальню. Она услышала звук заведенного мотора за окном, но не подошла, а, вновь завернувшись в шаль, улеглась на край кровати. Сон, вязкий и мутный, как бульон мироздания, затопил ее, она плакала в этом сне, не переставая – бессильно и жалобно.

– Катрин, Катрин, проснись! – голос Булгакова вырвал ее из этого гиблого болота. – Катрин, проснись.

– Чего тебе? – сонно пробормотала она.

– Прости меня. Не знаю, что на меня нашло.

– Ты меня бросил, – пробормотала она сонно.

– Я попытался представить себе, что мы развелись, вернее нет – просто разошлись, и до меня вдруг дошло, что я просто умру без тебя. Родная, если у тебя осталось хоть что-то ко мне...

– Осталось, – она продолжала всхлипывать. – Просто мне

очень больно и одиноко...

– Прости меня, – он коснулся губами ее опухших от слез губ. – Я постараюсь справиться, Катрин... Я постараюсь за нас двоих.

Чуть позже, Венеция

– Синьора, вас ожидают, – лакей поклонился почтительно и посторонился, пропуская Изабель во внутренние покои палатца. Она пошла на серебряные звуки, доносившиеся откуда-то из глубины – голоса скрипок сплетались в прекрасный венок, им вторила виолончель. Изабель оказалась в просторном зале, увешанном картинами старых мастеров, благородно мерцавшими лаком – Дюрер²³, Рейнолдс²⁴, Брюллов²⁵. Над консолью восемнадцатого века скромно примостился Вермеер²⁶ – «Ого! – мелькнуло в голове Изабель. – Его в лучших пинакотеках – наперечет».

– Тебе нравится Канон Пахельбеля, *carissima*? – услышала она и обернулась на старческий голос. – В нем совершенство гармонии и красоты мира.

---

²³ Альбрехт Дюрер – (1471-1528) – немецкий живописец и график, один из величайших мастеров западноевропейского Ренессанса.

²⁴ Джошуа Рейнолдс – (1723-1792) – английский исторический и портретный живописец, представитель английской портретной живописи XVIII века.

²⁵ Карл Брюллов – (1799 – 1852) русский живописец XIX века, представитель романтизма.

²⁶ Ян Вермеер, Вермеер Дельфтский (1632-1675) – нидерландский художник-живописец, мастер бытовой живописи и жанрового портрета.

– Красота и гармония так обманчивы, – отозвалась Изабель.

– О нет, дитя мое! Единственное, что никогда не обманет – это гармония и красота, при условии, конечно, что они истинны.

– Экселенца²⁷, – она чуть кивнула.

– Графиня, – старик сделал приветственный жест морщинистой кистью. – Желаете, я покажу вам мою коллекцию?

– Не сочтите меня грубой, – качнула Изабель головой. – У меня не так много времени. Я вняла вашему настойчивому приглашению, но откровенно говоря, не понимаю...

– Сейчас вы все поймете, моя дорогая. Для начала присядьте! – приглашение прозвучало как приказ и Изабель, едва помедлив, опустилась в изящное кресло с черепаховым левкасом²⁸, обитое шелковым гобеленом – очевидное творение Буля²⁹.

– Итак, экселенца?

– Итак, нетерпеливое дитя мое, – улыбнулся Винченцо Росси. – Я хочу рассказать вам одну историю... семейное предание, если хотите...

– Чужие семейные тайны? – подняла бровь Изабель. – Стоит ли мне, экселенца?..

– Поверьте мне – стоит, – проскрипел он. – Тем более что

---

²⁷ Eccellenza – ваше превосходительство (итал).

²⁸ Деревянная часть спинки кресла.

²⁹ Андре Шарль Буль – мебельный мастер французского барокко.

это вплотную касается вас, моя принцесса... и организации, в которой вы занимаете столь высокий пост.

– И при чем здесь мой Фонд? – голос молодой дамы стал звонким и льдисто хрустким.

– Фонд, ты права, совершенно не при чем, – старик перешел на «ты» и Изабель не успела даже возразить. – Итак, помолчи, моя принцесса, и просто слушай!

...Это было давным-давно, когда я впервые посетил Париж. Мой давний друг Реджи Скотт стал моим «сiсегоне»³⁰. Реджи жил в Париже уже достаточно долгое время, его с удовольствием принимали везде.

– Реджи Скотт? Английское имя.

– Я познакомился с ним во времена Освобождения. В то время он был лейтенантом британских ВВС. Когда же я приехал во Францию, он уже носил майорские погоны, а его часть квартировала в окрестностях Парижа. Реджи пользовался успехом у женщин – твоя крестная мадам Перейра была в него влюблена, *une ragazzina stupida!*³¹

– Жики? – оживилась Изабель. – Она никогда мне не рассказывала.

– Не уверен, что она с удовольствием вспоминает о том периоде жизни, – заметил старик. – Но я узнал Жики немного позже, при весьма жестоких обстоятельствах. Но вернемся к твоей бабушке Моник...

---

³⁰ Проводник, чичероне (итал).

³¹ Глупая девчонка (итал).

– Ты приехал к ней?

– Я даже знаком с ней не был. Но у меня имелось рекомендательное письмо.

– Рекомендательное письмо? От кого?

– Так ли это важно? Но, чтоб произвести на тебя впечатление, признаюсь – от мессира Ронкалли.³²

Изабель насторожилась – она часто слышала имя его Святейшества, беатифицированного³³ не так давно. Поговаривали, что его даже собираются причислить к лику святых³⁴. Моник часто рассказывала о нем с искренним восхищением, но Изабель ни разу в голову не пришло спросить, откуда та его знает.

– Иоанн XXIII написал рекомендательное письмо к моей бабушке?

– Что?! О нет! Моник Гризар тогда еще только начинала свою блестящую карьеру. Письмо было адресовано тогдашнему Магистру Ордена. Папа рекомендовал меня на пост вице-командора итальянского отделения Паллады.

Изабель вздрогнула. – О чем вы, экселенца? Какая еще Паллада?

– Не стоит ломать комедию, дитя мое, – посоветовал ста-

---

³² Анджело Джузеппе Ронкалли – мирское имя папы Римского Иоанна XXIII (25 ноября 1881 – 3 июня 1963) римский папа с 1958. Известен своей пацифистской деятельностью.

³³ Причислен к лику блаженных.

³⁴ И причислили – в 2014 году, через год после описываемых событий.

рик. – Я полностью в курсе существования Ордена палладинов и даже некоторое время был его активным рыцарем. И именно в этом качестве прибыл в Париж в начале шестидесятого года, посетив твою бабушку в особняке близ парка Монсо. Я был, без ложной скромности, хорош собой, пылок, красноречив и умел произвести впечатление на женщин, и в частности – на гордячку Моник Моар – в то время занимавшую пост вице-командора. Мы понравились друг другу.

– Что вы имеете в виду, экселенца?

– Невинное дитя! – дребезжаще рассмеялся старик. – Тебе и правда нужно пояснить? Я хранил это в тайне, пока Моник была жива, но теперь, когда ее не стало – мои руки развязаны. Очень быстро после нашего знакомства мы стали любовниками.

– Но... но... – растерялась мадам де Бофор. – Но ведь Моник была замужем!

– Кому и когда мешали мужья, *carissima*? – подмигнул ей Росси. – Более того, наши отношения имели последствия. Необратимые.

– То есть, вы хотите сказать...

– Именно. Моник родила дочь Женни – от меня, а вовсе не от этого *falotico*³⁵ Огюста Моара! Следовательно, ты – моя внучка. Уж не знаю, разочарует тебя это или обрадует.

– Вы уверены, экселенца? Как вы можете утверждать?..

– Я подкупил одну из твоих горничных и вот результаты

---

³⁵ Странноватого (итал).

ДНК-теста, – он протянул молодой женщине листок бумаги. Она пробежала его глазами – документ был выдан лабораторией Hôtel-Dieu de Paris³⁶ – у нее нет причин не верить ему. Нет, ну какова Моник!

– Я тебя убедил? – старик поднял седую бровь – глаза его, несмотря на возраст, черные и живые, с любопытством рассматривали Изабель. Та очевидно была шокирована.

– Я не знаю, – она попыталась вернуть ему листок.

– Оставь себе, – он отклонил ее руку. – У меня есть копия.

Она понадобится, чтобы изменить завещание.

– Завещание, экселенца? – поразилась Изабель.

– Зови меня «дедушка», – мило попросил Росси.

– Ну уж нет, – фыркнула Изабель. – Так что там насчет завещания?

– Как ты оживилась! – хохотнул он. – Я решил включить тебя в завещание наряду с тремя моими законными сыновьями и шестью внуками. Я чрезвычайно богат – никто не будет обижен – если только налоги все не сожрут. Хочешь, оставлю тебе Вермеера?

С лица Изабель уже исчезла чуть снисходительная гримаска, с которой она слушала Винченцо еще минуту назад.

– Я давно наблюдаю за тобой, дитя. Ты решительна, хладнокровна и умна. Но что-то тебя беспокоит.

– С какой стати я буду это с вами обсуждать? – пожал плечиком Изабель. – Лучше расскажите, что вас связывает

---

³⁶ Старейшая клиника Парижа.

с Палладой?

– Ничего. Я порвал с вашим Орденом много лет назад. Практически во время моего романа с Моник. Тогдашний Магистр Ордена – Селена де Бофор...

– Бабушка моего мужа, – прошептала Изабель.

– Она самая. Редкая была стерва, *dio l'abbia in gloria!*³⁷ Так вот, Селена категорически отвергла мою кандидатуру.

– Почему?

– Потому что во время войны мой отец был министром в правительстве Муссолини – большинство знатных семей Рима и Венеции, *l'élite del paese*,³⁸ поддерживало дуче. До меня донесли слова Селены «Фашистам нет места в Ордене». Ей было безразлично, что в семнадцать лет я сбежал из дома и воевал в «Стелла роса»³⁹, и сам лейтенант Джованни сделал меня адъютантом! *Sono stato un eroe!*⁴⁰ Ей было плевать! И я избавил Орден от своей нежелательной персоны. И от своих средств, разумеется. Я был молод, горяч, и, не буду скрывать, оскорблен. Да как она посмела!

– Меня она тоже не любила, – пробормотала Изабель. – В конечном итоге она обвинила меня в смерти моего мужа. Сказала, что я довела ее внука до самоубийства.

---

³⁷ Царствие ей небесное (ит).

³⁸ Элита страны (ит).

³⁹ «Stella Rosa» – рота в составе гарибальдийской бригады итальянского сопротивления имени Витторио Синигалья. Лейтенант Джованни – советский летчик по имени Иван (погиб в бою).

⁴⁰ Я был герой (итал).

- Я слышал эту печальную историю. Конечно же, ты не при чем.
- У него был нервный срыв! А она обвинила меня в измене.
- Разумеется, безосновательно, – покивал старик.
- *Bien sûr!*⁴¹ – воскликнула молодая женщина возмущенно.
- Видимо, она ненавидела тебя на генетическом уровне, – ухмыльнулся Росси. – *Vecchia disfatta!*⁴² Она оскорбила меня публично! Я бросил все и вернулся в Венецию.
- Бросили все? – поджала губы Изабель. – И мою бабушку в том числе?
- Как ты верно подметила, Моник была в то время замужем. Не думаю, что скандал пошел бы ей на пользу.
- И вам, экселенца.
- И мне, – легко согласился Росси. – Кому вообще нужны скандалы, *mamma mia!*
- Как же вам удалось порвать с Орденом?
- Как? – усмехнулся он. – Да очень просто. Я основал собственный.
- Собственный Орден? – поразилась Изабель. – Какого рода?
- «Il Vettore». Когда-нибудь слышала?
- Нет, никогда. Кого вы защищаете?

---

⁴¹ Разумеется (фр).

⁴² Дрянная старуха (ит., груб).

– Защищаем? Diemeneguardi!⁴³ Мы работаем для собственного удовольствия и процветания. Строго говоря, это не совсем Орден. Скорее научное историческое общество. Обожаю древние артефакты. Я их коллекционирую.

– Успешно?

– Ну, не буду врать, Копья Судьбы⁴⁴ в моей коллекции еще нет, но зато много других великолепных экземпляров. Как-нибудь, если захочешь, я тебе покажу. Иногда нам мешают. И это очень меня расстраивает.

У Изабель появилось чувство, что старик подобрался к сути их встречи.

– Дорогая моя, – продолжал он, – пару лет назад мы пытались завладеть прекрасным артефактом дома Альба. Нашей целью был знаменитый гребень, известный как пейнета Беренгарии.

– Это какая Беренгария? – лениво поинтересовалась Изабель.

– Беренгария – жена английского короля Ричарда Львиное Сердце⁴⁵ и внучка короля Кастилии Альфонсо Седьмого⁴⁶.

– Не поверю, экселенца, что вы всерьез принимаете по-

---

⁴³ Боже упаси! (ит).

⁴⁴ Копье Судьбы – согласно Евангелию от Иоанна, римский воин вонзил это копьё в подреберье распятого Иисуса Христа. Как и другие Орудия Страстей Господних считается величайшей реликвией христианства.

⁴⁵ Английский король из династии Плантагенетов. Годы правления 1189-1199 гг.

⁴⁶ Годы правления 1127-1157.

добную чепуху. Ричард Львиное Сердце... короли, королевы! Детские сказки.

– Да нет, девочка, вовсе не сказки! Это исторические факты, которым есть документальное подтверждение. Пейнета Беренгарии – несомненный исторический артефакт.

– Не тот ли это гребень, в котором танцует мадам Королева? – тут ее голос, обычно звонкий и властный, стал звучать приглушенно – словно ей что-то мешало в горле. Изабель даже чуть кашлянула.

– Именно он.

– Меня приводит в недоумение, почему Франсуа... то есть герцог Альба, до сих пор не потребовал его обратно, – злым голосом заявила Изабель. – Если он такой ценный. Каким точно годом он датируется?

– А это самое любопытное! Дело в том, что Беренгария, будучи еще принцессой Наваррской, прежде чем выйти замуж за английского короля, долгое время скиталась по Европе – многие хотели жениться на ней – она была лакомой партией для коронованных особ Европы – еще бы, наследница Наварры! Ее то и дело захватывали в плен, потом освобождали, потом опять она становилась заложницей очередного принца – а их тогда бродило по дорогам несчетное количество – не забывай, это было время крестовых походов и Европу наводнили странствующие рыцари и бандиты, и порой трудно было различить – кто есть кто. И вот однажды, в лесах Шампани, на Беренгарию и ее эскорт – или, вернее, его жал-

кие остатки – напал отряд вооруженных до зубов мародеров. Невесте английского короля грозила смертельная опасность, но ей на выручку пришли рыцари окрестного замка, хозяйкой которого была...

– Катрин де Бофор! – воскликнула Изабель.

– Конечно, ты знаешь легенду о том, откуда взялась Паллада⁴⁷. Беренгария нашла приют в замке и провела там несколько месяцев, за которые успела сдружиться с благородной дамой.

– Она гостила в замке до того, как Катрин изнасиловали английские крестоносцы, или после? – в вопросе Изабель звучала ирония. – Думаю, до – иначе графиня не была бы столь гостеприимной к невесте английского короля.

– Как ты права, *carissima*! – одобрительно кивнул Росси. – Беренгария гостила в замке Бофор до известного тебе события, которое стало отправной точкой для Ордена. И, уезжая, оставила графине на память...

– Гребень? – оживилась Изабель.

– Нет, почему же гребень? – Росси удивился.

– Но как же? – вздернула бровки молодая женщина. – Вы только что сказали – гребень носит имя Беренгарии.

– Да, носит, но это вовсе не значит, что он таковым является.

– Не понимаю. Если она оставила гребень...

– Да нет же! – в нетерпении воскликнул старик. – Беренга-

---

⁴⁷ См. вторую книгу серии «Хроника смертельной осени»

рия подарила Катрин де Бофор молитвенник – в полном соответствии с тогдашними традициями – настоящее произведение готического искусства – в золотом окладе, инкрустированный драгоценными камнями, с рисунками изумительной красоты.

– Все равно не понимаю, – Изабель пожала плечами. – А при чем тут гребень?

– О, дитя мое! – прищурился Росси. – Сдается мне, эта тема очень тебя интересует!

– Вовсе нет, – она поджала губы. – Но гребень Альба знаменит. Правда, я не подозревала, что он настолько старинный.

– Старинный, но не настолько. Конец семнадцатого века. А тот молитвенник экспонируется в Лувре. Его выставили на аукцион сорок лет назад. Я пытался его заполучить, но не вышло... Лот перекупил кто-то из дома Ротшильдов, а потом...

– Нельзя ли ближе к делу! – довольно резко попросила Изабель. – Я по-прежнему ничего не понимаю.

– Я вот-вот перейду к сути! – пообещал Росси. – Проблема в том, что когда речь заходит об истории, я увлекаюсь... Так вот, молитвенник. Бофоры владели им века, пока в 1679 году французская принцесса, племянница Людовика XIV, Мария Луиза Орлеанская не вышла замуж за испанского короля Карлоса II. Сердце короля-солнце не дрогнуло, когда он отдал шестнадцатилетнюю девочку одержимому безумцу Кар-

ду. Более того, испанского монарха подозревали в инцесте.

– И что? При чем тут Бофоры?

– Терпение, дитя мое! Марию Орлеанскую сопровождала многочисленная и знатная свита, так как по слухам, принцесса была вовсе не племянницей французского короля, а его дочерью.

– Подумаешь, – Изабель наморщила носик.

– Вместе с принцессой в Эскориал⁴⁸ отправились ее придворные дамы. Одна из них Катрин, графиня де Бофор.

– Очередная Катрин! – фыркнула Изабель.

– Это имя носили королевы и святые. Но графиня была совсем юной, всего на год старше своей королевы. Для нее нашелся жених при испанском дворе. Угадаешь, кто?

Изабель закатила глаза: – Ну конечно! Герцог Альба?!

– Точнее, будущий 10-й герцог Альба, тогда он еще звался маркизом Толедо. Предполагается, что в качестве приданого она получила и молитвенник Беренгариин.

– Но при чем тут гребень?

– В отличие от Марии Луизы, которая была несчастлива в браке и ненавидела Испанию до конца дней, Катрин полюбила и мужа, и страну, в которой вскоре почувствовала себя как дома. В качестве свадебного подарка дон Франсиско Альварес де Толедо преподнес невесте пейнету невероятной красоты.

– Пейнета Альба...

---

⁴⁸ Резиденция испанских королей со вт. пол. 16 века.

– Именно! Впоследствии на зубцы гребня был нанесен текст на старофранцузском языке – изящное ле⁴⁹, которое Беренгария посвятила подруге и записала на форзаце⁵⁰ молитвенника. Это настоящий шедевр – и литературный, и ювелирный. И конечно, несомненный исторический артефакт. Впервые пейнету надела Катрин де Бофор на собственное венчание. И с тех пор все невесты дома Альба венчались, набросив белоснежную мантилью из валенсианских кружев на высокий гребень. Так, вернее, было, пока во времена Гражданской войны⁵¹ дворец Лирия не разграбили красные, и гребень не затерялся... Если точнее, все думали, что он затерялся. А он преспокойно себе лежал в подвалах Франко, и после того, как тот умер в 1975 году, все его состояние перешло к Хуану Карлосу, а тот не спешил с разбором наследства. Вот так и вышло, что несколько лет назад пейнету передала русской примадонне королева София. Ее чрезвычайно впечатлил русский «Дон Кихот», и она решила подарить Анне Королевой что-нибудь истинно испанское. Не нашли ничего лучшего, чем отдать ей гребень Беренгарии. Да какое

---

⁴⁹ Ле – во французской литературе XII–XIV веков стихотворное повествовательное произведение лирического или лирико-эпического характера.

⁵⁰ Форзац – элемент конструкции книги, лист, соединяющий книжный блок с переплётной крышкой.

⁵¹ Guerra Civil Española; июль 1936 – апрель 1939) – конфликт между Второй Испанской Республикой в лице правительства испанского Народного фронта (республиканцы) и оппозиционной ей испанской военно-националистической диктатурой под предводительством генерала Франсиско Франко (мятежники).

она имеет на него право!

– Ну, не меньшее, чем вы... дедушка, – усмехнулась Изабель.

– Ошибаешься! Ах, как ты ошибаешься, дитя мое! Да будет тебе известно, наш род Росси идет от четырнадцатого герцога Альба, который во время Пиренейских войн⁵² путешествовал с матушкой по Европе. Несколько месяцев он провел в Венеции. И тайно обвенчался там со знаменитой куртизанкой Марией Гонфалоньери...

– С куртизанкой? – Изабель была шокирована.

– Венецианские куртизанки того времени были прекрасными образованными женщинами и редкий мужчина мог устоять перед их прелестью и умом. Вот юный Альба и попался.

– То есть, если вы мой дед, а она моя пра... пра... прабабка, – растерянно проговорила Изабель, – то я – потомок герцогов Альба?..

– Ты мгновенно ухватила суть! – воскликнул Росси. – И да будет тебе известно, у меня есть подписанное по всем правилам свидетельство о браке дона Карлоса Мигеля Фитцджереймса Стюарта и Сильва и моей прапрапрабабки Марии. А также свидетельство о рождении моего предка – Винченцо Гонфалоньери.

---

⁵² Совокупность вооружённых конфликтов на Пиренейском полуострове в ходе наполеоновских войн начала XIX века, в которых Наполеону противостоял союз Испании, Португалии и Англии.

– Почему об этом ничего не было известно? – прошептала ошарашенная Изабель.

– К сожалению, брак был аннулирован в 1815 году Святейшим Престолом по требованию короля Испании Фердинанда VII, как не получивший официального монаршего одобрения. Кстати, может, брак и не был бы расторгнут, но на момент его заключения юный Альба был несовершеннолетним.

– Проклятье! – вырвалось у Изабель.

– Да уж, – вздохнул Росси. – Марию поспешно выдали за венецианского торговца Росси, и тот признал Винченцо Гонфалоньери законным сыном. Надо заметить, почтенный негодяй оказался прекрасным мужем и отцом, брак принес ему немалую выгоду, так как за Марией дали отличное приданое. Именно с этого союза началось восхождение нашего рода. Со временем Росси стали элитой венецианской знати, потеснив Контарини, Гритти и Гримани... Испанская история была похоронена в семейных архивах и, скорее всего, сгнила бы от плесени и грибка, если б твой дедушка, – он приосанился, – не начал наводить порядок в семейной библиотеке. Ее немного подтопило во время очередного наводнения в конце пятидесятых, и надо было срочно принимать меры. Я посвятил разбору несколько лет, и то, что обнаружил, повергло меня, тогда еще молодого человека, в шок. Примерно, в каком сейчас находишься ты. А еще я нашел упоминание о последней воле моего... нашего предка. Гер-

цог Карлос Мигель Альба завещал пейнету Беренгарию Марии Гонфалоньери-Росси – видимо, он не переставал любить ее до конца дней. Но, естественно, подобное упоминание не имеет никакой юридической силы.

– Несомненно, – с сожалением кивнула Изабель.

– И тогда я попытался заполучить гребень собственными методами. Считаю – и ты со мной согласишься – я имею на него право. И ты – как праправнучка Марии Гонфалоньери. Я даже привлек специального агента. Это влетело мне во внушительную сумму, почти полмиллиона евро! И все коту под хвост.

– Как так? – удивилась Изабель.

– Та самая мадам Королева, о которой ты упомянула – оказалась не так проста. Наш агент погиб при очень подозрительных обстоятельствах – в его смерти обвиняют серийного убийцу – но что-то мне с трудом в это верится. Полагаю, ты должна кое-что знать об этом. Кстати, тебе не любопытно, почему я об этом знаю?

Сказать, что Изабель была поражена – не сказать ничего. Росси с удовольствием наблюдал, как она меняется в лице – растерянность сменяется изумлением, изумление – страхом, страх – паникой. Конечно, девочка не ожидала, что он в курсе всего, происходящего в Палладе – пусть даже это казнь очередного преступника или тренировка нового боевика. Однако, девочка заинтересовалась – вон, как глазки заблестели. Интересно, что ее больше поразило? Известие о

том, что она – потомок могущественного дома, или вероятность того, что ему известно все, что творится в ее засекреченной организации?

– У нас утечка? – выдержав паузу, спросила Изабель.

– Скажем так – я знаю очень много. И у меня везде друзья.

– Значит, друзья? – каменным тоном заметила она.

Росси усмехнулся: – Друзей надо заводить умело, и ценить. Ну, *carissima*, – продолжил он. – Уверен, мы сможем найти общий язык. Нам стоит объединить наши усилия, – он поднял примирительно руку, – Не волнуйся, я говорю только о временном сотрудничестве, хотя – как знать? Вдруг мы станем настолько полезны друг другу, что объединим и наши организации.

– Не думаю, – Изабель покачала головой. – Не вижу смысла.

– Это как посмотреть. С какой точки зрения. Например, под углом твоих личных желаний. Чего бы тебе больше всего хотелось?

– Почему вы спрашиваете? – надменно вздернула голову Изабель.

– Потому что я могу дать тебе все, что пожелаешь.

– Мне достаточно власти. Уж чего-чего...

– Мне это известно. Ты теперь Магистр Ордена – по завещанию Моник.

– Интронизации еще не было, – сухо откликнулась молодая женщина. – Я пока что исполняю обязанности, эксцелен-

ца. И стараюсь делать это максимально хорошо.

– Не сомневаюсь. Говоришь, власти тебе достаточно?.. Но можешь ли ты употребить эту власть во благо лично себе? Да так, чтобы не вмешался этот ваш пресловутый Маршал? Он способен спутать все твои планы, если пожелает.

– Магистры не пользуются данной им властью в личных целях, – с достоинством заявила Изабель. – Это низко.

– Неужели? Не будь такой наивной, принцесса! Твоя бабка Моник лично санкционировала казнь серийного убийцы по ходатайству твоей крестной мадам Перейра.

– И что? – подняла голову Изабель. – Обычное дело. Почему она не должна была?

– Да потому, милое мое дитя, что в том не было необходимости. За тем маньяком охотились спецслужбы некоторых стран – достаточно было сдать его властям одной из них. Не делай вид, что ты не понимаешь, о чем речь.

Изабель раздраженно поджала губы и выпрямилась в кресле.

– Ты в курсе, по чьей просьбе была проведена акция, в результате которой погиб не только маньяк, но и еще один человек?

– Да, – наконец кивнула она. – По просьбе Анны Королевой, примадонны Парижской Оперы. Человек, случайно погибший в тот день – Мигель Кортес де Сильва, виконт Вильяреаль.

– Это был мой агент.

– Ваш агент? Виконт?

– Он унаследовал титул совсем незадолго до гибели, – тонко улыбнулся Росси. – Но это неважно. Важно следующее. Мне удалось по своим каналам получить расшифровку протокола акции. К сожалению, в нем отсутствует важная деталь.

– Какая?

– Рыцарь, проводивший акцию, покинул место казни на несколько минут. И поэтому протокол не зафиксировал, кто же убил моего агента. А мне бы хотелось этот вопрос выяснить.

– Зачем?

– Зачем? Странный вопрос! Я не люблю, когда мне путают карты и мешаются под ногами. Меня это раздражает, – казалось, Росси сожалел не о смерти сомнительного виконта, а о даром потерянном времени и впустую потраченных немалых средствах. Необходима компенсация. И его внучка вполне может ее обеспечить.

– И если узнаете, кто вам помешал, как вы поступите?

– Им придется туго.

Росси произнес эти слова буднично, но в них сквозила такая неприкрытая угроза, что у Изабель не возникло сомнений – тому, кто встал на дороге ее деда, мало не покажется. Тем временем, старик, постукивая пальцами по подлокотнику кресла, внимательно следил за молодой женщиной. О, она – истинная француженка. Почти не пользуется ма-

кияжем – но как хороша, свежа и изящна. В ней нет ничего от рода Росси – женщины их семьи обладают чисто итальянским вкусом – элегантность превыше всего. Это конечно, мило, но порой утомляет.

– Не отказывайся от союза со мной, *carissima*. Я могу дать тебе верных людей для осуществления лично твоих желаний и планов. Чего тебе хотелось бы? У тебя есть враги? Наверняка есть – у такой красивой и могущественной женщины их не может не быть. У тебя есть шанс покончить с ними.

– С врагами я справлюсь сама, – на губах молодой женщины промелькнула презрительная улыбка.

– К сожалению, не всегда возможно сделать это так, чтобы не навлечь на себя губительные подозрения. Скажи, от кого бы ты хотела избавиться? Или кем завладеть?

– Вы сказали «Кем?», – ее правая бровь удивленно изогнулась. – Разве можно завладеть человеком?

– О-о!!! – рассмеялся старик. – Еще как можно! Причем не купить – нет, я не позволил бы своей внучке унижить себя подобным образом. А именно завладеть – умом, телом, сердцем. Признайся дедушке!

– С чего вы взяли, что у меня могут быть подобные желания?

– Я давно за тобой наблюдаю. Порой, когда ты думаешь, что тебя никто не видит – например, в ложе Оперы – у тебя такое особое выражение лица – нежное, чувственное, но... грустное.

– Вы ошибаетесь, – чуть запнувшись, возразила Изабель.

– Дитя мое, я так давно живу на свете, что сразу могу отличить сердце, заблудившееся в чаще безответной любви... Не надо спорить, а лучше прими мою помощь.

– А что вы хотите взамен? – деловито поинтересовалась графиня де Бофор.

– Не обижай старика! – замахал он руками. – Я бы помог тебе совершенно бескорыстно. И только когда наши мысли, желания, претензии стали б одним целым – лишь тогда я бы предложил тебе помочь мне... Да и себе самой, а dit la verita⁵³...

– Вы говорите о пейнете Альба? Вы не оставили надежды ее получить? И я должна вам верить? – фыркнула Изабель.

– Должна. Зачем мне тебя обманывать? Я отправлю к тебе моих агентов. Постарайся внедрить их в сеть организации – тогда в сложный момент тебе будет на кого положиться.

– Это очень трудно, – встревожилась Изабель – Рыцари проходят жесточайший отбор.

– Не волнуйся. Это будут люди, которые без труда впишутся в любую структуру, не вызывая подозрений.

– Я подумаю. Но и вы... сдержите ваше обещание.

– Ага! – обрадовался старик. – Значит, я был прав! Несомненно, ты мечтаешь о мужчине! Отлично! Тогда подумай о том, как прекрасно ты будешь смотреться в подвенечном платье и с пейнетой в волосах! Истинная Альба!

---

⁵³ Правду сказать (ит).

– Вы соблазните меня, экселенца?.. – чуть улыбнулась Изабель, но мечтательно зажмурилась. Росси удовлетворенно откинулся в кресле – кажется, цель достигнута. Не стоит, однако, обольщаться очевидной легкостью, с которой он разбередил в этом алчном и своевольном сердце мятежную бурю. Светлые глаза сверкают отчаянным желанием, но не следует забывать, что эта тридцатилетняя женщина – плоть от плоти Моник – хитрая и бессердечная. Необходимо умелой рукой направлять ее и неотступно следить за ней. И тогда спустя несколько лет будет кому передать власть – ей, Изабель де Бофор, достойной могущественных предков – и его самого – команданте⁵⁴ Винченцо Гонфалоньери Росси. А самому можно будет отправиться на покой – и осуществить давнюю мечту, если на то будет воля божья.

И чуть позже, январь 2013 года, Москва

– Не поворачиваться! Налево. Еще раз налево. Сказано, не поворачиваться! – мужчина беспрекословно подчинился, но несколько раз инстинктивно его голова дергалась в сторону голоса, отдававшего приказы. Меж лопаток его, не переставая, бежали капли липкого пота – так страшно ему не было, даже когда в детстве мать оставляла его в темном чулане. В чулане водились крысы. Животные не проявляли открытой агрессии, но мальчик испытывал отчаянный страх, когда они с писком подбегали к нему, заинтересовавшись его домаш-

---

⁵⁴ Comandante (ит) – командир, начальник.

ними тапками.

– Медленно поднимайся, – перед ним была достаточно крутая лестница, ступеньки которой тоскливо закрипели, подобно доскам эшафота. Он и чувствовал себя, будто приговоренный к смерти – этот голос... Впервые он его услышал, когда мучимый жаждой мести вынашивал жестокие и, чего греха таить, мало выполнимые планы. Его жена Танечка – единственная женщина, которая его любила, и которую до невыносимой боли в груди любил он – умерла спустя неделю после несложной операции – ошибка пьяного анестезиолога. Он выжидал под окнами врача несколько недель кряду, предвкушая, как затянет на ненавистной шее бельевую веревку. И вот, когда сладкий момент был уже изумительно близок, он услышал этот тихий бесполой голос: «Остановись. Оттуда, куда ты так стремишься, обратной дороги нет». Через неделю анестезиолог неосторожно упал, ударился головой и впал в кому, из которой так и не вышел. Сердобольные родственники отключили его от аппарата жизнеобеспечения примерно спустя полгода. А еще через несколько месяцев к нему явился Александр.

... – Теперь направо, – мужчина повиновался. Он был условно готов к тому, что это последние шаги в его жизни – скорее всего, ему не простят – как они это называют – «эксцесс исполнителя».⁵⁵

---

⁵⁵ Совершение действий, повлекших за собой последствия, которые не охватывались умыслом других соучастников. – иными словами, незапланированные

Он оказался в комнате с зеркалами – высокие и узкие, они были расставлены так, что во всех он видел свое отражение – невысокий сутулый человек в очках и с залысинами, в дешевом пальто и поношенных ботинках. Руки в карманах – чтобы никто не увидел, как они дрожат от страха. Он не боялся смерти – он неистово боялся боли. Даже порезанный палец причинял ему страдания – а вид рассеченной плоти повергал в полубморочное состояние, он призывал всю свою мужественность, но ее, как правило, не хватало, и он начинал плакать, как десятилетний пацан, и никак не мог остановиться.

– Доминик, здравствуйте, – послышался другой голос, такой же бесполой, но – более высокий. Первый он определил бы как тенор, а этот был скорее, фальцетом. Сейчас его называли именем, которое он выбрал себе для работы в Ордене. Не все рыцари пользовались псевдонимами, но это не возбранялось.

– Здравствуйте, – выдавил он, глубже втягивая голову в плечи.

– Доминик, вы понимаете, почему вы здесь?

– Я... я... я не знаю.

– Неужели?.. – в голосе прозвучала плохо скрытая ирония.

– Я и правда не понимаю...

– Тогда мне придется вам кое-что напомнить. Например – ваш проступок двухмесячной давности. Вы помните, что натворили? Вы убили невинного человека.

– Я... помню, – Доминик задрожал.

– Метко стреляете, Доминик. Кто б мог подумать...

– Да... простите.

– Вам это сошло с рук. В ваше положение вошли и оставили убийство безнаказанным, так как сочли его несчастным случаем. Вы должны были чувствовать благодарность.

– Поверьте мне, я чувствовал! – воскликнул он.

– Но вы не остановились.

– О чем... о чем вы говорите?! – пролепетал он.

– Что вы натворили на кладбище?! – интонации фальцета стали резкими, даже визгливыми.

– Я... не знаю, как это произошло.

– Надеюсь, вы понимаете, что ваше нынешнее положение плачевно, не сказать более? – прямо спросил фальцет.

– Мне ясно дали это понять, – пробормотал Доминик. – Я готов.

– Боюсь, что вы до конца не представляете, что вас ждет. Око за око.

– То есть, меня замуруют заживо? – его голос дрогнул.

– Угу, – это «угу» прозвучало до странности мирно, вовсе не угрожающе и оттого он испугался еще сильнее.

– А вы чего ожидали?.. Око за око.

У него затряслись не только руки, но и колени. Он представил себе помещение в пару квадратных метров, холод, жажду и голод – словом, все, на что он обрек Антонину Сергеевну Сукору – немолодую воспитательницу детского сада.

ка. Но если б они только знали... если б только знали...

– Мы прослушали протокол порученной вам акции, – продолжал голос. – Потрудитесь объяснить, почему вы отступили от сценария.

Ему было нечего ответить, но даже если б он и нашел аргументы – как преодолеть судорогу, которая свела мышцы гортани и языка? Он не мог произнести ни слова.

– Вы не проинформировали осужденную о причине, по которой ее приговорили к заточению. Ни слова о детях, над которыми она издевалась. Вы не предложили ей покаяться. Скорее всего, она вообще ничего не поняла.

– Поняла, – прохрипел Доминик, наконец. – Уверяю вас, поняла...

– Даже если и так, – отрезал голос, – нарушение сценария недопустимо. Женщину приговорили к двум суткам заточения – ровно на столько, на сколько она запирала детей – без воды и еды. Вы изменили место акции, оставили ее в холодном склепе. На улице была минусовая температура. У нее не было шансов выжить.

– Да, – эхом откликнулся он.

– Никогда не поверю, что вы просто ошиблись, – в голосе прозвучала некоторая насмешка.

– Ошибся, – обреченно выдавил Доминик. – Просто ошибся.

– Пусть так... Тогда вам, наверно, будет любопытно, что чувствовала она, умирая от гипотермии... Знаете, как чело-

век замерзает? Я вам расскажу.

– Не надо...

– Сначала человек начинает дрожать. Потом его руки и ноги постепенно теряют чувствительность. Потом он понимает, что не может двигаться. Потом он засыпает. И, если его не отогреть, уже не просыпается никогда. А если отогреть, то, вполне вероятно, придется отнять ему конечности, так как...

Неожиданно у него подкосились ноги, и он рухнул на-земь: – Простите! – взмолился он в отчаянии. – Я не знаю, как это произошло, я был вне себя, когда представлял себе тех несчастных детей.... Простите...

– Мы понимаем, что вы чувствовали, – голос, казалось, чуть смягчился. Мужчине померещилось, что зеркала немного сдвинулись – и он, а вернее, его отражение, стало чуть менее жалким, чуть менее сутулым.

– И мы ценим таких преданных людей, как вы.

– Спасибо, – воскликнул он. – Спасибо!

– Тем не менее, – продолжил голос, – вам придется испу-пить свою вину. Исправить то, что вы сделали.

– Разумеется! Я готов!

– Вы слишком часто повторяете, что готовы... Насколько вы готовы на самом деле?

– Испытайте меня! Дайте мне шанс!

В зеркалах вновь почудилось некое движение: – Вы полу-чите такой шанс. Но не надейтесь, что это будет легкий шанс.

И если только мы узнаем, что вы проявили нежелание делать то, что должны....

– Нет, нет... Я все сделаю... Приказывайте...

– Молите бога, чтобы мы больше никогда не усомнились в вас...

Июнь 2013 года. Лондонский королевский госпиталь

– Поздравляю вас, доктор, – Грейс восторженно улыбалась, когда заросший и невыспавшийся начальник ввалился в кабинет. Всю ночь он провел в родильном отделении клиники, оттуда же позвонил ей с просьбой отменить утренние лекции и вот, счастливый, гордый, Булгаков принимал поздравления – Катрин родила сына. Роды продолжались десять часов и силы ее были уже почти на исходе, когда наконец малыш изволил появиться на свет. Булгакову не верилось, что кошмар позади, но он помнил каждое мгновение – или почти каждое...

... – Ничего удивительного, – акушер пытался успокоить издерганного Сергея, пока родильный зал сотрясался от страдальческих стонов миссис Булгаков. – Возраст сказывается, все же тридцать пять лет и первые роды... Не волнуйтесь, все будет хорошо.

– Родная, я с тобой, постарайся сосредоточиться, – Булгаков сжимал руку Катрин. – Все будет хорошо, просто слушайся врача.

– Ох, Серж, уйди, только тебя не хватало, – всхлипнула

измученная Катрин, но только он поднялся, чтобы избавить ее от своего раздражающего присутствия, очередная схватка выгнула ее и она закричала: – А-а-а! Куда ты пошел, мать твою, иди сюда! – и вновь вцепилась в его руку, сжав с силой, которую трудно было заподозрить в тонких пальцах. – А-а-а!!!

– Уилл, да когда уже все это закончится?! – не выдержал Булгаков на исходе десятого часа. – Может, щипцы наложить?

– Это крайняя мера, – нахмурился акушер. – Пока все идет...

– Щипцы?! – Катрин услышала их разговор вполголоса – она всегда отличалась острым слухом. – Щипцы? Вы собираетесь доставать ребенка щипцами?

– Родная моя, не волнуйся, – Булгаков вернулся к креслу и положил руку на ее мокрый от пота лоб. – Мы просто обсуждаем варианты.

– Булгаков, если ты это допустишь, я тебя кастрирую, – рывкнула она и вновь завизжала: – А-а-а!..

– Потуги, – сообщила сестра. – Кэтрин, тужься!!! Головка уже видна.

Жена теперь кричала, не замолкая, и от ее воплей у Сергея сдавило виски свинцовым обручем.

– Взгляните, Серж, – Уилл сделал приглашающий жест: – Ваш сын выходит.

Сергей машинально устремил взгляд на раскинутые ноги

жены. Н-да... За двадцатилетнюю медицинскую карьеру он видел многое – раздробленные черепа, их содержимое, перемешанное, словно рагу, кровавое месиво вместо лиц – но от того, что теперь явилось его взгляду, у него потемнело в глазах и он пошатнулся. – Ух! – сквозь навалившийся мрак услышал он насмешливый приказ Уилла: – Нашатыря великому нейрохирургу!

Пронзительный аммиачный запах ударил, казалось, в самый мозг и чуть прояснившимся сознанием Булгаков уловил посторонний звук – басовитый крик своего сына.

– Мальчик, – донесся голос сестры. – Прекрасный здоровый мальчик.

– Серж, ты здесь? – слабый голос Катрин вернул его к реальности окончательно. – С тобой все в порядке?

– Он упал в обморок, – злорадно прокомментировал Уилл. – Слабак!..

Сентябрь 2013 года, Женская тюрьма «Холуэй» Лондон
– Мисс О’Коннел, как поживаете?..

Молодая женщина в джинсах и зеленой футболке не ответила на приветствие, лишь насмешливо приложила руку к бейсболке, из-под которой выбивались пушистые темно-рыжие кудри. Ее руки, тонкие, совсем девичьи, были усыпаны веснушками, пухлый рот чуть тронут бледной помадой, единственный макияж, дозволенный строгим режимом. Она смерила посетительницу чуть пренебрежительным

ВЗГЛЯДОМ.

– Ты почти не изменилась, – гостя села напротив. Ее глаза прятались под солнечными очками, а волосы покрывало шелковое каре. Тон ее голоса был властным и спокойным – даже монотонным.

– Ну и как тебе здесь живется? – Бриджит не отвечала, едва изломив припухшие губы в легкой усмешке.

– Здешний режим достаточно строг?..

– А то вы не знаете? – рыжая наконец заговорила. – Вы сами меня сюда упекли.

– Верно. Но ты это заслужила.

– Вы бы никогда меня не поймали, если б не пошли на подлость, – сцепив зубы, прошипела ирландка, – на подлость, которую ни одна высокая цель оправдать не может.

Женщина рассмеялась: – Это *ты* говоришь о подлости?! Забавно, ах, как забавно. Подлость – убивать безоружных, ни в чем не повинных людей, а то, как взяли тебя – просто тщательно разработанная операция.

Бриджит О’Коннел, действующему боевику Ирландской Республиканской Армии, как-то поручили создать бомбу – в чем она была виртуоз. После того, как она ее изготовила, в лабораторию вошли несколько молчаливых людей, и недели на нее наручники. А потом прикрепили к спине девушки взрывное устройство, которое она сама так старательно смастерила.

– Итак, ты бы предпочла, чтоб тебя разорвало на части?

Ведь именно таким было желание родственников тех, кого ты убила в лондонском торговом центре.

– А ваши исполнители с удовольствием воплощали их желание в жизнь, – раздраженно отозвалась Бриджит. – Я заглянула в их пустые глаза, когда они крепили на мне взрывчатку – в них не было ни гнева, ни жалости.

– Конечно, не было, – кивнула ее собеседница. – Зато жалость проснулась в десятилетней девочке, которая пожелала сохранить тебе жизнь. Она билась в такой истерике, что остальные тоже сжалились над тобой и остановили казнь.

– И обрекли меня гнить в этой дыре до конца моих дней, – мрачно произнесла заключенная.

– Тебе не приходилось выбирать, – отозвалась дама. – Тебе сохранили жизнь – будь благодарна. Сколько ты уже здесь? Десять лет?

– Девять.

– Тебе сейчас тридцать. Лучшие годы ты провела здесь – обидно, да? Ты могла бы выйти замуж, родить детей, получить образование.

– Я закончила заочно университет. Теперь я квалифицированный специалист по англосаксонским рунам.

– Волшебно, – с долей сарказма заметила дама. – Как изысканно.

– Зачем вы пришли? Что вы хотите? Может, вам несколько рун перевести?

– В другой раз.

– Так ваш визит – не разовая акция? – рассмеялась девушка. – Вы будете меня регулярно навещать? Как член семьи?

– Не наглей, – дама даже не улыбнулась. – Я пришла предложить тебе выбор.

– Выбор? Серьезно? Он все же есть?

– Выбор есть всегда. Даже когда кажется, что его нет. Иногда это просто весьма неприятный выбор.

– Звучит так, будто именно такой неприятный выбор мне и предстоит. Не думаю, что вы предложите мне что-то достойное.

Дама помолчала, но потом проронила: – Я могу вытащить тебя отсюда. Хочешь?

– Боюсь, мне это слишком дорого обойдется. Лучше сохранить status quo⁵⁶.

– Хорошо, – дама не стала спорить. Она легко поднялась и взялась за свою дорогую сумочку. – Прощай, – она подошла к двери и уже занесла руку, чтобы постучать, но услышала позади себя глухой голос:

– Подождите, мэм.

– Передумала?

– Я готова вас выслушать. Вы же не из христианского милосердия сюда приехали?

– А почему нет? – дама повернулась к ней. – Тебя жалко.

– Неужели? Десять лет назад вам не было меня жалко.

– Если мне не изменяет память, в 2004 году ты собствен-

---

⁵⁶ Текущее или существующее положение дел (лат).

ными руками убила двадцать шесть человек. Их разметало на части, которые потом собирали по фрагментам в черные мешки. Шестилетний ребенок остался без ног, а беременной женщине оторвало голову. Что они тебе, тебе лично, сделали?

Бриджит подняла на нее зеленые глаза, полные страдания и боли: – А что сделал ирландский подросток Шон Грегуар, которого полицейский убил в Белфасте? Ничего! Это была акция возмездия!

– Это было массовое убийство. А Грегуара застрелили при попытке ограбления пенсионера. Это доказано неопровержимо.

– Ложь! – закричала Бриджит.

Дама недовольно пожала плечами: – Я здесь не для того, чтобы с тобой спорить, – она вернулась и опустилась на стул, прикрученный намертво к полу. – Мне жаль тебя – молодая, красивая. Сколько ты еще здесь выдержишь?

– Сколько суждено, – ответила Бриджит. – Сколько отмеряно.

– Кем отмеряно? – спросила дама холодно. – Может, мной?

– О чем вы, мадам?

– Я о том, что все можно изменить. Я помогу тебе выйти по УДО, а ты...

– Мой срок пожизненный, какое УДО? – пробормотала девушка.

– Я помогу тебе выйти по УДО, – настойчиво повторила ее собеседница – а ты отдашь мне свою жизнь.

– Что? Прямо-таки жизнь? Не жирно?

– Хорошо, – легко уступила дама. – Десять лет. Согласна?

– Что я должна делать?

– Ты будешь следить за одним человеком.

– Десять лет?

– Как получится. Ты будешь жить с ним, и следовать за ним по пятам. И докладывать мне обо всем, что с ним связано.

– Шпионить? – белая кожа ирландки пошла багровыми пятнами. – Я не шпионка!

– Не шпионка, нет, – покладисто согласилась дама. – Ты убийца, виновная в смерти почти тридцати человек. Пора платить по счетам, О’Коннел.

– Он кто? – мрачно спросила Бриджит.

– Убийца, как и ты, – услышала она в ответ. – Вы друг друга стоите. Правда, ты убивала, с позволения сказать, из идейных соображений, а он – потому, что жестокий садист.

– И зачем он вам? На чем вы его поймали?

– Он сам тебе расскажет – если захочет. Он тебе понравится. Этот человек нравится всем. И не только женщинам. Море обаяния, правда, весьма своеобразного. Если захочешь, разрешаю с ним спать. Но учти, влюбишься – уничтожу обоих.

– У меня завышенные требования к мужчинам, – скриви-

лась девушка.

– Я знаю, – не без иронии усмехнулась дама. – Твоим любовником был Гюстав Корбо. Его вздернули на виселице, если не ошибаюсь? Да уж, высокий уровень. Уверяю тебя, этот круче. Итак, спать можешь, любить – нет.

– Вы его что, для себя приберегли? Так может вам самой с ним жить и шпионить за ним? – вспыхнула Бриджит. – Или статус не позволяет?

Дама подняла голову и сняла темные очки. В ее светлых глазах ирландка увидела такой морозный холод, что едва не подавилась своей дерзостью.

Несколько мгновений дама молчала, а потом медленно, разделяя слова, произнесла: – Услышу от тебя нечто подобное еще раз – проклянешь день, когда родилась.

Бриджит отлично знала, что это не пустая угроза, но гордость не позволяла ей согласиться на унижительные условия этой высокомерной женщины. Она упрямо сжала губы. Дама несколько мгновений ждала ответа, а потом просто поднялась с места и, не говоря ни слова, вновь направилась к двери.

– Подождите! – услышала она. – Подождите. Я поняла. Извините.

Дама вернулась на место.

– В следующий раз я выйду за дверь и больше не вернусь. Так что следи за языком. И обращай ко мне, как полагается – мадам де Бофор.

– Да, мадам де Бофор.

– Так-то лучше. Теперь продолжим. Как я понимаю, ты оценила мое предложение по достоинству?

– Чем он будет заниматься? Этот ваш монстр?

– Как чем? – удивилась дама. – Убивать, разумеется.

– И я должна буду следить за ним? И все? Вы не заставите меня убивать? Для этого вашего ордена?

– Для того, чтобы заслужить подобную честь, надо пройти семь кругов ада и ощущать чужое страдание как собственное. Полагаешь, ты готова?

– А он, получается, готов? Он прошел этот ваш ад?

– Возможно, – кивнула дама. – Но я сказала – если он захочет, то сам тебе расскажет. Итак?..

Девушка молчала, пристально рассматривая свои руки, давно не знавшие маникюра. – И я выйду на свободу? – наконец спросила она. – Не боитесь, что сбегу?

– Нет, – дама покачала головой. – Тебя быстро поймают, и ты вернешься сюда – уже до конца дней. Кстати, если надумашь обмануть меня или скрыть какую-либо информацию – результат будет тот же. Никакой двойной игры.

– И когда я смогу выйти? – нетерпеливо спросила Бриджит.

– Скоро. Я могу считать, что ты согласна?

– Да, мадам де Бофор...

– Что-то я плохо слышу...

– Да! – заорала ирландка и дама поморщилась.

– Тихо. Возвращайся в камеру и собирай вещи. В среду заседание комиссии.

– Так быстро? – испугалась девушка.

– Машина давно запущена. Я не сомневалась, что ты согласишься.

Париж, 12 округ, примерно два месяца спустя (ноябрь 2013)

И вот Бриджит О’Коннел, экс-боевик ИРА, оказалась на тихой улочке Шароле в Берси. Стены домов размалеваны граффити, в нише полуподвала спит клошар, прикрывшись «Пари суар». У него в ногах дремлет большой черный пес с белым ухом. Чутко уловив легкие шаги, он поднимает лобастую голову и придирчиво просвечивает рыжую девушку своим собачьим сканером – уж не претендует ли она на имущество хозяина?.. Убедившись, что опасности девушка не представляет, вновь опускает морду на лапы и закрывает глаза. Когда Бриджит покидала «Холуэй», у ворот ее встретил безликий человек, вручивший ей адрес, по которому надлежало прибыть в течение недели, и ключ. Узнав, что ей предстоит отправиться в Париж, Бриджит заволновалась – а как же еженедельные посещения инспектора по УДО? Человек пожал плечами, заявил, что это не ее забота и выдал ей новые документы. Теперь она – Бриджит О’Нил. Спасибо, хоть имя оставили.

И вот – шестой день на исходе и она стоит перед серым

восьмиэтажным домом. «Ну и дыра», – Бриджит поднимается пешком на последний этаж – лифт в доме присутствует, но не работает. Сама она выросла в загородном доме в графстве Дерри, а когда ей исполнилось семнадцать – ушла за Гюставом Корбо, зачарованная его страстными идеями и огнем, горевшим в темных глазах. Ей приходилось жить в разных местах, скрываясь от полиции и MI5⁵⁷, но когда рядом был Гюстав, командир одной из бригад Real IRA⁵⁸, Бриджит казалось, она вынесет все – и голод, и нужду. Известие о его казни пришло, когда она уже отбывала срок в Холуэй. Сделать из простыни петлю и оставить мир, в котором она никогда с ним не встретится – первое, что пришло ей в голову, и она с облегчением последовала спасительной мысли. Из петли ее вынули и отправили в карцер. После ей стало все равно – дни шли. Шли месяцы и годы – ей было все равно. Пока не пришла эта, Изабель, которую она видела лишь однажды, мельком, среди огромного двора на заброшенном заводе в лондонском Ист-Энде, где Бриджит, с прикрепленной к ее спине бомбой, ждала своей последней минуты. Та самая дама, девять лет спустя навестившая ее в Холуэй, по-

---

⁵⁷ Military Intelligence, официально Служба безопасности (англ. Security Service) – государственное ведомство британской контрразведки, в обязанности которой входит борьба с терроризмом (англ).

⁵⁸ Подлинная Ирландская Республиканская Армия – радикально настроенная террористическая организация, преемница ИРА, цель которой – объединение Республики Ирландия и Северной Ирландии (провинции Великобритании) (англ).

дошла к одному из тех, кого называли «les chevaliers»⁵⁹, что-то показала ему в папке, и тот, почтительно склонив голову, остановил казнь. Перед тем ирландка слышала истошный детский плач где-то вдалеке, но не могла знать, что это билась в истерике десятилетняя дочка женщины, погибшей от взрыва, умоляя не убивать приговоренную к смерти, и родственники остальных погибших, один за другим, с растерянностью отказались от приговора...

Бриджит повернула ключ в двери, замок щелкнул, и она вошла в квартиру. В одну из тех парижских квартир, которые больше напоминают шкаф, чем жилье. Из двухметровой прихожей она сделала шаг и оказалась в комнате – метров двенадцать – не более, перегороденной диваном, из-за спинки которого послышалось:

– Ça va?⁶⁰

Бриджит по-французски не говорила. И поэтому не ответила, а обошла диван, протиснувшись у стены. Мужчина, на вид – лет за тридцать, даже не приподнял головы при ее появлении, лишь закинул длинные ноги на обитую потертым плюшем спинку.

– Значит, это тебя прислали шпионить за мной, – криво усмехаясь, произнес он по-английски.

Бриджит исподволь рассматривала его – высокий лоб, прекрасно вылепленный нос – вероятно, мужчину можно

---

⁵⁹ Рыцари (фр).

⁶⁰ Как дела, привет (фр).

было бы назвать интересным, если б не безобразный шрам, пропахавший правую сторону лица от виска к подбородку через угол рта с тонкими губами. Словно лиловый арахнид вцепился в его лицо хищными конечностями, стянув щеку так, что, казалось, угол рта немного вздернут в постоянной сардонической ухмылке.

– Кто это тебя так? – спросила она, даже не поздоровавшись.

– Худший из врагов – я сам, – серьезно ответил он.

– Как тебя зовут?

– Десмонд, – произнес мужчина. Он поднял один из журналов, валявшихся на полу, и лениво принялся его листать.

– Десмонд?.. А дальше?

– Гарретт, если это что-то меняет.

– Ты откуда?

– Слишком много вопросов, – пробормотал он. – Ты сама-то кто? Судя по рыжим волосам и непомерному любопытству – ирландка? – он ткнул в ее сторону журналом: – Дай-ка угадаю? О’Коннор? О’Брайен? О’Хара?

– О’Нил, – с вызовом ответила она и, подумав, добавила. – Солдат ИРА.

– Ничего себе, – присвистнул он. – Веселая у меня компания.

– Ты не англичанин, – заметила она.

Он презрительно фыркнул.

– Американец?

– Угадала, – отозвался он лениво.

– И что ты натворил?

– Как-нибудь расскажу, – процедил он. – Если захочешь.

– Я сейчас хочу, – смело заявила она.

– А мне плевать, чего ты хочешь, – отрезал он. Рыжая девушка уже изрядно его достала. Но Бриджит его демонстративное равнодушие уязвило. Ей захотелось задеть его побольнее и понаблюдать за реакцией.

– Правда, что ты убийца?.. – начала она, но даже не успела заметить, как оказалась пригвожденной к стене – так, что не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть. Его локоть уперся ей в горло, перекрыв воздух. Бриджит захрипела.

– Еще один вопрос и тебя уже ничего не будет интересовать в этом брэнном мире, – тихо произнес он, и от звука его голоса она оцепенела, как от шипения кобры.

– Пусти, – еле слышно потребовала она, но он не торопился.

– Ты меня поняла? – спросил он.

Бриджит сама не понимала почему, ее, отважную и нахальную, охватила мелкая дрожь, хотя она смутно осознавала, что вряд ли он прикончит ее прямо сейчас.

– Между прочим, – сипела она полузадушено, – я убила больше тридцати человек.

– Впечатляет, – его ледяную гримасу с трудом можно было назвать улыбкой. – А вот я не считаю тех, кого убиваю, я... просто их убиваю – долго и со вкусом. Я тебя на ремешки

порежу.

Он чуть напряг мышцы руки, которой прижимал ее к стене и у Бриджит потемнело в глазах. – Пусти... Прости...

– Я редко прощаю, – тем не менее, он отпустил ее, и она схватилась за горло. Легкие разрывались от хлынувшего в них воздуха: – Anchuinse⁶¹...

– Хорошо, что я не знаю ирландского... или гэльского... и могу игнорировать твои ругательства.

– Scum⁶², – прохрипела она.

– Fuck ъуоу⁶³, – он вновь плюхнулся на диван и уткнулся в журнал. Бриджит, тем временем, судорожно копалась в сумке, в поисках телефона. Наконец, нашла и набрала номер: – Это я, – задыхаясь, произнесла в трубку. – Он чуть не убил меня минуту назад.

Американец услышал звонкий голос. Но не разобрал слов. Судя по тону, ирландке не выразили никакого сочувствия.

– Я поняла, мэм, – девушка поджала пухлые губы. Нажав на кнопку, она с ненавистью посмотрела на мужчину. Выдохнула:

– Feicfidh me tu a mharu.⁶⁴

– Смотри, не лопни от злости, – отозвался он.

Некоторое время они молчали. Бриджит сверлила его

---

⁶¹ Урод (гэльский).

⁶² Сволочь (гэльский).

⁶³ Да пошла ты! (англ, вульг).

⁶⁴ Я тебя убью (гэльский).

злобным взглядом, а он делал вид, что читает журнал. Прошло минут пятнадцать, прежде чем Десмонд соизволил обратиться на нее внимание:

– Уверен, тебе нужен секс. И сразу полегчает. После стольких лет-то в тюрьге...

– Что? – она была так ошарашена, что сразу не поняла, о чем он говорит, а когда поняла, залилась краской. – Ты себя предлагаешь?

– Еще чего, – его слова звучали серьезно. – Но ты можешь пойти на улицу Сен-Дени.

– Зачем? – растерялась она. – Что это за улица?

– Там снимают шлюх, – пояснил он. – Заодно подзаработаешь. Выглядишь, как «white trash»⁶⁵ – не мешало б привести себя в порядок. Наше начальство не очень щедро.

Она смотрела на него распахнутыми глазами, которые наливались обидой и непониманием, за что он так оскорбил ее. Он истолковал ее молчание превратно.

– Но если ты стала лесби в тюрьме, то тогда тебе к кортам Роллан Гарос, – продолжал он с издевкой. – Там платят лучше. Это в Булонском лесу. Спустишься в метро и на Насьон пересядешь на девятую ветку в сторону... Ты меня слушаешь?..

Бриджит словно вернулась в детство, когда учитель математики в католической школе, где она училась, перед всем классом обозвал ее шлюхой за то, что она чуть подкрасила

---

⁶⁵ «Белая рвань» – (амер. англ, презр).

тушью светлые ресницы. У нее, в прошлом безжалостного боевика ИРА, предательски задрожали губы.

– Эй! – он впервые внимательно ее оглядел – с головы до ног. – Ты что – плачешь?..

– Еще чего! – Бриджит сцепила зубы.

– Плачешь, – он потер лицо холеной ладонью. – Нервы у тебя – ни к черту. Что тебе делать с такими расшатанными нервами в этой помойной яме?

– Видала я места и похуже, – выдавила Бриджит. – Здесь просто тесно... и неубрано.

– Да я не про эту дыру, – он снова легко вскочил с дивана и оказался рядом с ней – лицом к лицу. – Я про свору убийц, которые называют себя Палладой.

– Сам-то ты кто, – проворчала она, отворачиваясь, чтобы все ж скрыть навернувшиеся слезы обиды.

– Я – убийца, ты же сама сказала. И ты, как я понял, тоже. Но те, которые нас свели вместе – хуже нас. Они прикрываются идеей.

– Что плохого в идее? – Бриджит попыталась отодвинуться. От мужчины пахло приятно, но он внушал ей страх – не потому, что несколько минут назад чуть не убил ее, а потому, что глаза его при этом не выражали ничего – даже злости. Такой взгляд она видела однажды – у Мэри Кармайкл, вернувшейся в камеру после очередного свидания. Только вместо любимого мужа в тюрьму явился адвокат с бумагами о разводе и лишении ее родительских прав.

– Ничего плохого нет в идее, пока ею не начинают прикрывать преступления. И убийства в том числе.

– Во имя идеи стоит умереть! – воскликнула Бриджит. – Мои соратники...

– К дьяволу твоих соратников и тебя туда же. Умри сама за идею, но не убивай других, – буркнул он. – Какого черта, в самом деле! Если надо убить – убей, но не прикрывайся красивыми словами. Это лицемерие. Впрочем, кому я это говорю...

Ничего себе! И вот с этим жутким типом, который заявляет: «Надо убить – убей!», ей предстоит жить! Он же прикончит ее без колебаний, если ему будет... «надо».

Американец с улыбкой наблюдал, как она меняется в лице. Ему удалось напугать рыжую нахалку – отлично! Пусть знает свое место.

– Держись от меня подальше, – посоветовал он резко. – А теперь закрой рот и не мешай мне.

И он вновь плюхнулся на диван и уткнулся в свое неприятное чтение.

Конец марта 2014 года, Париж, Репетиционный зал Опера Бастий

– Et encore un coup dès le début, répétez!⁶⁶ Анна, да соберитесь наконец, чем у вас голова забита?

Анна устало перевела дыхание. Вот уже второй день они

---

⁶⁶ Еще раз с начала, повторите! (фр).

бьются над этой поддержкой, а Этьен, балетмейстер, все недоволен. Борис Левицкий, ее партнер, делает страшные глаза, после того, как тот в очередной раз орет «Halte-là!» и картинным жестом вцепляется себе в волосы.

Впрочем, Этьен прав – голова у нее, Анны, действительно забита не тем, чем нужно. Мелочь какая-то, но, как всякая мелочь, объяснения которой нет, она выводит Анну из состояния равновесия. Пару дней назад ее пригласил к себе директор Жоэль.

По обыкновению, он говорил уклончиво, в результате чего запутался сам и внушил Анне безотчетное чувство тревоги.

– Дорогая Анна, – начал он. – Как у вас дела? Вас все устраивает?

Получив от Анны традиционно положительный ответ – даже если б ее что-то не устраивало, она бы не стала жаловаться – директор все равно не угомонился. Видимо, он был обеспокоен до такой степени, что словно ее не слышал: – Вы ничего не хотите мне сказать?

Анна заверила его, что у нее все в порядке. Жоэль продолжал коситься на нее с недоверием. – Вы не собираетесь прервать контракт с Парижской Оперой? – наконец выпалил он.

– Ради бога, мсье директор! – взмолилась Анна. – Да с чего вы взяли?

– В связи с предложением, которое вы недавно получи-

ли, – проямлил он. – Или получите в ближайшее время. Логично предположить, что вы нас скоро покинете.

– Но я не получала никакого предложения! – возмущено воскликнула Анна. – И даже если б получила – я всегда выполняю взятые на себя обязательства и не подвожу людей, которые были ко мне добры.

– Отрадно слышать, – закивал директор. – Но, насколько я понимаю, от подобных предложений не отказываются.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – Анна начала раздражаться.

– Да? – в голосе директора все еще слышалась подозрительность. – Анна, я умоляю вас! Если вы соберетесь расторгнуть контракт... сообщите мне максимально быстро!

– Вы первый узнаете, – пообещала Анна. – Но, клянусь, не понимаю, о чем вы!..

...Вымотанный танцовщик, внасквозь промокшим от пота трико тяжело дышал, упершись ладонями в колени. Анна, переступая *passepied*⁶⁷, посматривала на стенные часы – время близилось к пяти, а у нее с утра маковой росинки во рту не было. Но положение примы не позволяло ей жаловаться – так, во всяком случае, она считала. Зато Борис решил, что вполне может пренебречь условностями. – *C'est tout!* – заявил он. – *Je suis fatigué et tiens! J'ai les crocs.*⁶⁸

---

⁶⁷ Перевод стопы из V в V позицию сзади вперед (*dessus*) или спереди назад (*dessous*).

⁶⁸ Все! Я устал, и, кстати, хочу жрать. (фр).

Этьен с досадой поморщился, но, не трата время и нервы на споры, безнадежно махнул рукой: – Bien, на сегодня все. Завтра к десяти, – отдав короткое указание аккомпаниаторше, он скрылся за дверью танцкласса, бормоча вполголоса что-то нелицеприятное в адрес les célébrités russes ambitieux⁶⁹.

– Как же он меня достал, мудака, – пробормотал Борис, срывая со станка полотенце.

– Ш-ш-ш, – Анна покосилась на аккомпаниаторшу, которая невозмутимо собирала с пюпитра ноты. Борис говорил по-русски, но Анна не сомневалась, что эпитет, которым Левицкий припечатал Этьена Горо, уже прочно входил в лексикон труппы и персонала Опера Гарнье, ввиду частоты употребления емкого слова российским танцовщиком.

– Да ладно, – отмахнулся Борис. В этот момент в класс заглянула одна из служительниц. – Мадам Королева! Вас спрашивают внизу.

– Кто? – удивилась Анна. За ней собиралась заехать Жики, чтобы вместе поужинать в Ledoyen⁷⁰. Но для той еще рано.

– Какая-то женщина, и с ней девочка лет десяти.

– Я сейчас спущусь. Только переоденусь.

Спустя четверть часа Анна появилась у служебного входа. Около охранника, задумчиво ковырявшего одноразовой

---

⁶⁹ Зарвавшиеся русские знаменитости (фр).

⁷⁰ Ресторан на Елисейских полях.

вилкой китайскую лапшу в коробке, стояла женщина лет тридцати пяти – высокая, спортивная, с гривой пепельных волос, небрежно скрученных в нечто наподобие «бабетты». Несколько тонких прядей упруго волнились у висков. Девочка рядом – по всей видимости – дочь, была причесана точно как мать – видимо, страстно желая подражать той, которой восхищалась. «Быстро у них это проходит», – мелькнуло у Анны в голове: «Через несколько лет, скорее всего, она побреется наголо и сделает татуировку с именем бойфренда». Но отметила про себя, что обе держались как парижанки, уверенно и расслабленно, правда, женщина грызла дужку солнечных очков, словно в нетерпении.

– Bonjour. C'est vous qui m'avez demandé?⁷¹

Однако женщина неожиданно заговорила по-русски: – Анна? Вы же Анна Королева?

Анна кивнула, озадаченная – женщина была ей незнакома. Та улыбнулась ей, но девочка оставалась серьезной, даже чуть надутой.

– Вы меня не знаете, – сказала женщина. – Не пытайтесь меня вспомнить.

– Так может, вы представитесь? – Анна чуть нахмурилась. Она устала, проголодалась, а тут, похоже, назревал долгий разговор. Что надо этой даме?

– Меня зовут Лиза, – спокойно произнесла женщина. – Лиза Гладкова. А это моя дочь Тони. Антуанетт.

---

⁷¹ Это вы меня спрашивали?(фр).

– Лиза Гладкова? – пробормотала Анна, в замешательстве рассматривая девочку. – Я должна вас знать?

– Скорее всего, нет, – покачала головой женщина. – Если только Антон не рассказывал вам про меня.

Если б та вытащила пистолет и выстрелила в нее, Анна, вероятно, не была бы настолько ошеломлена. – Антон? Вы говорите про Антона Ланского? Вы его знали?

– Мы можем поговорить где-нибудь в другом месте? Не думаю, что нам следует вспоминать Антона – здесь. – Женщина огляделась вокруг.

– Пойдемте в кафе! – Анна выскочила из служебного подъезда. Она почти бежала – вот кафе, в котором она всегда обедает, официанты ее прекрасно знают. Она упала на стул подле одного из столиков. Лиза вместе с дочерью неторопливо следовала за ней.

– Говорите! – умоляюще произнесла Анна. – Вы знали Антона?

– Мы учились с ним в одной группе в МГУ, на юрфаке, – произнесла Лиза и обратилась к дочери по-французски: – Chérié, пойди купи себе мороженое, – она вручила девочке бумажку в 10 евро. Девочка пожалала плечами и ответила:

– Я лучше книжку куплю! – и побежала через дорогу к Галери Лафайет.

– Итак?

– Антуанетт – дочь Антона, – без предисловий заявила Лиза.

– То есть как? – ахнула Анна. – Не может быть!

– Почему? – удивилась Лиза. – У нас был долгий роман.

Но правду сказать, мы расстались на последнем курсе.

Анна растерялась. Она не знала, как ей реагировать на признание этой женщины. Было, однако, совершенно очевидно, что та говорит правду. Спокойное лицо, искренний голос и сквозившая в нем печаль.

– А почему вы расстались? – неуверенно спросила Анна. – Простите, если...

– Все нормально, – Лиза грустно улыбнулась. – Он считал, что я его бросила. Но на самом деле, я оставила его, когда поняла, что он меня не любит. Не любит так, как люблю его я. Я не хотела, чтобы он маялся подле меня. Поскорее вышла замуж – только чтобы он не страдал от чувства вины.

– Но зачем? – поразилась Анна. – Если вы его продолжали любить...

Лиза достала из сумочки сигареты. Они сидели на улице, и поэтому официант мгновенно поставил перед ней пепельницу. – Вы не против? – спросила Лиза и, когда Анна покачала головой, закурила. – Именно потому, что любила и хотела, чтобы он был счастлив... И позже он нашел свое счастье – с вами.

Анне стало вдруг невыносимо стыдно – словно она обманывает эту женщину. – Он нашел со мной не только счастье, – прошептала она, стараясь не смотреть на Лизу. Но та все же поймала ее взгляд и не отпускала его – без малейшего

намека на осуждение. – Все это уже не важно. Главное, без меня он был счастливее, чем со мной.

Она замолчала.

– Но вашей дочери... – сколько ей? – спросила Анна не без трепета.

– Недавно исполнилось двенадцать, – улыбнулась уголками губ Лиза. – Не волнуйтесь, Анна, и не подумайте ничего плохого – это произошло еще до того, как Антон встретил вас. Однажды... я тогда только развелась, мой первый брак оказался катастрофой и продлился недолго... Так вот, однажды мы случайно встретились на какой-то корпоративной вечеринке. Казалось, он искренне обрадовался. Пожалуй, мы чуть перебрали, я осмелела и затащила его к себе. И вот – результат... Вы плачете? – растерялась Лиза. – Простите, что огорчила вас.

– О нет! – улыбка озарила лицо Анны. – Господи, какое счастье, что после Антона осталась дочь!

– Правда? – спросила Лиза несмело. – Вы не сердитесь?

– Сержусь? – воскликнула Анна. – Что вы... Надо сообщить родителям Антона, это станет для них спасением! И вот еще что! Антон оставил мне деньги и акции – это все надо отдать вашей дочери!

– Нет, Анна, не выдумывайте! – Лиза остановила ее движением руки. – Я достаточно состоятельная женщина, мой муж банкир, и моя дочь ни в чем не нуждается. Я просто решила рассказать Тони о ее настоящем отце – и, когда она

услышала про вас, пришла в восторг – она обожает балет.

– Мне показалось, она сердится.

– Что вы, она просто стесняется. Она очень застенчивая.

– Вся в отца, – улыбнулась Анна грустно. Тут она почувствовала вибрацию телефона в кармашке шелкового жакета.

Номер определился незнакомый, но явно парижский. – Извините, Лиза! Алло!

– Querida? – услышала она приглушенный неторопливый голос. Ей стало пронизывающе зябко. Разом онемели губы и язык, и запершило в горле. – Querida! Зачем ты убила меня, querida? Ты убила меня из-за пейнеты?..

Анна дрожащим пальцем нажала на отбой. Ей всего лишь это кажется. Ей почудилось. Этого не может быть. Просто не может быть. Галлюцинация.

– Анна, что с вами? – словно сквозь вату пробился женский голос. Лиза! Вот она – реальность, Прекрасная, жизнеутверждающая реальность, а не это колыхание адской бездны, в которую она только что случайно заглянула.

– Анна, с вами все в порядке? Вы будто привидение увидели...

– Нет, все нормально, – Анна еле нашла в себе силы улыбнуться в ответ. Тони уже вернулась и теперь с умным видом уткнулась в «L'Île mystérieuse»⁷² – что за идеальный ребенок? Читает настоящие книжки, вместо того, чтобы гонять идиотские игрушки в телефоне или планшете.

---

⁷² «Таинственный остров» роман Ж. Верна.

– Тони что-нибудь знает об Антоне? – осторожно поинтересовалась Анна. Но телефон снова завибрировал – теперь, лежа на столе, он издавал мерзкий гудящий звук. Анна в панике посмотрела на экран – опять тот же номер! Несколько касаний пальцем экрана – и номер отправлен прямым в черный список. Вот так!

– Что-то случилось? – спросила Лиза.

– Назойливый поклонник, – поколебавшись, соврала Анна. Лиза, скорее всего, поняла, что та врет, но комментировать не стала. Анна же спросила снова: – Тони знает про Антона?

– Да, – спокойно улыбнулась Лиза. – Теперь знает. Cherié, что ты знаешь про папу?

– Про папу Шарля или папу Антона? – невозмутимо уточнила девочка, подняв голову от книги.

– Про папу Антона, – пояснила Анна.

– Он умер, – грустно покачала головой Тони. – Совсем недавно. Жаль. Я хотела бы с ним познакомиться. Мама говорит, он очень добрый... Вернее, был добрый.

– Да, милая, – губы Анны задрожали. – Он был очень хороший. Замечательный.

– А вы – его жена?

Господи, эти современные дети! Ничем их не смутишь! Все в порядке вещей – два папы, жена первого папы – звезда балета, мама вышла замуж за второго папу...

– Да, Тони. Я была его женой, – это было почти правдой.

Несмотря на то, что они так и не зарегистрировали отношения, Анна всегда чувствовала себя женой Антона. А потом – вдовой.

– Вы сможете связаться с его родителями? – спросила Лиза. – Я могу, конечно, попробовать их найти по официальным каналам: посольство и все такое... Но мне не хотелось бы. Мне кажется, лучше сохранить приватность.

– Согласна, – Анна не могла оторвать глаз от светловолосой девочки. А ведь это могла быть их с Антоном дочь. Помладше, конечно... Лет шести-семи. Она почувствовала, как щипало в глазах. Как можно было быть столь эгоистичной! Прощаясь с Валентиной и Альбертом Ланскими после похорон, Анна чувствовала вину за то, что Антон не оставил потомства – ведь именно она всегда была занята, а он, принимая ее одержимость балетом, не настаивал. Теперь Анна понимала, как счастлив был бы ее муж, если бы она... «Остановись, – приказала она себе. – Самобичевание ни к чему не приведет». Сейчас главное – эта женщина нашла в себе смелость родить от любимого, хотя точно знала – счастья рядом с ним ей не обрести никогда.

– Я сейчас же позвоню его родителям, не надо откладывать!

– Удобно ли их беспокоить, – смущенно проронила Лиза.

– Очень удобно! – Анна была настроена решительно. – Отвлекутся от нефтяных вышек и верблюдов.

Лиза удивленно подняла брови: – Разве они не в Москве?

Все еще в... Забыла, где...

– В Кувейте, – напомнила Анна, листая записную книжку в смартфоне.

Международная связь сработала превосходно: – Анечка! – услышала она мягкий голос Валентины. – Рада, что ты нас не забываешь!..

– Как я могу, – улыбнулась Анна. – У вас все хорошо?

– Насколько возможно, – вздохнула мать Антона и, в свою очередь, заволновалась: – А у тебя ничего не случилось?

– Кое-что, – осторожно сказала Анна. – Вы помните Лизу?.. Лизу Гладкову?

– Лизоньку? Конечно! Такая милая была девочка!..

– Дело в том... Мы с ней встретились здесь, в Париже. И она сейчас сидит передо мной.

– Ах, как хорошо! – воскликнула Валентина. – Передай ей привет.

– Непременно. Но она не одна.

– Не одна? – Валентина, казалось, была озадачена. – А с кем?

– С дочерью. И это дочь Антона, – Анна не отрывала взгляда от внезапно побледневшего лица Лизы.

– Анечка, я тебя... я тебя... не расслышала, – Валентина стала запинаться, словно ей было трудно говорить.

– У Антона есть дочь. Ей двенадцать и ее зовут Тони, – отчеканила Анна.

– О господи, – Валентина замолчала на несколько се-

кунд. – Анечка, а ты уверена... – она не закончила фразу.

– Она очень похожа на Антона, – в горле у Анны вдруг пересохло. – Она так на него похожа...

– О господи, – повторила Валентина, а потом крикнула куда-то в сторону. – Альберт, иди сюда скорее! Иди сюда, говорю, брось ты этот дурацкий планшет! Анечка, я прилечу... мы прилетим в Париж при первой же возможности! Пожалуйста, скажи Лизе... Скажи Лизе...

– Я скажу, – успокаивающе пообещала Анна. – Я скажу, что вы рады.

– Я не рада, – тут Валентина разрыдалась. – Я так счастлива!

Хотела бы Анна сказать то же о себе. Конечно, появление Тони в жизни родителей Антона придаст смысл их грустному существованию. Но и станет горьким упреком ей, Анне, ее откровенному эгоизму и ненасытной жажде славы... Но с этим ей теперь придется жить.

Мужчина, прогуливавшийся по другой стороне улицы, внимательно следил за двумя женщинами и, особенно, за одной из них. После того, как прима поднялась и, прощаясь, протянула руку своей собеседнице, он не спеша вынул из кармана смартфон.

– Она до смерти перепугалась, – удовлетворенно сообщил он. – Отправила номер в черный список. Думаю, пора нанести ей визит. А за ее подружкой я отправлю un fileur.⁷³

---

⁷³ Шпик, осуществляющий «наружку», слежку (фр).

Начало апреля 2014 года, Московская область пос. Быково

– И что у вас здесь случилось? – Виктор с любопытством огляделся. Ему по долгу службы приходилось бывать в богатых домах, но здесь был случай особый. Особняк принадлежал чиновнику федерального уровня – Вадиму Грушину, который являлся, по мнению многих, беззастенчивым вором. Хотя – кого сегодня этим удивишь? Но Грушин имел неосторожность несколько лет назад жениться на Мане Топильской – чем переплюнул даже самых потасканных селадонов. Двадцатитрехлетняя блондинка, пропитанная силиконом, словно бисквитный торт – ромом, называла себя то певицей, то телеведущей, то светской львицей. Желтая пресса дружно возвела ее на престол самой сексуальной женщины страны. Вскоре, на одной из вечеринок, куда ее пригласили развлекать немолодых политиков и бизнесменов, она и познакомилась с Грушиным. Весь московский бомонд с восторгом наблюдал за их романом, ехидно комментируя Манины выходки и сплавившиеся мозги ее ухажера. Но, видимо, в постели Маня умела нечто такое, чего никто не умел, и гормональная буря накрыла высокопоставленного донжуана с головой, оторвав от семьи и реальности.

А вот и она – кукла с губами-пельменями и грудью, более похожей на два баскетбольных мяча, заблудившиеся под ярко-розовым джемпером. Крутую «бразильскую» попку об-

тягивала гипюровая набедренная повязка, предположительно – юбка. Комичную картину завершали розовые пушистые тапки с ушками.

– Майор Глинский, отдел убийств, – представился он, с трудом оторвав взгляд от ее агрессивного бюста.

– Мария Павловна, – величественно кивнула Маня. – Грушина, – еще более важно добавила она после секундного колебания.

– Товарищ майор, – появился сержант из местных. – Это в спальне, пойдемте, я покажу.

– Вы позволите? – Виктор неловко постарался обойти Маню, не задев. Она чуть посторонилась: – Может, мне разрешат взглянуть, как крушат стены в моем доме?

– Думаю, вам лучше оставаться здесь. Мы как-нибудь сами справимся.

Сержант провел Виктора в спальню особняка – на второй этаж. Уже на мраморной лестнице с золочеными перилами майор почувствовал омерзительный запах тухлятины. Он достал носовой платок и прикрыл нос и рот. На площадке второго этажа их поджидал судмедэксперт со спецоборудованием – назальными тампонами. – Без этого никак, – констатировал он. – Смрад невыносимый. Зрелище, впрочем, еще хуже. Трупы пролежали за стеной не менее двух лет. Точнее скажу после вскрытия.

– Угу, – пробурчал майор и инстинктивно задержал дыхание, прежде чем открыть дверь в спальню.

Трупное зловоние обрушилось на него, несмотря на затычки в носу. Оно мгновенно проникло, как показалось Виктору, в каждую складку одежды, в каждую клеточку его тела. Еще мгновение и его вывернет – будет неловко перед криминалистами и судмедэкспертом.

– Докладывайте, – приказал Виктор сержанту. Тот, сглазывая подкатывающую к горлу тошноту, рублеными фразами стал рассказывать:

– Нас вызвали три часа назад. Хозяйка визжала, что у нее трубу прорвало. Дежурный ее послать хотел, но потом она заорала, что жена самого Грушина. Отправили наряд, нас, то есть. Мы уже вам, на Петровку позвонили.

– Поподробнее, – потребовал Глинский.

– Трубу и впрямь прорвало. Но когда мы сюда зашли, сразу стало понятно – жуть какая-то. Воняло мертвечиной, и явно отсюда, – сержант указал на развороченную стену – на внешней стороне виднелись следы венецианской штукатурки чудесного серо-персикового оттенка. Огромное зеркало, в зеркальной же раме, прислонили к противоположной стене. Роскошная обстановка, норковое покрывало на кровати, дубовый паркет – все было покрыто рыжей кирпичной пылью...

– Короче, стену мы вскрыли. А там... Взгляните сами.

Виктор, преодолевая себя, заглянул в проем. – Ни х... себе.

– Вот и мы так подумали, – сержант закивал. – Мы тела

не трогали, вдруг там следы сохранились.

– Благодарю, – выдавил Виктор. – Вы свободны.

Сержант, не без облегчения, козырнул и мгновенно испарился – словно его и не было. Глинский же продолжал рассматривать два несчастных тела, застывших в последнем объятии – истлевшие лоскуты плоти, свисающие с костей, выеденные червями глаза, спутанные волосы, схожие с паутиной... Голова одного из трупов лежала на груди другого – но казалось, чуть тронь ее и она отвалится. Что же здесь произошло? Какая злобная сила так поступила с этими людьми – ведь судя по их позам, замуровали бедняг в этом склепе живыми?

– Как давно вы сюда въехали? – Глинский, наконец, ретировался со второго этажа и теперь устроился на бежевом кожаном диване в элегантной гостиной. Маня соизволила собственноручно принести поднос с лиможским фарфором – она по-светски поила его кофе. Вся важность слетела с нее, будто пыль с полки, согнанная лохматой метелкой. Она оказалась улыбочливой и доброжелательной, несмотря на ужас, творящийся в ее доме.

– Полгода назад, – прошлепала она губками, наливая кофе в миниатюрную чашечку. – Вадим Иванович купил этот коттедж недостроенным год назад. Сначала стройка, потом отделка. За мебелью я летала во Флоренцию, – гордо заявила Маня. – С личным дизайнером.

– Вы знаете, у кого был куплен дом?

– Понятия не имею. Вадим Иванович не посвящал меня в подробности. Знаю только, что дом продали очень дешево, а до этого он три года стоял – здесь были только стены и крыша. Может, что еще было, да местные растащили.

– А до аварии вы чувствовали неприятный запах?

– Иногда мне вроде казалось, что пахнет, особенно в сырую погоду. А тут прорвало трубу, и находиться в комнате стало уже невозможно. И я позвонила вам.

– Вы позвонили в местное отделение, – поправил ее Виктор. – Они уже вызвали нас – с Петровки.

– Вы и правда работаете на Петровке, 38? – обрадовалась Маня. – Ах, как интересно! А можно я к вам на работу приду, посмотрю, как у вас там все устроено?

– Вызову вас повесткой, – пообещал Виктор. – Но вы уверены, что вашему мужу это понравится?

Маня хохотнула: – Обожаю его злить! Он начинает на меня орать, а потом делает мне подарки. Визит на Петровку принесет мне, несомненно, дивиденды...

В гостиную спустился судмедэксперт: – Майор, можно тебя? – И, когда Виктор, оставив Маню, подошел к нему, сообщил:

– Ну, вот тебе предварительные данные: Тела принадлежат мужчине и женщине, примерно одного возраста, навскидку – от двадцати до тридцати лет. Она – брюнетка. Он – светло-русый. Явно не бомжи, неплохо одеты, но интересно, что на нем – ботинки, а она босая, вернее, в одних колготках

или чулках, позже точнее скажу. Я думаю, опознать эту пару будет достаточно просто, наверняка их искали, и они есть в базах пропавших без вести. А самое главное, могу точно назвать тебе причину смерти женщины.

– Да? – удивился Виктор.

– Женщину убили. Удалили, если точнее, шнурком от тех самых ботинок.

– Причину смерти мужчины могу сказать примерно – истощение и обезвоживание. Ткани практически разложились, но...

– Ну да, ну да, – вздохнул Виктор. – Вы их уже увозите?

– Только упаковали. Они рассыпаются на глазах. Сейчас будем выносить. А что, хочешь еще разок взглянуть?

– Н-нет, – покачал головой майор. – Давай уж сам. Женю пришлю за заключением.

– Так, – Виктор, почесав в затылке, вернулся к Мане. Та уже разговаривала с кем-то по телефону:

– Да... Да, Оленька... Я бы хотела приехать, но не смогу, мой хороший... Никак не получится... Тут такое несчастье...

Маня сжалась на диване, и в ее голосе сквозили столь горестные интонации, что Виктор с трудом узнал в ней вульгарную мадам, которая встретила Виктора час назад. Перед ним была другая женщина. Но, стоило ей поднять взгляд и увидеть перед собой майора, как она моментально преобразилась: пельмешки сложились в кокетливую улыбку, а груди

двинулись вперед, как два крейсера. Наманикюренная ручка отрететированным жестом откинула назад копну золотисто-соломенных волос: – Ну что, господин полицейский? Уже раскрыли что-нибудь?

– Слишком рано делать выводы, – уклонился Виктор от ответа. – Мне показалось, у вас были планы на сегодня?

По лицу Мани пробежала едва заметная тень:

– О чем вы говорите? Какие планы? Когда тут такое творится... Вадим звонил, он уже едет.

– Отлично, – несмотря на то, что Виктору совершенно не хотелось общаться с господином Грушиным, он понимал, что разговора с хозяином дома не избежать. Только он мог детально изложить обстоятельства покупки этого страшного дома. Или перенаправить его к своим адвокатам, по крайней мере – к тем, кто занимался оформлением документов и встречался с продавцом.

Позже, Москва, Петровка, 38, Отдел по расследованию убийств

– И что за нужда была ввязываться? – поморщился полковник Лежава. Он терпеть не мог дела с участием сильных мира сего – как правило, ничего, кроме неприятностей подобные расследования не сулили. А уж если докапывалась пресса – туши свет, дело было плохо. Поэтому он строго смотрел на майора и терзал дужки многострадальных очков.

– Если б трупы нашли за печкой лесника Вани Иванова,

то нас, конечно бы, дергать не стали. А поскольку все произошло в доме сами знаете кого, вызвали нас. И как выяснилось, правильно сделали.

– Даже так? Тогда выкладывай...

– Прошерстив базы пропавших без вести за последние три года мы натолкнулись на следующий факт: в декабре двенадцатого бесследно исчезли Александр и Ясмин Гавриловы.

– Муж и жена?

– Да. Экспертиза ДНК подтвердила, что это именно они. Судебно-медицинская экспертиза установила причину смерти. Мужчина умер вовсе не от истощения и обезвоживания, как мы полагали раньше.

– Вот как?

– Мы подняли данные по погоде в Московской области за вторую половину декабря двенадцатого года. В течение двух недель температура ночью опускалась до минус двадцати пяти.

– То есть, он замерз, – констатировал Лежава.

– Именно. Думаю, и суток не прожил после того, как его замуровали с задушенной женой.

– На них удалось что-нибудь нарыть?

– В 2008 году на Ясмин Аджарову было совершено нападение неустановленными лицами в городе Истра. «Неустановленные лица» – так дознаватель сформулировал. На самом деле, ничего устанавливать не надо – всем все известно. Ее изнасиловали отморозки из банды Семена Птичкина,

погоняло Беркут. Редкая мразь, держал в паническом страхе весь город, безнаказанно грабил, убивал, насиловал. Вся милиция была у него куплена, а также городская верхушка. Дело по факту изнасилования заводить не стали, имеется отказ потерпевшей. Восточная девушка, позориться якобы не захотела. Как я понял из беседы с ее родителями, она отказалась подавать заявление, так как дознаватель пригрозил, что все повесят на ее приятеля Гаврилова, которого, кстати, Беркут заставил смотреть, как его банда мучает девушку.⁷⁴

– Какая мерзость, – поморщился полковник.

– Да уж. Аджарова предприняла несколько попыток суицида, скорая еле успевала ее откачивать. Но потом произошло нечто очень странное.

– Ну, удиви меня, – криво усмехнулся Лежава.

– Через полгода в Истре произошла серия самоубийств – три гопника из банды Беркута повесились буквально один за другим. Беркута же замочили на очередном сходняке воров в законе, причем весьма специфическим способом. Прошел слухок... Очень правдоподобный. Якобы вся банда подверглась сексуальному насилию. И Беркут в том числе.

– Ого! – присвистнул полковник. – И ты решил, что это Гаврилов отомстил за невесту?

– Первое, что пришло в голову и мне, и следователю, который это дело вел. Но Гаврилов в предполагаемое время преступления был в свадебном путешествии вместе с Ясмин. Да

---

⁷⁴ См. второй роман серии «Хроника смертельной осени» (прим. автора).

и представить трудно, как интеллигентный мальчик – музыкант, кстати – и дочка декана МГУ могли заставить блатную шпану заниматься групповым мужеложеством. Нонсенс.

– Нонсенс, – согласился полковник. – И что?

– Можно предположить, что родственники и друзья гопоты все же заподозрили, что те имеют отношение к расправе и отомстили им так беспощадно – замуровали в стене брошенной стройки. Не поленились уложить кирпичную стену, забетонировать ее...

– При каких обстоятельствах они пропали?

– Ясмин не позвонила родителям в назначенное время – она обычно звонила им по вторникам. Мобильник ее не отвечал. Мать Гаврилова тоже не имела известий от сына. Молодые часто уезжали, то по делам, то просто путешествовать. Было предположение, что они уехали на новогодние праздники. Но и с Новым годом родных ни один из них не поздравил. И тогда действительно забили тревогу. Когда предки приехали к ним на съемную квартиру в районе Таганки, то поняли, что те никуда не уехали.

– У родителей были ключи?

– Нет, вызывали слесаря из диспетчерской. Квартиру вскрывали при понятых и участковом. Есть протокол осмотра – ничего не пропало.

– При осмотре нашли что-нибудь интересное?

– Ничего особенного. Защиту изъятого компьютера взломать не смогли. Мы его забрали к себе, в техотдел. Пока они

бьются, но безуспешно.

– Сотового оператора запрашивали?

– Да, конечно. Последний раз их мобильники зарегистрировались в соте на Тверской, в итальянском ресторане. В деле есть показания официантки, которая их обслуживала, а также счет: пицца, равиоли и два бокала красного вина.

– То есть, ничего странного?

– Официантка показала, что к ним за столик подсел мужчина, но ничего не заказывал, и из ресторана они мирно вышли втроем. После этого сигнал их сотовых пропал, и они исчезли – больше их никто не видел.

– Когда это произошло?

– Двадцатого декабря 2012 года.

– Если они пропали из зоны сотовой связи сразу, вдвоем, то это значит, что кто-то об этом позаботился. Вряд ли они сами выключили мобильники по доброй воле, согласен?

– Необязательно, – возразил Виктор. – Их могли поставить в такие условия, что они выключили телефоны. Ну, например, по причине работы тонкого оборудования, в целях сохранения конфиденциальности... разные могут быть причины.

– Камеры слежения в ресторане?

– Проверяли. Лица мужчины, подсевшего к Гавриловым, не видно. Но камера есть и на улице. Они свернули в переулок и сели в «Форд Мондео». Номера пробили – краденые.

– Н-да, – протянул полковник. – Куда не кинь – всюду

клин. А что по коттеджу?

– В 2004 году участок приобрел бизнесмен Кречетов Владислав Михайлович и начал возводить там коттедж. Достроить не успел, почти разорился и уехал за границу. Дом стоял недостроенный аккурат до февраля 2013 года, когда его купил небезызвестный Грушин и очень быстро, меньше чем за полгода, достроил коттедж, отделал... Планировка им понравилась, поэтому стены не трогали. Мадам Грушина пояснила, что за мебелью аж во Флоренцию летала, с личным дизайнером. В начале лета хозяева вселились в новый дом. Так бы, наверно, и жили б не тужили, с мертвыми соседями за стенкой, да только вот трубу прорвало. Практически сразу завоняло мертвечиной.

– Понятно. Еще что-нибудь? – полковник видел, что Виктор что-то недоговаривает. – Выкладывай, генацвале.

– Я не знаю, как оценивать эту информацию...

– Ты расскажи, вместе и оценим.

– При анализе ДНК Александра Гаврилова выявилось еще одно совпадение.

– Интересно. Он где-то еще засветился?

– Да. – Виктор говорил медленно, словно не был уверен, стоит ли. – В ноябре 2012 года, то есть за два месяца до исчезновения Гаврилова, моя группа пыталась задержать Олега Рыкова, серийного убийцу. Помните такого?

– Еще бы! – мрачно подтвердил Лежава.

– По оперативным данным мы должны были найти Рыко-

ва в коттедже его отца в Серебряном бору. Но ни самого Рыкова, ни его тела не нашли – только его кровь. По словам Анны Королевой, Сергея и Екатерины Булгаковых, Кортес ранил Рыкова и Булгакова, а сам был застрелен Рыковым. Рыков умер прямо там, в подвале, на глазах трех свидетелей. Трасологи долго сомневались, но затем согласились, что их рассказ все же похож на правду. По понятным причинам, Рыков до сих пор не признан мертвым и числится в розыске. Но, в данном случае, речь не о нем.

– А о ком? Переходи к сути.

– Уже перехожу. На полу подвала было много крови – Булгакова, Рыкова и Кортеса.

– На полу?

– На полу – именно. Но, кроме того, на стене обнаружили чуть заметный кровавый отпечаток, и несколько волосков – как будто человек прислонился раненым затылком. Или его ударили затылком. Удалось выделить ДНК и, поскольку неопознанные результаты анализа остались в базе, можно с уверенностью утверждать, что образцы...

– Принадлежат Гаврилову?... – закончил полковник. – Интересно.

– И еще более интересно, – продолжил Виктор, – почему никто из участников той кровавой вечеринки не упомянул о присутствии постороннего человека.

– Который к тому же был ранен. – Лежава, казалось, очень заинтересовался. – Ты связался с Булгаковым? Он все еще в

Лондоне, я ничего не путаю?

– Так точно. Я говорил с ним в Скайпе. Но то ли он владеет собой отменно – нервы у этого парня как канаты, то ли этот след был оставлен в другое время.

– То есть Булгаков начисто отрицал, что кроме них пятерых там был еще кто-то?

– Категорически.

– Что-то еще? – Лежава без труда уловил заминку в голосе майора.

– Да... Странность какая-то.

– Конкретно?

– Во время разговора с Булгаковым я упомянул о трупe Кортеса.

– И?..

Виктор в задумчивости тер подбородок: – Да бред какой-то.

– Я буду решать, что бред, а что – вечное сияние чистого разума. Докладывай.

– Булгаков крайне удивился, когда услышал, что лицо Кортеса было разбито в кашу.

– Что-о?!!

Этого следовало ожидать: лицо Лежавы побагровело, а глаза налились гневом. Новость и на самом деле была – хуже некуда. Виктор, тем не менее, продолжал, стараясь сохранить хотя бы видимое спокойствие:

– Он утверждает, что Рыков просто выстрелил Кортесу в

затылок. Все.

– А у трупа, который нашли вы, было разбито лицо?

– Разбито до неузнаваемости.

– Как такое может быть?

– Я не знаю.

– Хорошо бы ты положительно ответил на мой следующий вопрос: экспертизу ДНК проводили? Или решили, что это – Кортес по умолчанию?

– Батоно, ну я-то тут при чем? Постановление о проведении СМЭ⁷⁵ выносит следователь. А я – тупой опер.

– Тупой опер? Ты – процессуальный беспредельщик! – рывкнул полковник. – Накосячил два года назад, как первокурсник, тебе все сошло с рук, а теперь еще имеешь наглость сваливать все на следователя?

– Я не сваливаю, – попытался вставить слово Виктор. – Я...

– Молчать! – загремел Лежава. – Что б дело было у меня на столе через полчаса!..

... – Так я и знал! – Лежава снял очки, и устало потер глаза. – Экспертизу по трупу Кортеса не проводили. Учитывая, что следователем был Черемисин – ничего удивительного.

Виктор с готовностью кивнул – Черемисин славился пофигизмом и невнимательностью. Поговаривали, что только влиятельная лапа наверху удерживала его в Следственном комитете – а то гнить бы ему где-нибудь на районе или в

---

⁷⁵ Судебно-медицинская экспертиза.

юридической консультации.

– Как вы опознали труп? Визуально?

– Н-да... Генка... то есть Черемисин, спросил, кто это там, с простреленной головой. Я... или Женька, не помню уже точно, кто, ответили, что это Мигель Кортес, в нескольких словах обрисовали ему ситуацию. Эксперты взяли всякие там соскобы, анализы. Поскольку сомнений не возникло ни у кого, так и записали – Мигель Кортес. Группа крови совпала. Вызвали родственницу, та его опознала. Даже когда я на его расквашенную физиономию посмотрел – в голову не пришло, что это не он.

– То есть, его ДНК не проверяли на совпадения с пробами десятого года?

– Поскольку процедура не дешевая, а сомнений не было – то нет, не проверяли.

– Молодцы! Джигиты! Труп дактилоскопировали?

– Я не помню, но наверняка. Карта должна быть в деле.

Лежава перелистал дело и поднял на майора тяжелый взгляд: – Должна быть – но ее нет.

– Как это – нет?.. – похолодел Виктор.

– А вот так! – полковник бросил ему папку. – Смотри сам!

И в задумчивости наблюдая, как тот лихорадочно перелистывает дело, поинтересовался:

– Ну и где она, по-твоему?

– Я, что ли, эту карту заныкал? – буркнул майор. – Или на память взял? Ведь это не первый случай, когда из дела

улики пропадают. Помнишь, как из хранилища рубашку Рыкова свистнули? А потом она в Лондоне всплыла – ее жене Булгакова прислали. Не исключено, что и на этот раз тот же урод резвится.

– Поостри мне еще, – угрожающе нахмурился Лежава. – Ты хоть понимаешь, чем ваша халатность чревата?

Виктор понимал: если в коттедже нашли не Кортеса, значит, убили кого-то другого. А по словам Булгакова, убили именно Кортеса. А с учетом, что кто-то постарался замести следы, да еще в архиве прокуратуры, у него, у майора Глинского не один труп, а два. Вернее – один в наличии, другой – исчез. Хреново. Очень хреново.

– Ты, разумеется, не надеешься, что я оставлю все, как есть? – хмуро взглянул Лежава на майора. Тот покачал головой. – *Мне* позвонить в Следственный комитет? – предложил полковник.

– Нет, – покачал головой уязвленный Виктор. – Сам как-нибудь.

– Как-нибудь, как-нибудь! Ты уж давай не как-нибудь, а как надо! Тряси Черемисина, производите эксгумацию – чтобы комар носу не подточил. Запроси пропавших без вести осенью позапрошлого года в том районе. Что ж там произошло, в этом коттедже?.. А что хозяин говорит? Ты с ним, надеюсь, побеседовал?

– Рыков-старший заявил, что коттеджем давно не пользуются, только изредка приезжает проверить все ли в порядке.

В тот день он дал ключи Кортесу – тому якобы нужно было укромное местечко для встречи с замужней дамой. Ну, Рыков-старший по старой памяти и сделал ему одолжение. Рыкова чуть инсульт не хватил, когда тот узнал, что Кортес в подвале учинил расправу над его сыном. На фотографию Гаврилова говорит – незнаком. Но сомневаюсь, можно ли ему верить. Он меня не жалует, – усмехнулся майор. Он сам недолюбливал Льва Петровича. Причин для их взаимной неприязни было множество – список длинный, как родословная ветхозаветного пророка...

– Собралась в аэропорт? – Жики наблюдала, как Анна прихорашивается у зеркала в холле: подводит глаза, припудривает носик, красит губы, приглаживает аккуратно зачесанные светлые волосы. – Встречать родителей Антона?

– Конечно. Как я могу их не встретить? Они мне как родные... – Анна кинула в сумку тюбик губной помады. – Жики, больше всего я боялась, что они будут винить меня в гибели Антона.

– Ты сама себя в ней винила, – мрачно отозвалась тангера. – Совершенно напрасно.

– До сих пор виню, – вздохнула Анна. – Наверно, мне от этого не избавиться до самой смерти.

– Уговаривать тебя бесполезно. Они забронировали отель?

– Да, на Риволи. Туда же и Лиза придет. Вместе с Тони.

– Прекрасный ребенок! – провозгласила Жики. – Что значит – хорошие гены и здоровое питание!

Анна горько прошептала: – Да, гены просто отличные. Жаль, не мои.

– Твоим генам еще найдется применение, – безапелляционно заявила старая дама. – Не ставь на себе крест.

– Да я не ставлю, – вздохнула Анна. – Жизнь ставит. Большой и жирный крест.

– Насколько я знаю, – подняла брови тангера, – Франсиско де Парра очень тобой интересуется.

– Франсуа... или как ты его назвала – Франсиско де Парра... какой-то там по счету Альба, – фыркнула Анна, – использует меня как эскорт, когда ему нужно посетить богемное мероприятие.

– То есть, он ни разу не говорил тебе о чувствах? – удивилась Жики.

– Ни разу, представь себе. Не думаю, что он вообще способен их испытывать.

– А ты сама? Что ты о нем думаешь?

– Я думаю, что он – обаятельный и чертовски богатый сукин сын, – выпалила Анна и Жики от души расхохоталась.

– К несчастью, ни то, ни другое не является недостатком само по себе, – заключила Анна. – Так что мне его даже упрекнуть не в чем.

– Да... Полагаю, его смущают условности, твоя слава и собственная известность, – заметила тангера. – Он опасает-

ся, что пресса...

– Жики? – перебила ее Анна. – Мне казалось, что ты весьма прохладно относишься к нашим с ним... отношениям. Если походы в оперу и ресторан можно назвать отношениями.

– Деточка, ты неправа. Для меня главное – чтобы тебе было хорошо. И Франсуа подходит для этого как никто другой. Сколько раз он оказывался рядом, когда тебе нужна была поддержка? Он весьма изящно спихнул твоего приятеля Крестовского с пьедестала покровителя и друга.

– Митя просто уехал, – смутилась Анна. – Заключил контракт с Метрополитен на три года. Он регулярно мне звонит, и мы подолгу разговариваем. Кстати, он всегда спрашивает, не обижает ли меня Пако.

– И как? Не обижает? – хрипло рассмеялась тангера.

– Ах, Жики, – вздохнула Анна. – Поверь мне, лучше бы обижал... Ну так – чуть-чуть, – она стала рыться в ящиках консольного комода в поисках ключей.

– Это уж совсем лишнее, – возразила тангера. – Пусть только попробует, будет иметь дело со мной... Деточка, что?..

Побледневшая Анна что-то достала из ящика. Она рассматривала это что-то на ладони, а ее лицо теряло последние краски. Потом ее пальцы конвульсивно сжались.

– Что ты нашла, дорогая? – Жики поднялась с кресла и подошла взглянуть. Анна с трудом разжала сведенные судо-

рогой пальцы. На ее ладони отливало матовым блеском старинное кольцо из тяжелой платины.

– Что это? – нахмурилась тангера. – Это твое?

Анна, в бессильном страхе покачала головой.

– Откуда это? Ты в комодке нашла? Может, Софи положила? Дай-ка, взглянуть...

Тангера поднесла кольцо поближе к глазам: – Это фамильное кольцо с гербом – геральдический кабан с мечом. Надо свериться с каталогом гербов.

– Не надо, – прошептала Анна. – Это кольцо виконтов Вильярреаль и Сантьяго. Они не снимают шляпу перед королем. Так он говорил.

– Кто говорил? – воскликнула тангера. – Да ты в своем уме? Ты не заболела?

– Это кольцо Мигеля. Он получил его в наследство и носил до самой смерти. Когда я его застрелила, оно было на нем. Жики, он жив.

Тангера смотрела на нее, словно на умалишенную: – Ты что несешь?

– Он мне звонил. Он спросил, зачем я его убила.

– Почему ты мне не рассказала? – ахнула тангера.

– Я не знаю, – Анна закрыла руками лицо. – Я не знаю.

Подумала – может мне приснилось? Ну, или галлюцинация.

– Я не знаю, кто тебе звонил, – твердо заявила Жики. – Но это не мог быть Мигель.

– Но я с ним разговаривала! – закричала Анна. – Он на-

звал меня «querida» – меня так никто больше не называл!

– Кто-то мог знать, что он тебя так называет.

– Не-ет, – покачала Анна головой. – Это был он. А теперь еще и кольцо!

– Или ты хочешь, чтобы это был он. Тогда ты перестанешь корить себя за его убийство. Но даже если допустить безумную мысль, что это был он – каким образом его вещь оказалась в нашем комодe?

Позвали Софи. На вопрос, не приходил ли в их отсутствие кто-то незнакомый, и не впускала ли она кого в квартиру, горничная сначала возмутилась, а потом расплакалась: – Да как вы можете, мадам, в таком меня подозревать! Я даже почтальону дверь не открываю, когда консьержка пьяная!

Жики с досадой махнула рукой, а Анна стала уговаривать Софи не волноваться, забыть об их вопросах и продолжать дальше чистить серебро. Обиженно шмыгая носом, горничная удалилась, а Жики и Анна озадаченно уставились друг на друга.

– О Господи! – Анна вдруг всплеснула руками. – Что же это я! Я же в аэропорт опоздаю!

– Езжай, – кивнула Жики. – Все равно ничего хорошего мы сейчас не придумаем. Поговорим позже.

Когда же вконец расстроенная Анна скрылась за дверью, мадам Перейра достала из комода колоду карт – видавших виды, с истершимися рубашками, на которых еле угадывались золоченые виньетки. Что же происходит? Она села к

столу и начала выкладывать карты одна за другой, строго в ряд. Когда карта оказывалась между двумя другими одной масти или одного достоинства, Жики перекладывала ее на одну влево. Несмотря на кажущуюся простоту, пасьянс Медичи требовал особого приложения ума, и помогал сосредоточиться на проблеме. Перед Жики ясно встал тот томительный ноябрьский вечер, когда, наконец, московские полицейские ушли из квартиры Анны на Чистых прудах, и она смогла позвонить Саше...

Подробности акции, а точнее, ее полное фиаско, заставили ее содрогнуться. Она одобрила действия палладина – в сложившихся обстоятельствах он не мог действовать иначе. Но теперь все они пожинали плоды той неудачной акции – и что, позвольте спросить, должна делать она, командор Ордена? Первым выпал валет червей – как, однако, удачно, ее намерения, выраженные так ясно... Девятка трэф – да здравствует сила и мощь Паллады! Туз трэф – непомерная жажда власти... девятка червей – страсть – главное, что движет миром... Так... Живи еле успевала толковать комбинации складываемых в колоду карт. И вновь мелькнула одержимость властью и страстная любовь, направленная на кого-то вне колоды... Как странно, однако. И вечно ей, Жики, противостоит какая-то другая сила – жестокая и подлая... Пасьянс ожидаемо не сошелся⁷⁶, но Жики могла сделать вывод из тех

---

⁷⁶ Пасьянс Екатерины Медичи сходится крайне редко. Основная цель проследить цепь событий и что помешает конечному результату (оставшиеся карты).

карт, которые остались – Туз пик, дама пик, дама червей, король треф и десятка пик. Смерть, секс и какой-то мужчина, который мешает даме реализовать преступные планы. И это ответ на ее безнадежный вопрос – что происходит? Н-да... Чудесно...

Ах, если б майор Глинский мог разложить пасьянс и увидеть ответы на свои вопросы, количество которых не только не сокращалось, но и множилось в геометрической прогрессии. Получив ордер на эксгумацию, он вместе с раздраженным и нервным следователем провел несколько часов на кладбище, затем мерял шагами длинный коридор судебного морга, а после с презрением к самому себе вчитывался в результаты судебно-медицинской экспертизы, вывод которой не оставлял сомнений – ДНК человека, убитого в Серебряном Бору в ненастный ноябрьский день решительно отличалась от ДНК Мигеля Кортеса, пробы которой взяли у него невыносимо жарким летом 2010 года. Помимо этого, сравнительный анализ строения черепа, зубная карта – все говорило о том, что он, Виктор, совершил непоправимую ошибку.

А днем позже жирную точку в его сомнениях поставила справка из местного ОВД – 12 ноября 2012 года, вечером ушел из дома на рыбалку и не вернулся житель поселка, Иосаян Сергей Гургенович, 1975 года рождения. По антропометрическим данным – вылитый Кортес – невысокий, ху-

дощавый, смуглый, темноволосый. Даже размер ноги одинаковый. Был одет в джинсы, байковую клетчатую рубашку и куртку на волчьем меху – парень, видать, не бедный. Куртки на найденном в коттедже труп не оказалось, а вот все остальное – согласно описанию.

– А вот теперь возникает вопрос, – Лежава подергал очки за дужки, – знал ли твой дружок Булгаков, что труп, который они оставили в подвале – вовсе не Мигель Кортес?

– Но ведь получается, – протянул Глинский, – что если знал, то обманывал меня целенаправленно и цинично. Он не мог так со мной поступить.

– Виктор, послушай. Мы так и не знаем, что там произошло. Но если предположить, например, что его жена... как там ее...

– Катрин...

– Вот, вот, Катрин, с которой они там все носятся, как курица с яйцом! Если она причастна к убийству, то нет ничего удивительного, что он тебя обманывал. Доведись, он бы тебя не обманул, а пристрелил бы, не задумавшись ни на мгновение.

– Я не верю, – покачал майор головой.

– Верю, не верю – это все эмоции, – проворчал полковник. – Факты – вещь жестокая.

– Да какие факты? У меня нет ни одного, который бы доказывал причастность Булгакова... или его жены к убийству Иосаяна.

– А к убийству Кортеса? – метнул на него сердитый взгляд Лежава.

– Там и без них было кому его убить, – заявил Виктор. – Рыков первый в очереди.

– Местонахождение которого тоже неизвестно. По словам свидетелей, они оставили в подвале два трупа – Рыкова и Кортеса. Ты же не нашел ни одного из них, зато, видимо, чтоб ты не особо расстраивался, что зря скатался в такую даль, тебе подбросили тело человека, который вообще непонятно, какое отношение имеет к делу.

Полковник постучал пальцами по столу:

– Н-да... Надо бы тебе еще раз Булгакова допросить. И с Королевой Анной побеседовать.

– Она в Париже и в Москве теперь бывает крайне редко.

– Ты можешь к ней съездить, – заявил Лежава. – Оформляй командировку. На два дня. И попроси своего приятеля приехать из Лондона в Париж. Это проще, чем пробивать тебе британскую визу.

– Думаю, он приедет, – Виктор повеселел. Обычно полковник не был столь щедр на зарубежные командировки. Майор, лови момент!

...И вот Глинский уже в аэропорту Шарль де Голль – у зоны Arrivée его ждет Сергей. Короткий обмен приветствиями, и они шагают к стоянке такси. Давненько они не общались – почти два года. Разговоры по телефону и Скайпу не в

счет, хотя и во время такого дистанционного общения между ними – словно тонкая холодная стена, – даже не стена, а прозрачная стылая корочка, как на поверхности ледницы, час назад поставленной в морозилку и не успевшей замерзнуть в камень.

– Ты будешь с нами говорить одновременно или по отдельности? – сухо поинтересовался Булгаков.

– По отдельности, – Глинский злился на Булгакова и не пытался этого скрыть – какой смысл? Друг называется! Лгал в лицо, а ведь Виктор доверял ему...

– В какой отель? – спросил Сергей.

– «Лион Бастий». А ты чего один приехал, без Катрин?

– Она приболела, – Сергей говорил неправду. Катрин резко начала укладывать вещи, едва он сообщил ей о поездке за Ла-Манш. Булгаков, однако, коротко посоветовал ей не сутиться, наотрез отказавшись брать ее с собой. «Занимайся ребенком, – приказал он. – Нечего тебе там делать». Катрин была оскорблена – Сергей прекрасно это понимал. Но взять ее с собой не мог – по многим причинам.

– Жаль, – заявил Виктор. – С ней тоже неплохо бы пообщаться.

– Это лишнее, – отрезал Булгаков.

Виктор не стал с ним препираться – какой смысл? Катрин здесь все равно нет, требовать, чтоб она приехала – жестоко и, по-хорошему, какое он имеет право? Он не на своей территории. Булгаков защищает жену – что вполне понятно.

Но, выходит, его друг боится, что она проболтается о чем-то? Несомненно, им обоим есть что скрывать.

– Сначала со мной поговоришь или с Анной?

– Лучше с Анной, – ответил Глинский. – Я уже договорился с ней о встрече. Она пригласила приехать к ней на улицу... Жира... Жира...

– На улицу Жирардон, – подсказал Булгаков. – Я поеду с тобой и подожду в каком-нибудь ресторане.

– Я не знаю, сколько продлится наш разговор.

– Неважно, – отозвался Сергей. – Я не тороплюсь.

Закинув вещи в отель, они вновь взяли такси и поехали на Монмартр. Сергей оставил приятеля у подъезда дома Жики и отправился в ближайший ресторанчик, бросив напоследок: – Позвони, как закончишь.

– Я знала, что мы еще встретимся, – Анна сама открыла дверь и впустила Виктора в квартиру. – А где Серж? Думала, вы вдвоем придете.

– Я попросил его остаться внизу. Лучше нам поговорить тет-а-тет.

– Воля ваша, – Анна жестом пригласила его присесть в кресло. – Кофе, чай?

Видимо, Анна заранее позаботилась об антураже их беседы и потому Софи внесла поднос с кофейным сервизом, как только Анна позвонила в серебряный колокольчик. Поставила поднос на стол и удалилась, плотно притворив за собой дверь.

– Анна, я хочу, чтобы вы еще раз повторили, что случилось в Серебряном бору 12 ноября 2012 года. Максимально подробно.

– Я полагала, дело закрыто?..

– Так и было. Но недавно появились новые обстоятельства, – от Виктора не укрылось, как она напряглась.

– Если спрошу какие, вы мне, конечно, не скажете?

– Пока нет, – Виктор покачал головой и, отхлебнув кофе, поставил чашечку на блюдце. Анна вздрогнула от звонкого звука. – Может быть, позже, – осторожно пообещал он. – Рассказывайте.

– Это очень печальные воспоминания, – она глубоко вздохнула. – После того, как мой муж... гражданский муж – Антон Ланской был убит, я не находила себе места. Не спала ночами, мне казалось, что схожу с ума от ненависти к его убийце.

– К Олегу Рыкову? – уточнил майор.

– Да, тогда я была уверена в его виновности. И мой друг, Мигель Кортес, – тут голос Анны предательски дрогнул, – пообещал, что поможет отомстить.

– Вы, надеюсь, понимали, что готовитесь совершить преступление?

– Конечно, – кивнула Анна. – Я все прекрасно понимала. Но и жить с таким грузом не могла. И вот, уж не знаю, какими способами, Мигелю удалось поймать Рыкова.

– Вы уверены, что не знаете как?

Анна колебалась. – Мои догадки никому не интересны.

– Очень даже интересны, – оживился Виктор.

– Он упоминал о какой-то организации, «Il Vettore», кажется, но я не уверена. Он говорил о каких-то связях, влиянии, но ничего конкретного. Приехав в Париж, он нашел меня в шоковом состоянии, и поклялся, что поймает убийцу. И поймал. Сначала мы собирались казнить Рыкова на даче Антона. Позвали Катрин и Сержа. Но потом... Мигель что-то заподозрил.

– Что именно?

– Он решил – и не обосновательно – что Серж не позволит линчевать убийцу и захочет передать его в руки правосудия. Мигель не мог этого допустить.

– И обратился ко Льву Петровичу Рыкову.

– Да.

– Вы не были шокированы?

– В тот момент мне было все равно. Я мечтала только о мести, а каким образом она свершится, меня мало заботило. И мы отправились в Серебряный бор.

– Когда вы приехали, Рыков был уже в подвале?

– Да. Только мы увидели не Рыкова. А спецарента ФБР Джоша Нантвича.

– Кто еще присутствовал при этом?

– Я разве не говорила? – удивилась Анна. – Я, Мигель, Серж и Катрин. Все.

– Все? Вы уверены?

Анна и бровью не повела: – Все! – отрезала она.

– Допустим. Продолжайте.

– Джош Нантвич сам признался в том, что он не настоящий агент, сам снял свой странный грим – никогда не видела ничего подобного. Потом он рассказал, что случилось с Антоном. Что это был несчастный случай. Не знаю почему, но я ему поверила. Рыков не оправдывался, не просил пощады, он был готов умереть в наказание за свои преступления, но категорически отказывался брать на себя смерть Антона.

– А как вел себя Кортес?

– Отвратительно. Он избивал Рыкова, хотя тот был в наручниках. Бил ногами по лицу.

Виктор мгновенно вспомнил, что однажды видел похожее – в саду Странноприимного дома, когда Кортес метелил Андрея Орлова в компании Ланского: но если Ланской использовал кулаки, то Кортес от души пинал того по зубам⁷⁷. «Modus operandi»⁷⁸ – отметил про себя Виктор.

– Серж попытался остановить Мигеля и тот выстрелил в него. Дальше я не помню – потеряла сознание. А когда пришла в себя – картина была кошмарной: избитая Катрин со сломанной рукой и мертвый Мигель. Серж истекал кровью, а Рыков зажимал рану на животе – он был на последнем из-

---

⁷⁷ См. первую книгу серии «Хроника смертельного лета».

⁷⁸ Фраза, которая обычно переводится как «образ действия». Данная фраза используется в юриспруденции для описания способа совершения преступления (лат).

дыхании. И умер спустя несколько минут.

– Вы точно помните, что он умер?

– Конечно. Я пульс не проверяла, но...

– А Сергей проверял?

– Не знаю, не видела. Я искала, чем его перевязать.

– А откуда вы узнали, что там есть перевязочный материал? Вы же были на этой даче впервые?

– Рыков сказал перед тем, как умер.

– Так он был в сознании?

– До последней минуты.

– А кто убил Кортеса?

– Не видела, говорю же вам – я упала в обморок. Катрин и Серж утверждают, что это сделал Рыков. Не верить им у меня нет причин. А у вас?

– Что, простите? – нахмурился майор.

– У вас есть причины не верить Сержу?

– Я этого не говорил.

– Тогда почему вы снова об этом спрашиваете? – в первый раз в голосе Анны послышалось раздражение.

– Работа такая, – Виктор не мог не отметить про себя переживший настрой примы. – Когда очнулись – как лежал Кортес?

– Это важно?

– Если спрашиваю, значит важно, – спокойно отозвался

Виктор.

– По-моему, лицом вниз. – Анна чуть сдвинула брови к

переносице, вспоминая. – Да, да. Я видела его окровавленный затылок. Господи, – ей вдруг стало зябко, и она обхватила себя руками. – Какой ужас. Какой ужас...

– Что было потом?

– Потом Катрин перевязала Сержа, и мы поволокли его наверх. Еле дотащили.

Виктор задумался, постукивая пальцами по подлокотнику кресла. Спустя несколько мгновений он спросил:

– Как вы думаете, Анна Николаевна, сколько Булгаков весит?

– Откуда мне знать? – Анна насторожилась.

– Разумеется, ниоткуда. Тогда я вам скажу: сто с лишним килограмм.

Анна недобро усмехнулась: – Вы его взвешивали?

Виктор ответил без тени улыбки: – Я могу на глаз определить вес человека с точностью до пятисот грамм. Ваш вес – примерно сорок пять кило, верно?

– Сорок четыре семьсот. И что?

– Две хрупкие женщины, одна из которых беременна и со сломанной рукой, а вторая – только что лежала в обмороке, не просто тащат, как мешок картошки, а поднимают по достаточно крутой лестнице раненого, грубо говоря, центнер живого веса, да еще практически без сознания. Что скажете, Анна Николаевна?

Теперь она уже не была бледной – ее щеки запылали, а глаза гневно сверкнули:

– По-вашему – я лгу?

– Скажем так – подозреваю, что вы недоговариваете. То есть, вы говорите *почти* правду.

– Не понимаю...

– Кто еще был с вами, Анна Николаевна? Я уверен, что кто-то вам помогал.

– Не было никого.

А может рассказать ей? И посмотреть, как она отреагирует на пробирающую до костей историю о двух полуразложившихся трупах за стеной роскошной спальни. И Виктор начал рассказывать, с максимальными подробностями, старательно обрисовывая каждую деталь. Анна прекрасно владела собой – сцена приучила ее к выдержке, но Виктор понимал – она на грани срыва. Ему было стыдно за жестокую уловку, но как иначе он мог заставить ее говорить правду?

– Итак, – он сверлил ее бесстрастным взглядом, – вам есть, что мне сказать?

– Ваша история страшна, но какое я имею к ней отношение? Бедные, – в ее голосе звучала искреннее участие, но оно ни на йоту не превышало того, что приличествовало скорбному моменту. – Какое невыразимое отчаяние, должно быть, они испытали, когда поняли, что их замуровали заживо. Значит, мужчина убил свою жену, чтоб она не мучилась, умирая от холода и голода? Несчастные. Пусть покоятся с миром. Как, вы говорите, их звали?

– Я не называл его имени. Но если вам интересно – его

звали Саша. Саша Гаврилов.

Ему показалось, или она вздрогнула? Но на высоком чистом лбу примы выступили бисеринки пота.

– Вижу, имя вам знакомо.

– Нет, – отозвалась Анна. – Совершенно незнакомо.

– Допустим. Но как вы объясните тот факт, что когда мы, полиция, прибыли в дом, там не оказалось ни трупа Рыкова, ни трупа Кортеса?

– То есть как? – собственный голос показался Анне потусторонним звуком. – Это шутка?

– Отличный предмет для шуток – трупы ваших друзей, вы не находите?

– Мигеля не нашли? – прошептала Анна, побелев так, что слилась с белым хлопковым джемпером, в который была одета. Она судорожно сглотнула, чашка с чаем в ее руке затряслась и – полетела на ковер. Виктор наблюдал за ней, стараясь сохранять максимально равнодушный вид.

– То есть, то, что мы не нашли там тела Рыкова, вас меньше удивляет? – поинтересовался он.

– Не ловите меня за язык! – нервно воскликнула она. – Рыков был исчадием ада, и если черти унесли его проклятый труп, туда ему и дорога! Но Мигель, несмотря ни на что, был дорогим мне человеком, и то, что его тело исчезло – для меня шок!

– Куда же оно исчезло?

– Откуда мне знать?! Когда мы уносили... уводили Сержа,

оба тела оставались в подвале. Что происходило там потом – мне неизвестно.

– Вам что-нибудь говорит фамилия – Иосаян?

– Нет, – она его словно не слышала.

– Иосаян Сергей Гургенович? – уточнил Виктор, но Анна лишь качала головой.

– Ну что ж, – Виктор поднялся. – Тогда позвольте откланяться. Признаюсь, я рассчитывал на большую откровенность с вашей стороны. До свиданья, Анна Николаевна.

Она закрыла за ним дверь, коротко попрощавшись и не дождаввшись, пока Виктор зайдет в лифт. А зря. Майор прильнул ухом к красивой двери из цельного дуба. Слышно было плохо, но он смог разобрать ее голос, полный паники:

– Серж, он что-то знает... Мы пропали...

...Он успокоил ее, как мог. Но, едва Сергей услышал охваченный паникой голос Анны, тревога волной поднялась в груди. И поэтому, когда на пороге brasserie появился Глинский, Булгакову понадобилось все самообладание. Он успел перехватить цепкий взгляд Виктора – да, скорее всего, Анна не ошиблась, и его приятель действительно подозревает, что от него скрыли правду.

– Есть хочешь? – Сергей пытался придать голосу предельно невозмутимый тон.

– Да, поедим, – Виктор опустился за стол. – И выпьем чего-нибудь. Срочно.

– Что, так приперло?

– Та еще дамочка, твоя прима. Закажи грамм по сто коньяка, – попросил майор, так как появился официант. На лице le serveur⁷⁹, когда Булгаков сделал заказ, нарисовался картинный ужас – кто пьет коньяк как аперитив – только русские! Сергей был готов одернуть наглеца, но тот успел ретироваться.

– Не похоже, что ты удовлетворен допросом Анны, – осторожно заметил Булгаков.

– Наверняка она тебе уже все доложила.

Булгаков не стал отрицать, только сделал неопределенный жест: – А ты чего ожидал?

– Того и ожидал. Но, на всяк случай, подслушал под дверью.

– Честно. Вполне в духе комиссара Мегре.

– Старикан был не дурак, – заметил Глинский не без горечи. – Все же мне казалось, я заслужил другого отношения. Учитывая, что для того, чтобы вас прикрыть два года назад, мне пришлось пойти на должностное преступление. А ваша дружная компашка, правда, изрядно поредевшая, продолжает держать меня за болвана в старом польском преферансе. Я этого не люблю. Я игрок, а не болван⁸⁰.

Сергей в недоумении нахмурился, а затем усмехнулся:

---

⁷⁹ Официант (фр).

⁸⁰ Глинский цитирует Штирлица из к\ф «Семнадцать мгновений весны»

– А ты не подсматривай в замочную скважину!⁸¹

– Маленькая ложь рождает большое недоверие.⁸²

Сергею надоела эта пикировка цитатами, и он решил увести разговор от Анны – ему проще было отвечать за себя:

– У тебя и ко мне остались вопросы?

– А то! – Виктор отхлебнул коньяка из бокала, который поставил перед ним оказавшийся весьма расторопным официант. – Гамарджоба, генацвале!⁸³

Сергей салютнул ему бокалом. – Prosit!⁸⁴

Виктор смел луковый суп за считанные мгновения, с трудом удержавшись от того, чтобы не вымазать мякишем керамический горшочек. На смену коньяку явилось пиво – несколько жадных глотков и он с облегчением откинулся на спинку стула. – Уф! – выдохнул майор. – А вот теперь поговорим.

– Ну, инквизитор, – Сергей криво улыбнулся, – допрашивай.

Виктору стало неприятно и обидно: – Послушай, какого дьявола? Я перся в такую даль не для того, чтобы ты мне хамил. И если ты предпочитаешь именовать дружескую беседу допросом, а меня, своего друга, называешь подобным обра-

---

⁸¹ «Я не люблю, когда подсматривают в замочную скважину» – фраза Мюллера, которая предшествует реплике Штирлица о польском преферансе. к\ф «Семнадцать мгновений весны»

⁸² Реплика Шелленберга из к\ф «Семнадцать мгновений весны»

⁸³ Здравствуй, дорогой (груз).

⁸⁴ Ваше здоровье!(нем).

зом, может пусть так все и будет?

– Типа, сам напросился? – язвительно поинтересовался Булгаков.

– Именно, – подтвердил майор раздраженно. – Так что – либо фильтруй базар, либо я займусь вашей компанией вплотную, и тогда не обессудь...

– Кем конкретно займешься? Нас осталось-то всего трое. Твой покорный слуга и две измученные женщины, пережившие зверское насилие.

– А ты уверен?

– Уверен в чем? – почернел Сергей. – В том, что Анна и Катрин – несчастные жертвы садиста?

– Давай-ка проясним. Во-первых, такие ли уж они невинные жертвы?

– Да как у тебя язык поворачивается? – зарычал Булгаков.

– Отлично поворачивается. Бойня в Серебряном бору была инициирована Анной Королевой – сей факт она даже и не скрывает. А что касается твоей жены, то она была готова поучаствовать. Или я что-то путаю? Иначе – что она там делала?

– Пыталась предотвратить линчевание.

– И ты вместе с ней? Как-то весьма скверно у вас получилось.

– Допустим. А что во-вторых?

– А во-вторых – у меня большие сомнения, что вас осталось только трое.

– Прекрати говорить загадками, – огрызнулся Булгаков, – а то теперь я чувствую себя тем самым болваном.

– По-моему, я предельно ясно излагаю – как я могу быть уверен, что Рыков мертв? Тела его мы не нашли. Та же история и с Кортесом. И не трудись изображать удивление – я прекрасно слышал, как Королева тебе об этом доложила.

– И при чем тут мы? – Сергею показалось, что из-под него выдернули стул.

– Что значит – при чем? Вы были последними, кто видел этих двоих живыми? Да пусть даже не живыми, а мертвыми? Ага, задумался?! То, что мы не стали рыть эту мутную историю два года назад, вовсе не означает, что о ней все забыли.

– Откуда я мог знать, что вы там никого не нашли? – обозлился Булгаков. – Ты мне не потрудился сообщить.

– Не счел нужным, – сухо поправил его Виктор.

– Я думал – мы друзья.

– Так и есть. Но тайну следствия никто не отменял.

– Что это значит? Если мы все же друзья, то какого лешего ты морочишь мне голову?

– Мы нашли в подвале тело, – отчеканил Виктор. – Только это не Рыков и не Кортес.

– А кто? – Булгаков охрип мгновенно.

– Некий Иосаян Сергей Гургенович, местный житель.

– Что за хрень?! – процедил Булгаков. – Что ты несешь? Если это так, почему ты от меня скрыл?

– Как я уже сказал, работа в моем ведомстве подразуме-

вает секретность.

– Я не знаю, кто это. Когда мы уходили – тела Кортеса и Рыкова оставались в подвале. Как быстро вы приехали после нас?

– Спустя полтора часа.

– То есть за это время трупы Рыкова и Кортеса убрали, а этого... Иосаяна – убили?

– Как-то так. А ты сам-то видел, как Рыков умер?

– Видел, – рывкнул Булгаков. – А куда делся потом его долбаный труп – не мое, пардон, дело.

– Ты прав, – невозмутимо кивнул Глинский. – Это мое дело. И поэтому – прекрати воспринимать мои вопросы в штыки. Я делаю свою работу. У меня нет доказательств его смерти, равно как и смерти Кортеса, и поэтому я не могу закрыть дело. Об их смерти я знаю лишь с твоих слов... С ваших слов. Более того, по твоей милости на меня свалился еще один труп.

– Что значит – по моей милости? – возмутился Булгаков.

– То самое и значит. Теперь по факту убийства Иосаяна возбуждено уголовное дело. Ну, и последнее. Я уверен, что с вами в подвале был кто-то еще. Я даже знаю имя этого человека. Но почему-то Анна Королева с тупым упрямством продолжает утверждать, что вас было четверо, или пятеро, с учетом Рыкова. Из подвала вышли, по вашим словам, трое, а в подвале осталось два трупа.

– Именно так.

– Да нет, генацвале, не так. В подвале остались следы крови еще одного человека, и совсем недавно нам удалось установить его имя.

– Его могли ранить там раньше.

«Не подвал в коттедже получается, а какой-то застенок гестапо», – мелькнуло в голове Булгакова. Виктор, конечно, не преминул раздавить его жалкий аргумент:

– След был совсем свежий, когда эксперты взяли соскоб со стены. Кровь не успела до конца свернуться. Поэтому я еще раз тебя спрашиваю – кто с вами был? И что с ним случилось? Он был мертв, когда вы выходили, или он ушел вместе с вами? Думаю, он был жив – ранили его несерьезно. На стене нашли только кровь и несколько волосков. Если б ему разmozжили голову, то крови было бы больше и присутствовало бы мозговое вещество. И он не просто с вами ушел, а помогал Анне и Катрин тебя, бугая, тащить. Я прав?

Сергей молчал. Умозаключения Виктора были так логичны и так очевидны. По-прежнему настаивать на своем глупо и... опасно. Опасно потому, что, потеряв дружбу майора, можно влипнуть в гораздо более неприятное положение, чем то, в котором он, Катрин и Анна оказались.

– Ну? – Виктор выжидающе смотрел на Булгакова.

– Баранки гну, – буркнул Сергей. – Да, с нами был еще один человек.

– Имя?

– Откуда мне знать? – но, видя, что Виктор недоверчиво

поморщился, Сергей добавил:

– Анна называла его Александр.

На самом деле, Анна называла парнишку «рыцарь», но, если сказать об этом Виктору, тот все равно не поверит. Только разозлится еще больше. Итак, никакого средневековья и никакой мистики. Александр. И точка.

– Что за Александр?

– Кажется, он помогал Кортесу ловить Рыкова.

«Как удобно теперь все сваливать на пропавшего Кортеса», – мелькнула циничная мысль. Причем одновременно у обоих – так как они переглянулись, после чего Глинский усмехнулся, а Сергей сжал зубы – да с такой силой, что ему показалось, что Виктор должен непременно услышать скрип.

– И что теперь? – мрачно спросил Булгаков.

– У меня плохие новости, – ответил Глинский. – Этого человека и его жену зверски убили спустя два месяца после мочилова в Серебряном бору. И у меня большие подозрения, что эти два события каким-то образом связаны между собой.

Последние числа июня 2014 года, Париж

Прошло два месяца с того дня, как майор Глинский посетил Анну на улице Жирандон. В тот день прима сразу же позвонила Жики, отправившейся по делам в Буэнос-Айрес, и выплеснула на ту малодушный страх, накрывший ее после этого визита. Старая дама ахнула: «Так вот почему я не могла связаться с ними столько времени! Дознаватели, которых

я посылала в Москву, решили, что те сбежали. Как я могла такое подумать!»

Жики искренне любила и уважала молодую пару, и их исчезновение не давало ей покоя. И теперь, узнав об их страшной кончине, ей казалось, что воздух вокруг сгустился до состояния киселя, и дышать им было решительно невозможно. На старую тангеру напал приступ кашля, какого у нее не было более чем за шестьдесят лет заядлого курения. Как хотелось ей успокоить Анну! Но предчувствия, охватившие старую даму, были столь скверными, что, откашлявшись, она только сдавленно посоветовала молодой женщине никому об этом не рассказывать и пообещала вернуться в Париж при первой же возможности.

Но встреча с Глинским лишь на короткое время заставила Анну забыть о зловещем голосе в трубке, испугавшем ее до полусмерти, отодвинув на второй план даже появление Лизы с дочерью. «Querida, зачем ты меня убила?..» Анна узнала голос Мигеля, человека, который любил ее, и которого, как ей одно время казалось, любила и она... Во всяком случае, что-то она к нему чувствовала. И, несмотря на это, убила. Как это случилось – она помнила смутно.

Когда обморочный тошнотворный туман стал рассеиваться, предметы и люди вокруг начали обретать очертания. В нескольких шагах от нее мертвенно-бледный Булгаков полулежал, прислонившись к стене, а еще чуть поодаль корчился на полу Рыков, зажимая на животе кровавую рану. Она

увидела дергающиеся в агонии ноги подруги. Анна даже не поняла, что происходит – Кортес навалился на Катрин всей тяжестью.

– Мигель! – позвала Анна слабым голосом. «Вот так!» – услышала она его торжествующие интонации. До замутненного сознания Анны начал понемногу доходить смысл происходящего. На расстоянии вытянутой руки она увидела пистолет. До недавнего времени она совсем не умела обращаться с оружием. Но Мигель, в нетерпеливом предвкушении расправы, научил ее – надо снять с предохранителя – как-то так... Может, просто ударить его по затылку – нет, она слишком слаба, это не поможет. И она подняла пистолет и, не целясь, выстрелила... Она убила его... точно убила... Но никто не знал, что это сделала она – Рыков взял его смерть на себя. Но тогда кто же ей звонил? И кто говорил с ней голосом Мигеля? Это был его голос – вне сомнений. А потом еще и более чем странная находка в комод. Анна ясно помнила, как Мигель появился на улице Жирардон после смерти Антона – он все время крутил на безымянном пальце то самое кольцо, будто хотел привлечь ее, Анны, внимание к фамильной драгоценности. И привлек же...

Вероятно, Анна совсем бы расклеилась, но положение спас звонок Франсуа. Он поинтересовался, не может ли Анна выкроить пару дней и прилететь в Мадрид. «Я пришлю за вами самолет». Голос его звучал чуть смущенно. «И встречу вас в аэропорту Торрехон де Ардос». «Это лишнее, – испу-

галась Анна его напора. – Я вполне способна взять себе билет бизнес-класса». «Если вы такая упрямая, будь по-вашему, летите сами. Но билет оплачу я», – твердо заявил Альба. Они попрепирались еще немного, после чего Анна сдалась. И улетела в Мадрид первым же рейсом.

И вот она наслаждается рубиновой риохой в ресторане на Пуэрта-дель-Соль.⁸⁵ Позади целый день прогулки по Мадриду – поразительно, сколько раз она бывала в этом городе, но ничего, кроме сцены и гримерки Teatro Real⁸⁶ не видела. Ах да – еще Королевский дворец из окна той же гримерки и аэропорт. Франсуа заявил, что осматривать Мадрид из окна автомобиля – кощунство, и к крыльцу Palacio de Liria⁸⁷ подали изящное ландо⁸⁸, запряженное парой белых лошадей со снежными гривами и хвостами. На козлах сидел кучер, а на запятках ландо стояли два лакея – все трое в ливреях голубого цвета с серебряным позументом.⁸⁹ На лаковой дверце красовался уже хорошо знакомый Анне герб с герцогской короной.

Сопровождаемые любопытными взглядами и вспышками камер бесчисленных туристов, они объезжали достоприме-

---

⁸⁵ Центральная площадь Мадрида.

⁸⁶ Королевский театр оперы (исп).

⁸⁷ Резиденция герцогов Альба в Мадриде (исп).

⁸⁸ Экипаж с открытым верхом.

⁸⁹ Геральдические цвета герцогов Альба.

чательности Мадрида. Строгая Plaza Mayor,⁹⁰ казалось, еще хранящая запах костров аутодафе, величественный Palacio Real,⁹¹ смахивающий на свадебный торт, череда статуй, словно в почетном карауле на Plaza de Oriente.⁹² Остановив ландо под серыми стенами времен Ренессанса, Франсуа поведал Анне о «босоногих монахинях» – Descalzas Reales,⁹³ испанских принцессах и девушках из самых благородных семей, предпочитавших полуголодное существование браку с нелюбимым, назначенным для них строгими родителями. Солнце уже давно покинуло зенит, когда Альба предложил отправиться в Аранхуэс,⁹⁴ но тут Анна взмолилась: «Франсуа, я устала!» И они вернулись на Пуэрта-дель-Соль.

Гитарист – хрестоматийный севильянец – темноволосый, черноглазый, в черной шелковой рубашке, подпоясанный алым кушаком. Его тонкие нервные пальцы перебирают струны, а голос – бархатный и страстный:

Qué bonitos ojos tienes
Debajo de esas dos cejas
Debajo de esas dos cejas

---

⁹⁰ Главная площадь Мадрида, исторически место проведения различных церемоний, в том числе и казней.

⁹¹ Королевский дворец(исп).

⁹² Восточная площадь перед Королевским дворцом (исп).

⁹³ Босоногие принцессы (исп).

⁹⁴ Небольшой городок в окрестностях Мадрида, бывшая летняя резиденция королевской семьи.

Qué bonitos ojos tienes.⁹⁵

– Вы знаете эту песню? – спросил Франсуа, после того, как токаор⁹⁶, опалив молодую женщину огненным взглядом, закончил петь и, продолжая ласкать струны гитары, отошел от их столика.

– Знаю, – улыбнулась Анна. – Это Malagueña.

– Точнее, Malagueña Salerosa⁹⁷. Строго говоря, это мексиканская песня, а не испанская. Вы понимаете, о чем она?

– Фрагментами, – призналась Анна. – Мой испанский далек от совершенства.

– Верно. У меня к вам просьба, Анна.

Анна крайне удивилась – Франсуа за два года их знакомства никогда ничего у нее не просил, и из уст гордого аристократа подобное звучало по меньшей мере странно. Тем не менее, Анна сказала: – Рассмотрю вашу просьбу максимально благосклонно, ваше высочество.

Франсуа не отреагировал на ее выпад – он по-прежнему был спокоен. – Мне б хотелось, чтобы вы занялись испанским языком.

– У меня совсем нет времени, – Анна с сожалением покачала головой. – Я сейчас готовлю новую партию. Лиза в «La

---

⁹⁵ Какие красивые у тебя глазаПод этими двумя бровями,Под этими двумя бровямиКакие красивые у тебя глаза.(исп).

⁹⁶ Гитарист и певец фламенко (исп).

⁹⁷ Malagueña Salerosa – дословно переводится «Грациозная из Малаги» (исп).

Филле мал гардée»⁹⁸.

– Я слышал. Когда премьера?

– В сентябре, – ответила Анна. – Я так счастлива, Франсуа! Дирекция пригласила Бориса Левицкого, моего партнера по московскому театру, на партию Колена. Я так, оказывается, скучала по нему, даже сама не осознавала, насколько.

– Я очень рад за вас, – голос Альба звучал совершенно искренне. – Но, поверьте мне, Анна, всегда можно выделить полчаса в день, чтобы позаниматься.

– Франсуа, – Анна заволновалась, – что случилось? Зачем? Мы с вами прекрасно общаемся по-французски, а больше друзей-испанцев у меня нет, – она запнулась и поправилась: – Теперь нет.

– Вы о Мигеле де Сильва, виконте Вильяреаль? – поднял бровь Альба. – Слышал, вы дружили с ним.

– Да, – в горле Анны запершило, и она кашлянула. – Он погиб.

– Я знаю, – чуть надменно кивнул Альба. – Насколько мне известно, при весьма странных обстоятельствах. Вы общались с ним по-испански?

– Нет, – растерялась Анна. – С какой стати? Он прекрасно говорил по-русски. Мигель родился и вырос в России. Почему вы вспомнили о нем, Франсуа?

– Если покопаться – он очень дальний мой родственник.

---

⁹⁸ «Тщетная предосторожность» (фр) – балет на музыку Луи Жозефа Фердинанда Герольда.

Одна из моих родовых фамилий – де Сильва, и...

– С вами, должно быть, половина Европы в родстве, – не удержалась Анна. Нельзя сказать, что Франсуа отличался высокомерием, но порой Анну начинали раздражать его ди-настические пассажи. Ее сарказм не остался незамеченным. Франсуа заткнулся, но ненадолго: – И все же я настаиваю, Анна.

– На чем? – Анна недоуменно пожала плечами.

– Будущая герцогиня Альба должна говорить на castellano⁹⁹, как чистокровная испанка, – Франсуа не сводил с Анны напряженного взгляда. – Ошибки недопустимы.

– Что?! – Анна поперхнулась. – Франсуа, вы, должно быть, шутите!

– Нет, – отрезал он весьма холодно. – В нашей семье не принято шутить подобными вещами. Брак – дело серьезное.

– Правильно ли я поняла вас? – Анна даже не пыталась скрыть растерянность. – Вы делаете мне предложение?

– Именно, – наконец на непроницаемом лице Альба мелькнуло что-то похожее на смущение. – Окажете ли вы мне честь, Анна?

– Вы не можете говорить серьезно, – она покачала головой. – Вы же понимаете, что подобное невозможно.

– Невозможно? – удивился Франсуа. – Это почему?

– Потому что... потому что...

– Потому что я принц? – прищурился он. – Вы поэтому

---

⁹⁹ Кастильяно – классический испанский язык (исп).

мне отказываете?

– Я не отказываю, – Анна совсем смутилась. – Но, Франсуа... Вы никогда не говорили мне о любви.

– Не говорил, – согласился Альба. – Я старался быть максимально корректным. Вы сами крайне сдержаны в проявлении чувств.

– Вы не первый говорите мне об этом. Но я такая, какая есть, – Анна по-прежнему с трудом подбирала слова, – и вероятно, совершенно не подхожу вам. – Она помолчала. – Какой-то странный у нас разговор.

– Более чем, – согласился он. – Будто мы говорим не о браке, а о сочетании аксессуаров. Я вам совсем не нравлюсь? Настолько не нравлюсь, что вы отказываетесь рассматривать меня в качестве кандидата в мужа?

– О нет, Франсуа, вовсе нет, – робко улыбнулась Анна. – Все совсем не так. За то время, что мы знакомы, я успела привязаться к вам.

– Привязаться? – нахмурился Альба. – И все?

– Нет, не все, – вздохнула Анна. – Но вы всегда вели себя очень... по-дружески.

– ¡Que me lleve el diablo!¹⁰⁰ Не знаю, как принято у вас, у русских, но мы не набрасываемся на женщин, которые нам нравятся, подобно голодным тиграм, что б там про нас, испанцев, не говорили. Помнится, еще во вторую нашу встречу, не совсем удачную, кстати...

---

¹⁰⁰ Дьявол меня побери (исп).

– О да!.. – Anne живо вспомнился вечер двухлетней давности, после концерта Крестовского в «Плейель» – когда Митя неловко пытался познакомить ее со своим высокопоставленным приятелем.¹⁰¹

– Еще в тот раз я откровенно объявил вам, что вы мне нравитесь. Но вы, вероятно, предпочли бы услышать от меня нечто иное?

– Иное?.. – распахнула светлые глаза молодая женщина.

– Я не умею говорить красивые слова, но, Анна, мне казалось, вы и так должны были все понять обо мне и моих чувствах к вам?

– И что это я должна была понять? – в голосе Анны зазвучала откровенная ирония.

– Что я люблю вас, – герцог выпалил это столь громко, что его слышали посетители ресторана за соседними столиками.

– Франсуа?..

– У вас такой удивленный вид, словно вы и не подозревали об этом. И какого дьявола вы заявляете, что я вел себя исключительно как друг? – Франсуа нервничал, это было очевидно – Анна впервые видела его таким: светло-серые глаза потемнели, складка меж бровей стала глубже, он резким движением взъерошил на затылке подернутые серебром волосы.

---

¹⁰¹ См. второй роман серии «Хроника смертельной осени»

– Пако¹⁰², прекратите на меня кричать! – твердо произнесла она, и Альба растерянно уставился на нее. Анна сама оторопела, она никогда его так не называла.

– Я не кричу, – пробормотал он.

– Именно кричите, – возразила Анна.

– Простите, – Альба сцепил пальцы, пытаясь успокоиться. – Я веду себя как кретин. Сам от себя не ожидал, честно говоря. Я оказался не готов.

– Не готовы – к чему?

– К вашему отказу.

– Вам что, никто никогда не отказывал? – насмешливо поинтересовалась она.

– Не может такого быть.

– Не понимаю вашего сарказма, – Альба, казалось, немного обиделся. – Это всего лишь второе предложение о браке в моей жизни. Моя первая жена – Лаура, из семьи Кандия и наши семьи договорились обо всем до того, как я сделал официальное предложение.

– Из семьи Кандия? – Анна решила поддеть его. – Не имею чести знать.

– Скорее всего, не имеете, – Франсуа, казалось, не заметил ее тона. – Герцоги Кандия живут очень закрыто. Но к тому моменту уже было получено разрешение...

– Чье разрешение?

– Как это – чье? Короля, разумеется. Гранды моего класса

---

¹⁰² Пако – уменьшительное от Франсиско.

не могут жениться без королевского разрешения.

– До сих пор? – удивилась Анна. – Средневековье.

– Традиции, – пожал плечами Альба. – Всего лишь традиции. В них свои прелесть и резон.

– Вам виднее, – Анне внезапно стало скучно. – Но при чем тут я? Если все так, как вы говорите – то нет никакой гарантии, что вам позволят жениться на мне. Там, là en haut,¹⁰³ – она показала пальцем наверх.

– Уже позволили, – он достал из внутреннего кармана пиджака длинный конверт с национальным гербом Испании, и еще – с бургундским косым крестом¹⁰⁴. – Вот разрешение, заверенное согласно кодексу Реаль Куэрпо де ла Ноблеса¹⁰⁵.

– Что? – растерялась Анна. – Вы просили разрешения у вашего короля, не спросив меня? Ну, знаете! Хотели подстраховаться?

– Подстраховаться? Да о чем вы говорите, Анна! Знаете, на ком женат Фелипе?

– Кто такой Фелипе? – испугалась Анна.

– Наш новый король!¹⁰⁶ Вы знаете, на ком он женат?

Анна с недоумением повела плечами, а Франсуа рявкнул: – На журналистке! Да еще разведенной!

---

¹⁰³ Наверху (фр).

¹⁰⁴ Косой крест – Андреевский крест.

¹⁰⁵ Real Cuerdo de la Nobleza (исп) – Королевский корпус аристократии.

¹⁰⁶ Филипп VI король Испании, вступивший на престол после отречения отца короля Хуана Карлоса I, 19 июня 2014 года.

– То есть, – пробормотала Анна, – по сравнению с партией короля, моя кандидатура очень даже ничего?..

– Анна, я не понимаю, – было очевидно – Франсуа устал с ней спорить. – Вы категорически мне отказываете?

– Я должна подумать, – честно заявила она. – Но прежде скажите – если я дам вам положительный ответ – будете ли вы настаивать, чтобы я оставила сцену?

– Это так для вас важно? – нахмурился Альба.

– Сцена для меня все. Балет – моя жизнь.

– В жизни есть много, чего вы даже отдаленно себе не представляете. Особенно, когда у вас есть деньги и власть.

– Не сомневаюсь. Но я не променяла танец на любовь. Так неужели вы думаете, что я променяю его на деньги и власть?

– Ваши слова жестоки, – Франсуа поджал губы. – Значит ли это, что вы меня не любите?

– Вы мне очень нравитесь, Франсуа. – Анна прямо посмотрела ему в глаза. – Но я вас совершенно не знаю. Мы встречаемся с вами уже почти два года, но кто вы? Что вы за человек? Да и вы ничего не знаете о моей прошлой жизни.

– Напрасно вы так думаете. Определенную картину я успел себе составить. И если вам интересно, я могу вам рассказать о себе, о моем детстве и юности. Хотите?..

– Расскажите, – Ей хотелось хоть на время прекратить разговор о возможном браке. С того момента, как Франсуа завел о нем речь, она чувствовала себя не в своей тарелке. Франсуа же несколько мгновений изучал ее, словно желая понять,

правда ли ей интересно, или она просто желает сменить тему, но потом начал:

– Про таких, как я, в Испании говорят: «Nació con cuchara de plata en la boca»¹⁰⁷. Мой отец, восемнадцатый герцог Альба, женился на моей матери, графине де Сильва, по любви, как ни странно – в то время в нашем кругу редко заключались браки по любви. Они познакомились на французской Ривьере, в отеле «Негреску», в 1965 году, спустя три года поженились, а спустя положенный срок родился я – их первенец. Мой крестный, король Хуан Карлос, тогда еще наследный принц, изрек, принимая меня из рук кардинала Винсенте Энрике, епископа Толедо: «Вот будущее Испании!»

Я, к сожалению, не оправдал ожиданий. Я был редкостный «el pasota»¹⁰⁸, огорчал мать и раздражал отца, а уж старших членов семьи – бабушку по линии Альба и ее двоюродную сестру, маркизу де Парра...

– Пако, ради Бога! – перебила его Анна. – Пощадите...

– Старшие старались не говорить обо мне в приличном обществе, так как при упоминании моего имени всегда находился титулованный читатель скандальной прессы и начинал, с удовольствием обсасывая подробности, пересказывать содержание какой-нибудь статьи из паршивой газетенки.

– Лживой статьи, без сомнения, – поддела его Анна.

– Ну почему же лживой? – усмехнулся Франсуа. – Ко-

---

¹⁰⁷ «Родился с серебряной ложкой во рту» (исп).

¹⁰⁸ Раздолбай (исп).

гда мне было пятнадцать, папарацци засекли меня в компании пьяных матадоров после рождественской корриды в Лас Вентас¹⁰⁹, а еще раньше... ха-ха...

– Что – ха-ха?..

– У меня был приятель – пикадор по имени Хесус Монтего. Как-то я напоил его кантабрийским орухо...

– Чем-чем?..

– Пятидесятиградусной водкой. И пока тот храпел в раздевалке, нацепил его костюм и вышел на арену. Когда моя мать узнала – а она страстная любительница корриды – у нее чуть сердечный приступ не случился. На той корриде погибли три матадора.

– Какое варварство! – воскликнула Анна. – Вы убивали невинных животных!

– Скорее, невинные животные убивали нас, – невозмутимо заметил Альба. – Это была настоящая резня. Знаете, что такое – терция смерти? El tercio de muerte?

– Не знаю, но звучит жутко.

– Это заключительная фаза корриды. Тореро, со шпагой и мулетой¹¹⁰ в левой руке, с непокрытой головой, обращается к человеку, которому он посвящает быка. В тот раз Мигель Соледа посвятил быка королеве Софии. Менее чем через четверть часа Эль Моро¹¹¹ поднял его на рога, практиче-

---

¹⁰⁹ Арена для корриды в Мадриде.

¹¹⁰ Кусок красной ткани, которой во время корриды тореро дразнит быка.

¹¹¹ Мавр (исп).

ски разорвав пополам.

– Эль Моро?

– Так звали быка.

– И что с ним сделали? С быком?

– Бык-убийца доживал свои дни, покрывая лучших коров Севильи и Андалусии¹¹². А у Мигеля осталась вдова с двумя маленькими детьми. Что касается меня, то после попойки с матадорами меня отослали в Швейцарию, в закрытую школу для трудных подростков из благородных семей. Там даже был карцер.

– В закрытых школах есть определенные плюсы, – благо- разумно заметила Анна.

– Вы, как балерина, знаете это лучше других. Вы ведь тоже учились в интернате с жесткой дисциплиной.

– Нас за провинность не сажали в карцер, – возразила Анна. – Всего лишь оставляли на дополнительный экзерсис.

– В нашем карцере была постель с льняными простынями, горячий душ и неплохая библиотека, – Альба рассмеялась. – Ограничения касались общения с друзьями, прогулок на свежем воздухе и развлечений типа вечеринок и охоты.

– Какие строгости, – фыркнула Анна. – А потом?

– После школы, которую я все же закончил *de honor*¹¹³, я поступил в Академию ВВС.

– Вы – летчик? – изумилась Анна.

---

¹¹² Это нетипично – как правило, быков-убийц отправляют на бойню.

¹¹³ С отличием(исп).

– Я военный пилот, – поправил ее Альба. – El Comandante del Ejército del Aire de España.¹¹⁴

– Вот уж никогда б не подумала...

– Собственно, почему? – в свою очередь удивился Франсуа. – Выбрать военную карьеру для молодого человека из благородной семьи так же естественно, как... ну не знаю... для еврейского мальчика играть на скрипке.

– Какое-то сомнительное сравнение, – поморщилась Анна.

– Да, не очень удачное, – согласился он.

– И вы служили в армии?

– Естественно. В эскадрилье Patrulla Águila.

– Орлиный патруль? Что это?

– Несмотря на бойкое название, это всего лишь пилотажная группа из семи штурмовиков, что-то вроде ваших «Русских витязей». Мы выделявали всякие штуки на парадах и авиашоу.

– Как-то я была на таком шоу. Это очень красиво.

Франсуа кивнул с улыбкой, которую вполне можно было назвать горделивой.

Анна задумалась.

– То есть вы никогда не были на войне?

– Бог миловал, – Франсуа покачал головой. – В 90-е я по глупости пытался напроситься в зону боевых действий...

– Куда?

---

¹¹⁴ Майор ВВС Испании(исп).

– В Сербию, – Франсуа заметил, как Анна поджала губы: – Даже рапорт подал. Но моя мать употребила все влияние, чтобы Хуан Карлос самолично наложил запрет на мою командировку. И я остался развлекать их величества в Мадриде. Скоро мне это осточертело, и я вышел в отставку. К тому времени мой отец умер и долг требовал от меня, чтобы я женился. Моя матушка сосватала мне Лауру, графиню Бланка, младшую дочь из семьи Кандия. Некоторое время мы жили с ней в Мадриде. Нельзя сказать, что наш брак был несчастлив, но в один прекрасный момент мы поняли, что безмерно надоели друг другу и мирно развелись. Оба сына остались с матерью, а я уехал в Париж. И жил себе спокойно, пока однажды около Опера Бастий не встретил изумительную женщину, с которой захотел связать жизнь. Я пытался стать для нее необходимым. Очень старался, честное слово. Но она меня отвергла.

– Не передергивайте. Я вас не отвергала.

– Вы недвусмысленно дали мне понять, что балет интересует вас больше, нежели моя скромная персона.

– Ваша персона все же недостаточно скромна. Ваша персона просто приbedняется, что, ввиду высокого положения вашей персоны, выглядит сущим лицемерием.

Франсуа расхохотался.

– Рада, что смогла повеселить вас, ваша светлость, – фыркнула Анна. – Но, к сожалению, между нами стоит не только моя работа.

Веселое выражение исчезло с лица Франсуа, словно сметенное порывом ветра. Оно стало серьезным, даже озабоченным. – О чем вы говорите, Анна?

– Простите, я пока не готова обсуждать эту тему. – Анне вдруг стало трудно не то, что говорить, а даже дышать.

– Хорошо, препятствия мы обсудим позже, когда у вас будет настроение. Поговорим о чувствах. Желтая пресса чего только нам с вами не приписывает, а я ни разу за два года вас не поцеловал.

Анна смутилась: – Вы никогда не делали даже попытки...

– А вас это уязвляло? – он улыбнулся краем губ. По тому, как она покраснела, Альба понял, что попал в яблочко. – Признайтесь, Анна?

– В общем... да... – проямлила она. – Я, честно говоря, считала наши отношения чисто дружескими.

– И, тем не менее, вас это уязвляло, – настаивал он.

– Иногда. Но чаще всего я говорила себе, что лучше не омрачать нашу дружбу напрасными надеждами. Я пережила однажды невыносимую боль утраты, и мне не хотелось бы вновь пройти через это.

– Вы говорите о вашем муже?

– Да.

– Вы до сих пор скорбите о нем?

– Никогда не перестану, – призналась Анна. – Но вместе с тем я понимаю, что необходимо жить дальше... дышать... танцевать... любить, наконец.

– Наконец! Наконец-то мы добрались до сути! – с торжеством воскликнул Франсуа. – Наконец-то вы произнесли ключевое слово! Несмотря на боль и разочарования, пережитые нами обоими в той или иной степени, надо жить дальше. И я надеюсь, вы обдумаете мое предложение.

Анна подняла на него светлые глаза, полные тихой печали: «Я обещаю». А затем сменила тему: «Когда вы возвращаетесь в Париж?»

– Вы скучаете по мне? – с надеждой поинтересовался он. Анна лукаво улыбнулась:

– Не так чтоб очень... Но иногда мне вас не хватает...

Телефонный звонок не дал ей договорить. – Извините, Франсуа, – глянув на экран, она увидела имя. – Я должна ответить. Да, я слушаю, Лиза! – И была оглушена рыданиями: – Анна, Анна, помогите!

– Да что случилось, Лиза?

– Тони... она исчезла!.. Это Шарль, я уверена, больше некому! Он решил, что родители Антона заберут внучку!

– Лиза, это нонсенс! Они бы никогда так не поступили!

– Я знаю! Но Шарль после их приезда сам не свой! Подождите, мне прислали une message texte!¹¹⁵ О Боже...

– Что такое? – Анна взглянула на Франсуа – тот внимательно следил за ней и, не понимая ни слова из разговора по-русски, пытался оценить потенциальную опасность того, что происходило.

---

¹¹⁵ Смс (фр).

– О Боже, – повторила Лиза. – Это адресовано вам, Анна!

– Как? Что там написано?

– «Передайте Анне Королевой, чтобы она вернула то, что ей не принадлежит и отказалась».

– Вернула – что именно? Отказалась от чего?

– Здесь не говорится. Анна, что же делать?! Если это не Шарль...

– Лиза, меня сейчас нет в Париже, но вернусь либо сегодня, либо завтра с утра. Заявите в полицию.

Слово «полиция» Франсуа понял и нахмурился.

– Нет, Анна, здесь еще текст – «Полиция вам не поможет, только все усложнит».

– Есть ли угроза в адрес ребенка?

– Нет, нет, – Лиза продолжала плакать. – Анна, что же делать?

– Лиза, возьмите себя в руки, – Анна понимала, что это пустой совет – как может взять себя в руки мать, у которой украли дитя? – Я позвоню вам сразу, как прилечу – прямо из аэропорта.

– Что случилось, Анна? – спросил Альба, как только Анна положила трубку.

– Я возвращаюсь в Париж. Дочь Антона похитили.

– Дочь Антона? Вашего покойного, хм... мужа?

– Да, – Анна не обратила внимания на его многозначительное хмыканье. – Я не могу допустить, чтобы с ней что-то случилось.

– Похитители требуют денег?

– Нет. Они требуют, чтобы я вернула то, что мне не принадлежит.

– Вернули что? – удивился Франсуа.

– Понятия не имею. Также они требуют, чтобы я отказалась.

– Отказались от чего?

– Не знаю. Но я пойду на что угодно, лишь бы спасти Тони.

– Тони – это девочка?

– Да, его дочь, – Анна поднялась. – Мне нужно ехать в аэропорт.

– Ну уж нет, – Альба тоже встал с места. – Теперь этим займусь я.

– Что это значит, Франсуа? – заволновалась Анна.

– Я вам не позволю самостоятельно решать такие вопросы. Вам требуется помощь. Я не могу оставить вас в такой ситуации. Вылетаю в Париж через полтора часа, – это Альба уже говорил в телефон. – Запросите посадку в Орли, и пусть там ждет машина.

– Вы не должны, Пако, – покачала Анна головой. – Я не дала вам ответа.

– Это неважно. Какое бы решение вы не приняли, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть ребенка. Величайшая подлость на свете – обижать детей.

– Они требуют, чтобы я отказалась, – Анна посмотрела ему в глаза. – Я не знаю, о чем речь, может быть, это о вашем

предложении, Франсуа. Хочу, чтобы вы знали – я откажусь и в этом случае.

– Не сомневаюсь. Но это ничего не меняет.

И тут Анна сделала то, что сама от себя не ожидала. Пристав на носочки, она потянулась к Франсуа и прильнула к его губам на глазах у всего ресторана.

– Olé! Olé!¹¹⁶ – раздались одобрителльные крики зрительного зала. Полыхнула вспышка папарацци – но ей было плевать.

Командоры не предупреждают о своем визите. Они любят эффект неожиданности – так проще ухватить суть событий. Вот и теперь мадам командор свалилась «comme une bombe»¹¹⁷ – просто в дверь мансардной каморки постучали – громко, требовательно. Растерянная Бриджит оторвалась от чистки пистолета и вопросительно взглянула на Десмонда. Тот пожал плечами с деланно равнодушным видом и отправился открывать дверь.

– Ça va, – Жики вплыла в комнату.

– Кто это? – прошептала Бриджит в шоке, рассматривая худую высокую старуху в костюме от Шанель.

– Наше начальство, – американец скинул с дивана журналы и планшет. – Присаживайтесь, мадам.

Поскольку сесть в каморке было больше некуда, Жики опустилась на диван, предварительно опасно отряхнув его

---

¹¹⁶ Браво! bravo! (исп)

¹¹⁷ Как снег на голову (дословно – как бомба) (фр).

ладонью, затянутой в тонкую кожаную перчатку. – У вас есть кофе, mes enfants?¹¹⁸

Десмонд и Бриджит вновь переглянулись. Он чуть заметно двинул бровями и Бриджит буркнула: «У нас только сублимированный», на что Жики любезно кивнула.

– Пришла вот посмотреть, как вы тут живете, – она оглядела мансарду критическим взглядом: – Небогато.

– Можно подумать, у нас есть выбор, – Десмонд оскалил ровные белоснежные зубы.

– Вы недовольны?

– Премного доволен, merci, – он слегка поклонился. – У нас все есть.

– Я рада, – улыбнулась тангера ярко-красными губами. – Служители Ордена должны жить в комфорте.

– Нам много не надо, – тихо повторил он. – Мы всем довольны.

– Прекрасно! – обрадовалась Жики. – Просто прекрасно. Я решила лично принести вам банковскую карту на расходы. Это средства на предстоящие акции – вы не можете тратить их на собственные прихоти. Только на питание и транспорт.

– Мне нужен хороший лэптоп, – проворчал Десмонд. – Этот металлолом, – он кивнул головой в сторону небольшого лэптопа на подоконнике, – годится только на то, чтобы делать интернет покупки. И то – тормозит.

– Безусловно, – согласилась тангера. – Купите самый луч-

---

¹¹⁸ Дети мои (фр).

ший и все, что требуется для успешной работы. Также вам нужна машина. Незаметная и быстрая, с достаточно большим багажником. Возможно, вам придется перевозить трупы.

– Трупы? – переспросил он, но комментировать не стал. Как скажете, мадам, трупы – значит, трупы.

– Вам предстоит провести две акции в самое ближайшее время. – Жики взяла из рук Бриджит большую чашку. – Вы готовы?

– Мы готовы. – Десмонд опустился на пол у стены, а Бриджит устроилась на встроенном кухонном шкафчике.

– Отправитесь в Тулон. Там необходимо устроить автотаварию.

– В Тулон? – удивился Десмонд. – Там разве нет своих... исполнителей?

– Есть и дознаватели, и исполнители. И они за вами присмотрят. Будете работать под контролем.

– Это еще зачем? – нахмурился Десмонд. – Вы нам не доверяете?

– А я должна? – усмехнулась Жики. – Нет никакой гарантии, что вы не сбежите или не сорвете акцию.

– Вы уже приставили ко мне одного надсмотрщика, – он глянул в сторону Бриджит. Та поджала губы.

– Не уверена, что ей можно доверять хоть на йоту больше, чем вам, – серьезно заявила Жики. – Да будет вам известно, мадемуазель...

– Она не понимает по-французски, – ухмыльнулся Десмонд.

– Так переведите! – рявкнула Жики. – Я была против ее освобождения! То, что она осталась жива – вообще непонятная случайность.

– А то, что я остался жив – это что? – вопрос прозвучал почти нагло, и тангера смерила мужчину гневным взглядом:

– Производственная необходимость. Ах да, кстати! Вашей группе нужен третий. Ожидайте прибытия врача.

– Да, доктор бы нам не помешал. Последнее время у меня несварение желудка, – язвительно пробормотал Десмонд себе под нос и тангера вновь усмехнулась. Ах, он еще шутит! Ну, ну...

– А сейчас, с вашего позволения, мы должны принять меры предосторожности.

– Что еще за меры?

Бриджит, уловив в голосе Десмонда тревогу, забеспокоилась: – Что происходит?

Жики достала из сумочки медицинский пистолет.

– Закатайте рукав!

– Зачем? – Десмонд и не подумал повиноваться – как сидел, прислонившись к ободранной стене, так с места и не двинулся. Жики не стала его уговаривать. Она проговорила в гарнитуру, вставленную в ее ухо:

– Зайдите!

И в комнате неслышно возникли три черные фигуры. Они

крепко схватили американца и закатали тому рукав свитера. Жики приложила к его плечу пистолет и руку мужчины прошила острая боль. На коже осталась маленькая ранка, которую залепили пластырем.

– Скоро заживет, – пообещала Жики и повернулась к Бриджит: – Теперь ты!

– *Qu'est-ce que c'est?*¹¹⁹ – со страхом спросила ирландка. Люди в черном уже держали ее, и Жики приставила пистолет и к ее руке. – *Merde!* – завопила ирландка.

– Начала учить французский? Молодец! Это микрочипы, чтобы вы, детки, не сбежали. Я решила, что не могу позволить себе такую роскошь, как полагаться на ваше слово. Всегда лучше подстраховаться. Теперь мы всегда будем знать, где вы находитесь. Попробуете избавиться от чипа – сразу отправитесь туда, где вам и место, – она повернулась к мужчине. – Тебя сдадут властям твоей страны, а ты – она мельком царапнула пронзительными глазами по Бриджит: – А ты отправишься прямиком в Холуэй.

Тон старой дамы был таким, что у Десмонда и Бриджит не оставалось никаких сомнений – они окажутся именно там, где она обещала. Жики не без удовлетворения следила за их лицами. Убедившись, что оба морально уничтожены, она продолжила:

– Вот ваше первое задание, – она протянула Десмонду флэшку.

---

¹¹⁹ Что это такое? (фр).

Он, однако, даже руки не протянул, дабы ее взять.

– Что это? – лениво спросил он.

– Я же сказала – или вы плохо слышите? Ваше первое задание. Хакер взломал счета пенсионного фонда и украл все до последнего цента – тысячи стариков остались без денег.

Десмонд пожал плечами: – И что? Полиция-то на что? У них наверняка есть отдел по высокотехнологичным преступлениям.

– Они не смогли его отследить, – сухо заметила Жики. – Возьмите флэшку и посмотрите, что можно предпринять. Уж сделайте одолжение.

Раздраженно поморщившись, Десмонд на сей раз, однако, потянулся за ноутбуком, ловко снял его с подоконника и пристроил у себя на коленях. Воткнул флэшку в разъем, пару мгновений изучал информацию. Потом он минут пять постучал пальцами по клавиатуре и, выдернув флэшку, закрыл ноут: – Все!

– Что – все? – ошарашенно спросила старая дама.

– Все, он остался без средств к существованию до конца своих дней. Ни один банк в мире не откроет ему счет.

– Что?! – ахнула Жики – И это за несколько минут?!

– Я же говорил – это просто металлолом – ни на что не годится. На нормальной машине мне понадобилось бы в два раза меньше времени.

– А где украденные у пенсионеров деньги?

– Перевел на оффшорный счет, – Десмонд, казалось, был

серьезен, но увидев возмущенное лицо старой дамы, усмехнулся: – Вернул в пенсионный фонд. Я стариков не граблю, не обучен. Кстати, проверить бы этот фонд – не все там гладко. И хакер этот взялся не из ниоткуда.

– Неужели?.. – Жики все еще пребывала в глубокой растерянности. – *Воп*¹²⁰, я передам, куда следует.

– Что-нибудь еще?

Жики поднялась с дивана.

– Отправляйтесь в Тулон. Попробуйте только выкинуть какой-нибудь фортель! – пригрозила она на прощание. – *Bonne soirée!*¹²¹

Бриджит высунулась в окно, чтобы посмотреть, как она уезжает – вскоре старая дама появилась из подъезда в сопровождении охраны. Но она не села в ожидавшую ее машину. Жики остановилась, придерживая пальцем гарнитуру в ухе. Бриджит не слышала, что та говорила, но обратила внимание, как пошатнулась старая дама – охранники бросились к ней, чтобы поддержать, но она остановила их резким движением. Закончив говорить, застыла, словно раздумывая. Потом сделала властный жест, и дверца автомобиля распахнулась перед нею.

– Уехала, наконец, – с облегчением вздохнула Бриджит, закрывая окно. – Но у них там что-то случилось.

– Мне плевать, – равнодушно проронил Десмонд. – Что у

---

¹²⁰ Хорошо (фр).

¹²¹ Хорошего вечера! (фр).

нас есть пожрать?..

Именно с Анной говорила Жики, в тот момент, когда за ней наблюдала из окна Бриджит. В шоке от услышанного, она ехала домой, прокручивая в голове возможные направления действий. Похищение ребенка – трудно представить себе злодеяние чудовищней. Что бы сейчас они не предприняли, главное – не навредить девочке, главное – чтобы маленькая дочь Антона вернулась домой живой и невредимой. Анна умоляла по телефону о помощи – и как старая тангера могла отказать? Конечно, она должна помочь. Но сначала следует решить, с какой стороны приняться за дело... Анна придет через несколько часов – кстати, сделал ли Франсуа наконец предложение, или нет? – мелькнула в голове, но Жики быстро отбросила никчемные мысли прочь. Бросила беглый взгляд за окно – мимо проплывал вокзал Аустерлиц. Какого черта они сюда заехали?..

– Возвращаемся! – приказала она водителю и тот, ни слова не говоря, свернул в ближайший переулок. За то недолгое время, что они катили обратно в Берси, Жики сделала несколько звонков – ей была нужна дополнительная информация.

– Мы еще не успели стонять в Тулон, мадам, – угрюмо пробормотал Десмонд, увидев ее на пороге.

– Тулон подождет, – надменно отрезала Жики. – Придержите свое остроумие, молодой человек. Появилось неотлож-

ное дело.

– Мы вообще-то обедать собирались, – он осекся, заглянув Жики в глаза – в них было столько тревоги, что он сменил тон: – Что случилось?

– Похитили ребенка. Необходимо его найти.

– С какой целью похитили, известно?

– Шантаж.

– Сколько требуют?

– Требуют не деньги. – Жики помолчала. – Поговорим откровенно – насколько возможно.

– Боюсь, ваша откровенность, мадам, очень дорого мне обойдется.

– Замолчите, наконец! В дело оказался втянутым очень дорогой мне человек.

– Не уверен, что мне следует знать его имя, – он покосился в сторону Бриджит, которая возилась в кухонном углу, ничем не выдавая заинтересованности. Французский она все равно не понимала, так что – сочтет Десмонд нужным рассказать ей – расскажет, а нет – пусть катится.

– Я тоже не уверена, но иного выхода нет, – проскрипела Жики. – Речь идет о моей близкой подруге.

Десмонд взял один из журналов «Пари Матч», валявшийся раскрытым на диване: – О ней?

Это была статья, посвященная *Le Fond d'aide aux victimes de violence*¹²², и на фотографии Жики была вместе с новой

---

¹²² Фонд помощи жертвам насилия (фр).

звездой балетной труппы Opera de Paris – Анной Королевой – недавно назначенной общественным куратором фонда.

– Вы следите за моей жизнью? – неприятно поразились Жики.

– Вы особа публичная. А я читаю прессу. Итак?..

– Да, это она.

– Разве у нее есть дети?

– Ребенок не ее, вы это прекрасно понимаете.

– Но шантажируют Анну Королеву?

– Да.

– Не понимаю. Каким образом ее шантажируют чужим ребенком?

– Вы чудовище! – вспылила Жики. – По-вашему, Анне должно быть плевать на ребенка, раз это не ее собственное дитя? Не судите по себе!

– Ни в коем случае, – на его лице не дрогнул ни единый мускул. – Так чей же этот ребенок?

– Это дочь ее покойного мужа.

– Pardonnez?¹²³

– Это дочь ее мужа, – повторила Жики и пояснила: – жестоко убитого несколько лет назад здесь, в Париже, на площади Вогезов. Его застрелил один мерзавец.¹²⁴

– Дочь, значит, – пробормотал Десмонд. – Выходит, муж ее не был образцом супружеской верности...

---

¹²³ Прошу прощения? (фр).

¹²⁴ См. вторую часть серии «Хроника смертельной осени»

– Это не ваше дело! Я вас спрашиваю – готовы ли вы помочь мне... и Анне?

– Чем ее шантажируют?

– Требуют, чтобы она отказалась и вернула то, что ей не принадлежит.

– Что она должна вернуть?

– Пока не знаю.

– От чего она должна отказаться?

– Неизвестно. Но у меня есть предположение.

– Любопытно было бы послушать.

«Проклятие, – Жики молчала, но мысли в ее голове проворачивались, подобно мельничным жерновам, с таким же неприятным скрипом. – Проклятие... Проклятие.... Во что я оказалась втянута... Во что я втянула Анну? Теперь мы зависим от этого ужасного человека. Но есть ли кто-то еще, способный помочь несчастной девочке? Где она, бедняжка, что с ней? Если б не она, я бы никогда, никогда не попросила о помощи такого мерзавца».

Десмонд тем временем не сводил с нее внимательных голубых глаз – но на его бесстрастном лице было невозможно прочесть его истинные чувства. Возможно, он сейчас испытывает сладостное злорадство от того, что она, Жики, оказалась зависимой от него?.. И зачем она тогда поддалась на уговоры? От этого человека исходила затаенная угроза – рядом с ним Жики чувствовала себя, точно у логова дикого зверя, коварного и опасного, тревога не отпускала ее ни на

мгновение. Но выхода нет, и ей придется ему довериться.

– Некоторое время назад я предложила Анне занять пост командора в Палладе, – отчеканила она.

– Что? – недоверчиво усмехнулся он, вернее, попытался усмехнуться – не изуродованная шрамом сторона его рта просто изломилась в болезненную гримасу.

– Я предложила ей пост командора.

– И она согласилась?

– Она попросила время на размышление.

– Вот как? – он закрыл глаза, словно оценивая информацию. Потом спросил:

– Кто еще знает о ваших планах?

– Никто – покачала головой Жики. – знала Моник Гризар, Магистр Ордена. Но она умерла еще на Рождество.

– А кто ее заменил?

– Это закрытая для вас информация, – Жики покачала головой. Ей очень не нравились его вопросы. А он продолжал их задавать:

– Как Моник Гризар отнеслась к вашим планам?

– Это что, допрос? – возмутилась Жики. – С какой стати я должна обсуждать с вами дела Ордена?

– Но вы ведь пришли ко мне за помощью, мадам? Я ничего не путаю?

– Все это не имеет отношения к делу, – отрезала Жики.

– Как знать? Ведь то, что вы видите Анну командором вашего иезуитского Ордена, стало известно еще кому-то.

– Не факт, что от нее требуют отказаться именно от поста командора.

– А какие еще варианты?

Жики замаялась... Она не была уверена, что Франсуа сделал Анне предложение – но как знать? Может кто-то из его семьи, достаточно высокопоставленный и подлый...

– Брачное предложение, От очень влиятельного человека.

– От кого – вы, конечно, мне не скажете?

– Не имеет значения. Просто поверьте – он очень важная персона.

– Принц Гарри? На черта ей сдался этот рыжий?

– Заткнитесь, наконец! – раздраженно приказала Жики. –

Положение крайне серьезное.

Как ни странно, он повиновался, и уже без тени ерничанья, прокомментировал:

– Не думаю, что это предложение о браке. Нет, нет... выбрали бы другой способ – скандал в прессе, что-то такое... Скорее всего речь идет о предложении, которое сделали вы. Кто еще знает о нем? У вас же есть соображения на этот счет.

О да! Соображения у Жики, несомненно, были. Но как такое произнести вслух – это же все равно, что вынести приговор делу, которому отдана жизнь.

– Поставим вопрос по-другому, – Десмонд пошарил за диваном и извлек оттуда бутылку. – Хотите скотча, мадам?

– Налейте, – вздохнула тангера и, когда он протянул ей стакан, опустилась на диван. Сам Десмонд устроился со ста-

каном на полу, у стены. – Итак, поставим вопрос по-другому. На этот пост есть другие претенденты? И насколько влиятельные? Кто их поддерживает?

Жики не собиралась отвечать на его вопросы – еще не хватало! С каменным выражением лица, она смотрела куда-то поверх его головы. Наконец Десмонд понял, что его любопытство удовлетворять никто не будет.

– И вот еще что! – наконец добавил он. – Раньше вам не требовалась охрана – вы передвигались как простая смертная – одна, на такси...

– Не зарывайтесь! – проворчала она. – Я просто старая. Мне тяжело выходить из машины.

– Ну конечно! – фыркнул он. – Послушайте, мадам! Если я вам нужен...

– Иначе я бы не обратилась к вам. Более того, мне нужна срочная помощь. Каждая минута на счету. Иначе мы бы справились и без вас!

– Разумеется, – язвительно обронил он. – Итак, мадам, срочно купите лэптоп последней конфигурации, – он быстро написал что-то на обрывке бумаги. – И мне нужен мой собственный лэптоп.

Жики вопросительно подняла брови.

– Тот, который отобрали у меня при аресте.

– Никто вас не арестовывал. Вас поймали, как нашкодившего в курятнике лиса.

– Это всего лишь игра словами. Верните мой лэптоп.

– Понятия не имею, где он, – пожалала она плечами. – Скорее всего, его уничтожили. Ведь залезть в него не удалось никому из всего нашего технического отдела.

Десмонд усмехнулся: – Да неужели? Так и поищите в этом вашем техническом отделе. И побыстрее. И пошлите кого-нибудь, чтоб купили то, что я написал. Но учтите, такая машина стоит примерно десять тысяч евро.

– Неважно, – Жики отдала приказ одному из своих людей, и тот бесшумно испарился. – И что теперь делать?

– Ждать. Но если вы не можете сидеть сложа руки, узнайте для меня мобильный номер девочки и его IMEI.

– Что, простите?

– Идентификационный номер. Даже если сим-карту вытащили, аппарат можно отследить по его IMEI. Хотя, скорее всего, телефон отключен, даже выкинут в Сену... Как пропала девочка?

– Она была с мамой в спортивном центре. Мама занималась в зале для взрослых, а ребенок – в детской группе. Вышла в туалет и не вернулась.

– Когда именно это произошло?

– Сегодня утром, между десятью и одиннадцатью.

– Во сколько похитители дали о себе знать?

– В семь тридцать вечера. Лиза как раз разговаривала с Анной.

– Лиза – это мать девочки?

– Да.

Десмонд задумался. Он молчал, а попутно его длинные пальцы бегали по клавиатуре «металлолома». Что-то, видимо, ему удалось из его недр извлечь, так как спустя несколько минут он удовлетворенно воскликнул: – Так я и думал!

– Что значит – так вы и думали? – подозрительно спросила Жики.

– Лиза Эвра, урожденная Гладкова, училась с Антоном Ланским в Московском университете, на юрфаке. Сейчас замужем за председателем совета директоров крупного банка Шарлем Эвра. Дочь Антуанетт, двенадцати лет, учится в le Lycée Des Francs Bourgeois в четвертом округе... Две недели назад сменили шофера, который возит маму и девочку по их нуждам. Они наняли некоего Андре Готье, он, кстати, был под следствием по подозрению в похищении людей в 2011 году, но обвинения сняли... Как неосмотрительно, однако, он что, этот банкир, вообще его документы не проверял?..

– Как вы все это узнали? – в шоке пробормотала Жики.

– Google, мадам...

– Никогда не поверю, что материалы уголовной полиции находятся в открытом доступе!

Десмонд пожал плечами: – Я бы не рискнул с этого допотопного агрегата ломиться на полицейские сайты. И десяти минут не пройдет, как к нам нагрянет группа захвата. Когда привезут мой лэптоп, мадам?..

– Я попросила его поискать, но ничего не обещаю. Терпение.

– Еще скотча, мадам?

– Пожалуй, – Жики протянула опустевший бокал. – Превосходный скотч. На какие деньги куплен?

– Я его украл, мадам. В Nicolas¹²⁵ напротив.

– Какой кошмар! – ахнула тангера.

– Надо же мне что-то пить, – хмыкнул Джош. – И ей! – он обратился к Бриджит: – Правда, детка? You really enjoy jiggling with such a cool guy as me, don't you?¹²⁶

Лицо ирландки вытянулось, и она что прошипела по-гэльски.

Жики было открыла рот, дабы потребовать объяснений – английского она не знала, и поэтому не поняла ни вопроса Десмонда, ни реакции Бриджит – но тут на пороге появился ее помощник. В одной руке он держал большую коробку с огрызком яблока на крышке, а в другой – завернутый в прозрачную упаковочную пленку лэптоп. – Вот, мадам. Айтишники отдавать не хотели – они там пари заключили на тысячу евро, кто взломает защиту.

– Не видать им бабок, – злорадно буркнул Десмонд, сдирая упаковку с лэптопа. Он провел рукой по крышке, словно лаская любимую собаку. На его губах Жики впервые увидела искреннюю улыбку. – Ну, приятель, сейчас мы с тобой зададим жару...

---

¹²⁵ Сеть винных бутиков во Франции.

¹²⁶ Тебе ж нравится трахаться с таким классным парнем, как я? (англ).

...Наверно, ей снится сон. Сейчас она проснется и все будет хорошо – мама накормит ее завтраком, папа завезет на машине в школу, поцелует ее в нос на прощание. Тони рада, что в школу ее завозит папа – почти всегда, если только не уезжает по делам из Парижа. И тогда ее везет в школу Андре – странноватый дядька с внимательными глазами – неужели мама не видит, какие у него внимательные глаза? Такое ощущение, что он видит ее насквозь. Когда ее с мамой возил Жан, то в машине играла приятная музыка, мама улыбалась, Жан шутил, а ей всегда доставалась от него шоколадка, чем родители ее не баловали – мама вечно ворчит, что шоколад вреден для зубов и фигуры. Так вот – сейчас она откроет глаза...

Девочка таращилась в темноту, но ничего не могла разглядеть. Она чувствовала запах пыли и сырости – так пахнет в подвале их дома на авеню Фош – однажды она спускалась туда вместе с горничной Анастасией. Тогда в квартире погас свет, Настя вызвала электрика и отправилась вместе с ним в подвал – Тони она не оставила одну в квартире и взяла с собой. Но в их подвале горел свет, с ней была Настя. А сейчас девочка очень боялась – а больше всего потому, что совсем не помнила, как сюда попала. Она вышла из гимнастического зала в туалет, ее кто-то окликнул по имени и... все. Когда она пришла в себя, ее руки были связаны за спиной, также были связаны и лодыжки. Рот ей залепили скотчем, и она с трудом дышала...

Тони, девочка умная, много читала – и не только книги, а также газеты и интернет-новости – чего мама категорически не одобряла. Но в современном мире бороться с потоком негативной информации с помощью запретов – все равно, что сражаться с ядерными ракетами репеллентом от комаров. И поэтому девочка была в курсе существования педофилов, насильников и похитителей детей. И сейчас у нее не было ни малейшего сомнения в том, что ее украл вот такой урод. Она хотела крикнуть, но у нее вырвалось лишь жалкое мычание.

– Тихо, тихо, – вдруг услышала она спокойный ласковый голос. – Ты ведь хорошая девочка, не правда ли? Тебя учили, что взрослых надо слушаться?

Девочка услышала, как щелкнула зажигалка и тьма, окружавшая ее, немного рассеялась. Но говоривший находился за ее спиной, и поэтому она никого не увидела.

– Молчишь? – продолжил голос. – Это хорошо. Дети должны говорить только тогда, когда им разрешают взрослые. Хочешь пить? Кивни.

Тони затрясла головой и тут же услышала звук, будто кто-то наливал воду в стакан. Чья-то рука сорвала липкую ленту с ее рта. Тони взвизгнула.

– Тихо! – приказал голос. – Будешь шуметь, я сделаю тебе больно. Пей!

К губам Тони поднесли стакан, и она стала, захлебываясь, торопливо пить. Но только стакан был убран, как она отча-

янно закричала: «Помогите!» и тут же рот ей зажала грубая рука: «Ах ты, маленькая сучка! – в голосе не осталось и следа от ласки, звучавшей минуту назад. – Будь моя воля, я бы тебя прямо сейчас...»

Он озвучил, что бы он с ней сделал, и Тони инстинктивно сжалась: из общения с одноклассниками она уже знала, откуда берутся дети, что их рождению предшествует и разнообразный *vocabulaire*¹²⁷, который этот процесс описывает. Голос высказался совершенно недвусмысленно. Вероятно, ей следует вести себя тише.

– Есть хочешь?

Девочка покачала головой. Есть совсем не хотелось, ее слегка подташнивало и единственное, чего она страстно желала – попасть домой, к маме.

– Я принес тебе гамбургер, – Тони почувствовала неприятный запах фаст-фуда. – Ты любишь кока-колу?..

В то же время, Москва, Петровка, отдел убийств.

Наконец-то Глинскому удалось получить записи камер наружного наблюдения на въезде в дачный поселок. Чудесным образом они отыскивались в архиве дирекции. Как же он не изъясил их полтора года назад? Но тогда уголовное дело быстро прикрыли и отправили в архив. Чего уж там, поморщился Виктор, зачем лукавить перед самим собой? Он был так разочарован тем, что Олег Рыков вновь ускользнул от него –

---

¹²⁷ Словарный запас, вокабуляр (фр).

пусть даже и мертвый – что ему было просто недосуг. Грандиозная ошибка! Как же они накосячили полтора года назад – чистое везенье, что дирекция поселка хранила записи так долго...

И вот он просматривает данные с видеокамер за 12 ноября позапрошлого года. Нудное, надо сказать, занятие...

14.18 – у шлагбаума – черный, точно ворон, «Инфинити». У него даже пропуск проверять не стали – шлагбаум услужливо поднят. Водитель, однако, благодарно мигнул фарами и покатил себе дальше.

15.03 – у шлагбаума – корейский внедорожник SsangYong Actyon. Номер заляпан грязью и не читается. Лобовое стекло затемнено. Охранник выходит из будки и проверяет пропуск водителя. Пропуск, видимо, у водителя в порядке, так как кореец беспрепятственно пропущен на территорию элитного поселка.

15.14 – к поселку подъезжает голубая «Победа». У Виктора от удивления глаза на лоб полезли – откуда здесь это допотопное транспортное средство? Однако, сверившись со списком проживающих на территории, он нашел фамилию известного коллекционера раритетных авто советского времени.

15.55 – к шлагбауму подруливает лихая блондинка на «Мустанге». Тоже – никаких позывов проверить у нее пропуск. Значит, своя. Виктор заглянул в список – Потоцкая Э. П. Кокетливо помахав обитателю будки, блондинка удаляет-

ся в сторону заката.

16.13 – Глинский напрягся – белый «Сааб» Мигеля Кортеса, предположительно – земля ему пухом! Охранник вразвалочку покидает будку – документы проверены, Сааб пропущен с вежливым кивком – машина дорогая, очевидно, что новая. По разумению опытного охранника, хозяин – человек небедный, скорее всего, влиятельный. За лобовым стеклом просматривается водитель – это явно Кортес, рядом с ним – Анна Королева – бесстрастная камера оказалась в состоянии передать напряженное выражение ее лица.

18.40 – «Сааб» покинул поселок. Водителя уже не было видно, но Виктор знал – за рулем была Анна Королева, на заднем сиденье истекал кровью Сергей Булгаков и плакала его жена....

Итак, по словам свидетелей – Сергея и Екатерины Булгаковых, Олег Рыков уже находился в подвале дома, когда вся компания приехала расправиться с ним. А биллинг звонков показал, что сообщение от Кортеса Булгаков получил в 14.06. Навряд ли испанец стал бы вызывать Булгаковых, не удостоверившись, что жертва доставлена в нужное место. Самому Кортесу никто не звонил, но кто знает, какой способ связи у него был предусмотрен на экстренный случай? У него вполне мог быть мобильник с неавторизованной сим-картой. Если предположить, что не было никакого резона держать Рыкова в подвале чужого коттеджа лишнее время, то можно сделать вывод – в Серебряный бор Олега Рыкова

могла доставить только одна из этих машин: кореец, «Инфинити», «Мустанг» или «Победа». «Какая тебе нравится больше?» – поинтересовался внутренний голос с ехидцей.

Больше всего ему нравился кореец – он единственный был чужаком. «Победа», «Мустанг» и «Инфинити» принадлежали жителям поселка. Двое из них – коллекционер и директор крупной фирмы обитали там постоянно, блондинка же появлялась наездами, то одна, то с семьей. И так, кореец. В журнале записей Виктор нашел его номер. Но, похоже, на этом его везение исчерпало свой потенциал – номер оказался поддельный...

– Куда же делись трупы?.. – Виктор в задумчивости потер подбородок.

– Я не брал, – поглощенный работой, Виктор не заметил напарника, появившегося в кабинете.

– Я тоже, – пробормотал майор. – Но кто-то же их вывез...

– Определенно, – капитан отчетливо помнил, как они сидели и кофейничали в компании старой дамы, в то время как в Серебряном бору бывшие друзья мочили друг друга. – Ведь Рыкова и Кортеса мы не нашли, разумно предположить, что их оттуда увезли. Не знаю, кому могли понадобиться их трупы, но ведь кто-то их забрал – ведь так? Не вознеслись же они на небеса прямо из коттеджа?..

– Это сейчас шутка была? – пробурчал Виктор, но не признать Женину правоту не мог. – Во сколько мы прибыли на место, не помнишь?

Зимин почесал затылок: – Та-ак, дай – ка сообразить...
Около восьми. Проверь по записи!

– Сейчас... Так, вот и мы...

На экране – их полицейский «Форд» с включенной мигалкой. На счетчике – 20.05.

– Значит, Рыкова и Кортеса вывезли оттуда до восьми...

Итак, что у нас там дальше?..

– Пролистай немного обратно... Ага!

В 19.15 у шлагбаума появился автофургон «Фольксваген» – ярко-оранжевого цвета, с надписью – «Мосгаз» по правому борту.

– «Мосгаз», – пробормотал Виктор. – То, что доктор прописал!

– Что? – переспросил Женя.

– Ну, «Мосгаз», известное было уголовное дело в 60-х годах¹²⁸. Даже сериал неплохой сняли....

– Да, грамотное прикрытие, – согласился Зимин. – Имеет право проезжать на режимную территорию. Во всяком случае, в такой вот поселок – без проблем.

И впрямь, охранник, даже на документы водителя не взглянул – поднял шлагбаум и «Фольксваген» беспрепятственно проехал...

– Осталось посмотреть, когда он выехал, – пробормотал Виктор.

---

¹²⁸ Мосгаз – кличка одного из первых советских серийных убийц, проникавших в квартиры под видом работника Мосгаза (1963-1964 гг.).

– Так смотри! – усмехнулся Зимин.

«Мосгаз», видимо, справился с проблемой весьма быстро – спустя двадцать три минуты вернулся к шлагбауму – и, как только охранник поднял его, стартовал с места, словно участвовал в ралли Париж-Дакар. Над кабиной водителя загорелся желтый проблесковый маячок, и автомобиль стал удаляться с бешеной скоростью... А следом за ним, кстати, свалил и кореец – охранник даже не стал опускать шлагбаум.

– Ага! – произнес Зимин. – Все ясно.

– Что тебе ясно? – пробурчал майор.

– Их вывезли в «Фольксвагене». А на корейце ехал сообщник. Или сообщники.

– Не факт.

– Факт! Пошлем запрос в «Мосгаз»! Сто пудов, никого они в Серебряный бор в тот день не присылали.

Виктор понимал, что капитан, скорее всего, прав. Но признаться себе в этом было непросто. Он позволил себе небрежность – а если уж быть до конца откровенным – преступную халатность – и этот факт будет невозможно оправдать в глазах руководства – да и в собственных глазах в первую очередь.

– Надо попробовать отследить этот фургон – судя по всему, он рванул дальше с недозволенной скоростью. Наверняка засветился на камерах слежения, и скорее всего, никто счета за превышение скорости не заплатил...

Ах, как он ошибался! На номер фургона было выписа-

но три штрафа за превышение скорости, и все три были аккуратно, в срок оплачены. Несмотря на то, что номера на «Фольксвагене» принадлежали совершенно другому транспортному средству.

– «Форд Фокус – 2». Владелец – Мстислав Жилин. Оплатил не моргнув глазом три штрафа по пятьсот рублей за 12 ноября 2012 года.

– Интересно. Давай-ка смотаемся к нему по-быстрому... Мстислав Жилин оказался здоровым мужиком под два метра ростом, с низким, гудящим голосом.

– Почему вы не опротестовали штрафы? – спросил майор, когда Мстислав пригласил их в квартиру и даже налил по рюмке коньяку. Опера отказываться не стали – так располагал к себе этот великан.

– Твою мать! – прогудел Мстислав. – Да пока их опротестуешь – облысеешь! Я как-то пытался бодаться с этими деятелями из ГАИ... или как их там... ГИБДД.... Проще доказать, что ты не израильский шпион...

Глядя на Мстислава, с его чисто славянской внешностью, опера ухмыльнулись его выразительному сравнению.

– Я убил хренову кучу времени на стояния по очередям, поиск справок и документов... Да пропади все пропадом! Пусть подавятся своими штрафами, суки. Мне они и до того приходили. Похоже, кто-то изготовил дубликаты моих номеров. Никому ничего не докажешь, блин...

– Так и платите?

– Так и плачу. Пусть подавятся. Еще не хватало, чтоб меня на границе тормознули. Ну, если в отпуск соберусь. Хотя, какой тут отпуск...

– А кем вы работаете?.. – спросил Зимин на всякий случай.

– Я врач, – ответил Мстислав. – Хирург.

– Ты бы стал вот так оплачивать несправедливые штрафы? – как бы между прочим, поинтересовался майор у напарника, когда они покинули квартиру Жилина.

– Вряд ли, – скривился капитан. – Уж я бы объяснил им, насколько они неправы.

– Вот, вот, – закивал Виктор. – Так что странно все это....

– Ты знаешь, – Зимин, однако, говорил не очень уверенно, – моя сеструха уже который год платит налог за машину, проданную пять лет назад. Лениво ей в налоговую ехать.... Так что люди разные. Кто-то за копейку удавится, а кому-то вот времени жалко тратить на всю эту х-ню...

– И все же, неплохо бы этот фургон найти...

– Где ж его найдешь-то? – вздохнул Зимин.

– А ты постарайся.

И Зимин постарался. Он отправил запросы на все таможенные пункты, через которые могли бы ввезти в Россию фургон данной модели. Послал запрос также и на завод в Калуге. Технический отдел специально для него написал программу отслеживания автомобилей по России, смены их владельцев и номерных знаков. Глядя на напарника, вперивше-

го красные глаза в монитор, рассеянно жуящего бутерброд и запивающего его растворимым кофе, Виктор, собираясь домой, спросил: – Ты когда душ принимал в последний раз? И рубашку менял?

– А? Что? – Женя даже головы не повернул.

– Ясно, – Виктор покопался в карманах куртки Зимина, нашел ключи от его квартиры и сообщил: – Я сейчас заеду к тебе, соберу чистую одежду. Что-нибудь еще привезти?

– Порножурнал, – буркнул Женя. – Отстань, я занят.

– Понятное дело, – вздохнул майор. – Жди, скоро вернусь...

Но как раз в тот момент, когда Виктор пытался найти в бардаке женькиного шкафа чистые носки, раздался телефонный звонок:

– Я его нашел! – торжествующе вопил Зимин. – Ты прикинь – я его нашел! Он на стоянке в Мытищах!

– Скоро приеду, жди. – Виктор кинул взгляд на часы – шесть вечера, в принципе, можно скататься в Мытищи.

...Да, знакомая машина, – диспетчер еле глянула на удостоверение оперов. – Эй, Володька! – крикнула она куда-то вглубь гаража. – Отведи товарищей на стоянку, покажи им «Мосгаз».

– Пока мы будем ходить с Володькой, – заявил Глинский, – подготовьте-ка мне всю документацию по этой машине. И, скорее всего, нам придется ее отогнать к нам для экспертизы.

– Ну, не знаю, – с сомнением проворчала диспетчер. – Не думаю, что директор разрешит.

– С директором мы договоримся, – успокоил ее майор. – Принесем ордер, все как полагается...

С виду автомобиль был именно тот, который засветился на камерах. Опера помялись, повздохали, и Зимин полез в карман за «джентльменским набором» отмычек. Пара минут борьбы с замком и должностными инструкциями – и кабина открыта. Бегло ее осмотрев, опера не нашли ничего, но, когда взломали дверь служебного отсека, озадаченно переглянулись.

– Ты когда-либо видел нечто подобное? – Виктор достал сигареты и похлопал по бокам в поисках зажигалки.

– Не приходилось... Ну и «Мосгаз»...

– Как ты думаешь, на что это похоже?

– На мобильный госпиталь, – брякнул Зимин первое, что пришло в голову.

– Н-да...

Салон фургона был напичкан медицинским оборудованием – не самым современным, но вполне приличным: компактный операционный стол с лампой, наркозный аппарат, ИВЛ¹²⁹, дефибриллятор, электрокоагулятор и еще девайсы, названий которых Виктор не знал. Все казалось идеально чистым, и опера даже постеснялись лезть в салон в грязной уличной обуви.

---

¹²⁹ Аппарат искусственной вентиляции легких.

– Н-да... – протянул майор многозначительно.

– Наш клиент, – пробормотал Зимин. – Нам бы его и вправду на экспертизу отогнать.

– Видишь ли, – возразил майор, – это я так, диспетчерше пообещал ордер и все такое... А кто мне его даст и на основании чего? И потом – вдруг его хозяева явятся? Не хотелось бы спугнуть.

– А ты что, здесь пост собираешься оставить? – удивился Зимин. – Или сам будешь в засаде? На меня не смотри, я – пас.

– Нет, смысла нет... – Виктор полистал документы, принесенные диспетчером. – По документам, этот автомобиль принадлежит Фонду помощи жертвам насилия. Неудивительно, что он так оборудован. Фонд регулярно вносит арендную плату за стоянку. В последний раз им пользовались пару недель назад...

– А в интересующее нас время? – с нетерпением спросил капитан. – 12 ноября 2012 года.

– Сейчас.... Да, в 18.51 машина выехала со стоянки и вернулась около полуночи.

– Смотри, что получается. Королева покинула поселок в 18.40, а мобильную операцию дернули в 18.51. Вернее, надо было ж еще позвонить, организовать, и тэдэ и тэпэ... Полагаю, Гаврилов ее и вызвал.

– Надо бы экспертов сюда, – решил Виктор. – Попрошу Мишаню приехать. Пусть соскобы возьмет хотя бы.

– На вид тут стерильно, точно...

– Точно в операционной, – хмыкнул Виктор. – Но Мишаня знает, где искать.

Миша Шенберг действительно знал, где искать – в сочленении частей тонкой аппаратуры, под прикрученной к полу ножкой операционного стола, на тумблере одного из переключателей системы ИВЛ. Спустя несколько часов он дал заключение – обнаружены следы крови трех человек, один из них – Олег Львович Рыков. Двоих идентифицировать не удалось. ДНК Мигеля Кортеса в фургоне не оказалось – а, следовательно, его там и не было.

– Дорогая, вы твердо уверены, что не следует обратиться в полицию? – Франсуа привез Анну на улицу Жирардон, и теперь она пыталась приготовить кофе на кухне, но у нее ничего не получалось, она роняла фильтры для кофемашины, чайные ложечки, рассыпала сахар... Но когда из ее дрожащих рук вылетела фарфоровая чашка и разлетелась на мелкие осколки, Альба подошел к ней и, обняв обеими руками, прижал к себе:

– Милая моя, успокойтесь, ради бога. Я подключу свою службу охраны.

– Нет, не надо, – взмолилась она, но от рук его не освободилась, а прижалась лицом к его груди. – Я боюсь навредить девочке. Она – единственное, что осталось от Антона, – и, произнеся это имя, она не выдержала и разрыдалась: – Я не

прошу себе, если стану причиной ее смерти – как стала причиной смерти ее отца...

– Анна, прошу вас... – он коснулся губами ее макушки. – Ответьте мне на вопрос.

– Вы хотите спросить, люблю ли я его?..

– Нет. Я вижу, что любите.

– Вы так спокойно об этом говорите? – тихо спросила она.

– А что толку возмущаться? Что от этого изменится?.. Я хотел спросить не об этом. Ваш страх как-то связан с работой в Фонде?

– В Фонде?.. Вы говорите о Фонде Моник Гризар? О нет!

– Тогда я уточню. Только не пугайтесь.

– Я уже испугалась, – всхлипнула Анна. – Франсуа, вы меня пугаете.

– И все же я спрошу. Ваш страх связан с предложением, которое вы получили от мадам Перейра не так давно?

– Что?! – Анна была поражена. – О чем вы говорите?

– Я говорю о Палладе. Что ты замерла? – Альба впервые перешел на «ты». – Не бойся. У меня давние отношения с организацией Моник. И мадам Перейра советовалась со мной, прежде чем предложить тебе должность командора.

– Не верю своим ушам, – выдохнула Анна изумленно. – Вы... ты и Паллада?

– Почему ты так удивлена? Бофоры и Альба в давнем родстве, еще с конца семнадцатого века. Пейнета, с которой ты танцуешь Китри, была подарена моим предком его невесте –

Катрин де Бофор. Ты не знала?

– Нет, – Анна отстранилась. – То есть, ты – один из рыцарей?

– О нет! – Франсуа рассмеялся. – Это мне не по рангу. Я никогда не работал в поле. Как, впрочем, и ты.

– Так кто же ты?

– Я – маршал.

– Кто?! – сказать, что Анна была потрясена, значит было не сказать ничего.

– Ты не знаешь, кто такой маршал? Это...

– Я знаю, кто такой маршал! Это высший военный чин. Но Паллада не военная организация.

– К сожалению, иногда нам приходится воевать и тем тяжелей эта война, что она тайная.

– Я не понимаю... – она приложила ладонь ко лбу.

– Ты расстроилась...

– Расстроилась?! Я...

– Ты расстроилась, – повторил Франсуа и поднес к губам ее руку. – Лучше я сварю кофе. Я умею варить отличный кофе. Нам не стоит продолжать этот разговор.

– Еще как стоит! Пожалуйста, не скрывай от меня ничего! – умоляюще воскликнула Анна. – Так что ты говорил о тайной войне?

– Она продолжается уже много лет. Тони – не первая жертва.

– Жертва! – воскликнула Анна в отчаянии. – Значит, ты

уверен, что нам ее не спасти.

– Я надеюсь на лучшее. Если от тебя ждут отказа, то, видимо, планируют сохранить ей жизнь. Иначе, где гарантия, что ты оставишь свой отказ в силе?

– Франсуа, я в безвыходном положении.

– Безвыходных положений не бывает – это одна из непреложных истин Паллады. Порой приходится принимать крайне неприятные решения. Как на любой войне.

– Значит, все же война? Только этого не хватало! – Анна встревоженно сжала руки. – Но чем ты занимаешься в Палладе в мирное время?

– Ты в курсе, что у слова «маршал» есть еще значения? Например, в США так называют шерифа, надзирающего за законностью деятельности судов и за исполнением приговоров. Это мои функции в мирное время. И именно по этой причине я живу в Париже более десяти лет.

– То есть ты – маршал уже десять лет?

– Двенадцать, если быть точным.

– И кому ты подчиняешься?

– Никому. Я над организацией. Даже Магистр мне не указ.

– А ты можешь приказать Магистру?

– Теоретически могу. Если сочту его действия неправомерными, не соответствующими Уставу. Но за весь срок моего маршальства такое случилось лишь однажды.

– Когда?

– Два года назад, – Альба сделал паузу, а затем продолжил

довольно сурово:

– Когда один из командоров воспользовался рыцарями Ордена в личных целях.

Анна ощутила, как ее мгновенно прошиб пот. Она не могла отвести взгляд от спокойного лица Франсуа. Наконец он смягчил тон: – Что же ты молчишь? Не спрашиваешь, кто был тем командором?

– Я знаю, – отважно заявила Анна. – Это была мадам Перейра. Она просила за меня мадам Гризар. Значит, ты все обо мне знал.

– Не все, – Альба покачал головой. – Но, конечно, я следил за тем, что ты делаешь. Когда я выразил Моник недовольство, она нашла аргументы, которые меня почти убедили.

– Почти?..

– Почти, – Франсуа невозмутимо варил кофе, ничуть не смущаясь шоком Анны. – У тебя найдется бренди?

– Только коньяк. Жики пьет его как снотворное.

– Я приготовлю для тебя кофе «Карахильо». По традиции его готовят с бренди или орухо...

Анна тем временем достала бутылку из кухонного бара. – Но и мартель сойдет, – улыбнулся он. – Дай-ка мне два стеклянных стакана.

Он налил в стаканы коньяк – ровно до половины, и долил их горячим крепким ристретто. – Вот так! – удовлетворенно заключил он и протянул стакан Анне: – Попробуй!

Анна сделала нерешительный глоток и мгновенно из ее

глаз брызнули слезы:

– О господи, Пако! Как это пить?!

– Не торопясь, за душевной беседой, – улыбнулся он.

– Нашу беседу можно назвать душевной с большой натяжкой, – она все еще не могла отдышаться.

– Почему? Мне казалось, мое общество тебе, по крайней мере, приятно.

– Общество – да! А вот тема нашего разговора тревожит меня все сильнее с каждой минутой.

– Понимаю, – Франсуа, прислонившись спиной к холодильнику, прихлебывал маленькими глотками свой дьявольский напиток. – Насколько мне известно, московская полиция возобновила то дело... по вновь открывшимся обстоятельствам.

Анна вздрогнула. Да что же, в самом деле, это такое! Есть ли вообще в ее окружении человек, для которого ее жизнь не открытая книга?

– Франсуа, – медленно начала она. – Мне все это не нравится.

– Мне тоже. Некоторое время назад в Москве пропал один из палладинов. Теперь стало известно, что он погиб. Ты его знала?

– Да. Саша Гаврилов. Он помогал мне... решить проблему.

– Неудачно, насколько я знаю. А теперь он мертв. И его жена тоже.

Губы Анны вновь задрожали: – Бедные. Бедные... Кто мог их убить? У тебя есть подозрения?

Альба кивнул.

– Ты мне не скажешь?

– Нет. Не уверен, что у тебя есть доступ к информации подобного уровня. Сначала я должен обсудить это с мадам Перейра.

– Понимаю.

– Не поговорить ли нам на более приятную тему? – предложил Альба.

– Например?

– Давай поговорим о нас.

– А есть такое понятие – мы? – Анна улыбнулась.

– А разве нет?..

Анна помолчала. С момента их странного объяснения в ресторане на Пуэрта-дель-Соль прошло всего-то часа четыре. Тревожные мысли о Тони занимали ее беспрестанно, но через черный их строй просачивалась еще одна, не дававшая ей покоя, как заноза, застрявшая в пальце. Эта мысль была вызвана случайной обмолвкой Франсуа. Но спрашивать она стеснялась.

– Смелее, Анна, – подбодрил ее Франсуа. – Я же вижу, тебя что-то беспокоит.

– Не то чтобы... Просто в Мадриде вы...

– Мы перешли на ты. Я огорошил тебя моим предложением?

– Само собой. Но одна фраза, которая сорвалась у вас... у тебя, меня беспокоит.

– Какая именно?

– О пережитых нами обоими разочарованиях.

– Да, я помню. Ты хотела спросить обо мне?

Анна молчала. Она боялась показаться бестактной и навязчивой. Хотя, собственно, если Франсуа с такой легкостью обсуждает ее, Анны, проблемы, почему она смущается из-за своего вполне резонного любопытства?

– Я хотела спросить, что ты имел в виду, – наконец выдавила она. – Но ты можешь не отвечать.

– Да, не самая приятная тема, – нахмурился он. – Но твой интерес вполне уместен. Несколько лет назад, когда я был еще женат, у меня была связь с замужней женщиной, которая очень скверно закончилась.

– Что значит – скверно?

– Муж той дамы покончил с собой. Повесился.

– О Господи! – охнула Анна.

– Я считаю – и у меня есть на то веские основания, что он узнал об измене жены. Я постарался расстаться с ней – максимально мягко и безболезненно – так мне, во всяком случае, казалось.

– Не понимаю. Ты расстался с ней, потому что ее муж узнал о вашей связи?

– Нет. На то была другая причина. Но, к сожалению, человека уже не вернешь. А он был хороший парень.

– Когда это случилось?

– Не волнуйся. К тому моменту, как я познакомился с тобой, наши отношения с ней практически сошли на нет.

– Это ты так считаешь? – Анна подивилась про себя мужской наивности – или им просто удобно считать, что они ни в чем не виноваты?

– Ты ее любил?

Вопрос вылетел у нее непроизвольно, и Анна испугалась. Что бы она хотела услышать? «Да, любил» – и задаться вопросом, не продолжается ли его любовь к той женщине до сих пор? «Нет, не любил» – и поразиться цинизму хладнокровной супружеской измены. Хотя, какое право она, Анна, имеет его судить – она сама ничуть не лучше. Однако Франсуа молчал.

– А твоя жена не узнала?

– Не думаю, мы жили раздельно к тому времени.

– Так ты любил ту, другую?

– Я не знаю, – услышала она в ответ. – Она необыкновенно хороша собой, чрезвычайно умна и целеустремлена. Но при этом расчетлива и бессердечна. О погибшем муже, насколько я знаю, она не пролила ни слезинки.

– Это ничего не значит, – покачала головой Анна. – Она могла оплакивать его, не вынося скорбь на всеобщее обозрение.

– Изабель – не тот случай, – отрезал Альба и тут же опом-

нился: – Сагајо!¹³⁰ Анна, забудь, что я сейчас сказал.

– Изабель? – повторила она. – Ты говоришь о крестнице Жики?

– Еще раз, – повысил голос Франсуа, – забудь. С этой женщиной шутки плохи.

– Ты серьезно? – удивилась Анна. – Мне она кажется такой милой.

– Изабель выросла в среде, насквозь пропитанной жестокостью. Ее бабушка, покойная Моник Гризар, была одним из самых безжалостных магистров в истории Паллады. Изабель с юности приучали к мысли, что ее ждет Орден, а когда она вышла замуж за графа де Бофор, а он принадлежит к роду основателей Ордена, ни у кого не осталось сомнений в ее будущем. И вот она исполняет обязанности Магистра. Думаю, она переплюнет бабку в жестокости свершения возмездия. У меня нет повода подозревать ее в мстительности, но, Анна, будь с ней крайне осторожна.

– Какие у вас сейчас отношения?

– Холодные и ровные, – Франсуа старался верить в то, что говорил. Именно так – холодные и ровные. В конце концов, Изабель из благородной семьи и для многих в обществе является эталоном воспитания и хороших манер.

– Сим-карту, разумеется, вытащили. – Десмонд не отрывал глаз от экрана лэптопа, – зато IMEI зафиксирован вот

---

¹³⁰ Черт поberi! (исп, руг).

здесь, – Он ткнул пальцем в карту города. – Что здесь у нас?..

Жики подошла сзади и склонилась к его плечу: – Леваллуа-Перре¹³¹ в округе Нантер, жилой район. Можешь точнее определить местонахождение?

– С точностью до метра. Вот. Улица Эрнест Коньяк, дом 5.

– А еще точнее?

– Мусорный бак во дворе. Как быстро вы сможете туда добраться?

– Четверть часа, – Жики уже искала номер в записной книжке телефона. Она отдала приказ. – Теперь подождем. Вы можете сделать что-нибудь еще?

– Мадам, не тревожьтесь понапрасну. Полагаю, ваши люди найдут там только телефон.

– Твои слова да богу в уши, – пробормотала тангера.

Бриджит бросила греметь посудой на кухне и опустилась рядом с Десмондом.

– А что находится здесь?.. – ткнула она пальцем в экран ноутбука.

– Где?

– Вот здесь. Видишь, здесь значок какой-то. Поближе, еще немного. Да, вот так!

– Это школа. Прямо в соседнем доме.

Жики заинтересовалась: – Ну-ка, ну-ка, о чем это вы там?

– Смотрите, мадам, рядом с домом, где мусорный бак –

---

¹³¹ Levallois-Perret – город и коммуна во французском департаменте О-де Сен округ Нантер административный центр двух кантонов.

школа. Надо бы ее проверить.

– Это ближайшее нежилое помещение. Там всегда найдется какой-нибудь подвал. Вдобавок – сейчас лето и наверняка там никого нет.

– Проверим, – старая дама подперла рукой подбородок. – Можешь найти план этой школы?

– Да без проблем! – несколько аккордов на клавиатуре. – Voilà!

– Прекрасно. Сбрось-ка мне на телефон. Занятий в школе нет, вряд ли мы кого-то побеспокоим. Итак, подождем.

Через пять минут отзвонился агент с сообщением о найденном в мусорном баке телефоне, а еще спустя полчаса – руководитель команды, обыскивавшей школу: Тони они не нашли, зато обнаружили в подвале новый тюфяк, детское одеяло и остатки еды. Все тщательно упаковали и увезли в лабораторию.

– Куда? – удивился Десмонд.

– В лабораторию, – без малейшего смущения пояснила Жики. – Чему вы удивляетесь? У нас самые современные криминалистические лаборатории. Когда-нибудь у вас будет шанс их оценить. Сейчас лаборанты попробуют выделить ДНК с посуды, и мы установим, Тони ли держали в подвале. Если это была она, не поздоровится тому, кто посадил ребенка в это темное и сырое помещение! Камеры наблюдения поблизости есть?

– Школа ими напичкана и некоторые даже работают. Сей-

час взломаю.

Не прошло и минуты как он позвал: – Мадам, смотрите! Вы знаете, кто это?

На экране она увидела запись с камер видеонаблюдения, а в углу мелькал счетчик секунд. За несколько минут до приезда в школу команды палладинов, в коридоре первого этажа появились трое мужчин в трикотажных масках – один из них – повыше и покрепче – прижимал к себе девочку, которая то ли спала, то ли была без сознания.

– Вы узнаете этих людей, мадам?

Жики покачала головой. – Как их узнаешь, они же в масках...

– Ну, мадам, что-то все же можно сказать об их внешности. – Десмонд остановил изображение. – Тот, который несет девочку – выше среднего роста, темнокожий. Посмотрите, между перчатками и рукавом свитера – видно. Африканец или араб, но явно не европеец. Крепкого телосложения, размер ноги... примерно сорок четыре. Думаю, бывший спортсмен.

– Почему бывший?

– Наметился пивной живот.

– Остальные?

– Второй помельче, явно на подхвате. По повадкам – мелкая уголовная шпана.

– Кошмар, – ужаснулась Жики. – Страшно представить, что угрожает ребенку!

– Про третьего ничего не скажу, но думаю, он – водила.

– С чего вы взяли?

– Это же элементарно, мадам. Посмотрите, он вертит ключи в руке. Сейчас попробую приблизить... Вот – брелок от «Тойоты». Из-под маски видна борода. Ну так что? Вам они знакомы?

– Упаси бог! – поджала губы тангера. – Как я могу судить по клочку бороды, цвету кожи и дурным манерам?

– Жаль.

Десмонд снова включил запись школьного видеонаблюдения. Похитители вынесли девочку из ворот школы, запихнули ее в темный фургон, припаркованный напротив, и уехали.

– Их можно проследить по камерам?

– Попробую... – некоторое время Десмонд стучал пальцами по клавиатуре, но потом с сожалением сказал:

– Они сменили машину в слепой зоне между двумя камерами. Если послать ваших людей примерно вот сюда, – он ткнул в экран ноутбука, – и поручить им прочесать окрестности, наверняка они найдут фургон – скорее всего, угнанный. Отдайте приказ, мадам. В фургоне непременно остались следы. Притяните свою хваленую лабораторию. Но девочку я потерял. Мне жаль.

– Мне надо сделать звонок, – тангера поднялась с дивана и направилась из квартиры. Она собиралась позвонить Анне, и ей не хотелось, чтобы этот невозможный человек стал свидетелем ее разговора. Десмонд проводил ее насмешливым

ВЗГЛЯДОМ.

– Интересно, а кто из них главнее – Изабель или старая ворона? – как бы невзначай поинтересовалась Бриджит, как только за тангерой закрылась дверь.

– Можешь задать вопрос старой вороне, – хмуро посоветовал Десмонд. – Она быстренько сотрет тебя в порошок вместе с твоими рыжими кудряшками.

– Так она главнее Изабель? – не унималась ирландка.

– Что-то мне подсказывает – они не шибко ладят, – проворчал он и снова уткнулся в монитор.

– А зачем тебе второй лэптоп? – не отставала Бриджит. Наконец-то американец снизошел до того, чтобы отвечать на ее вопросы. Она не преминула этим воспользоваться.

Десмонд, не отрываясь от монитора, пробубнил: – Главным образом для защиты.

– Как это?

– Если кто-то решит меня отследить – натолкнется на непробиваемую стену.

– А кто может захотеть отследить тебя?

– Думаю, кое-кто мог бы заинтересоваться хакером, ногтем взламывающим полицейские сайты, а также базы данных разведслужб.

– А зачем ты их взламываешь? Для дела?

– Для развлечения. Дабы не терять сноровки, – он раздраженно оторвался от экрана. – И отвали, наконец! Кстати, я дождусь сегодня свой сэндвич?

– Я тебе не кухарка! – возмутилась Бриджит. – Что ты за свинья такая! Только начнешь по-человечески разговаривать – и сразу в кусты!

Десмонд потер уставшие глаза. – Черт! Мне нужны очки. Совсем ничего не вижу.

– Попроси у старой ведьмы, – сухо посоветовала Бриджит. Как ни странно, он решил последовать ее совету и, когда недовольная Жики вернулась в комнату, заявил:

– Мне нужны очки. У меня болят глаза.

– Вы знаете ваши диоптрии и фокусное расстояние?

– Разумеется.

– Тогда закажите. Контактные линзы будете носить?

– Да, – поколебавшись, ответил Десмонд.

– Купите. Для полевой работы они вам понадобятся. Больше никакой новой информации?

– Мне до сих пор не привезли телефон девочки.

– Терпения – вот чего вам не хватает.

– Я могу поговорить с Анной Королевой? – внезапно спросил Десмонд.

Жики даже отшатнулась: – Разумеется, нет! Даже не рассчитывайте!

– Нет так нет, – легко согласился он, но в светлых глазах мелькнуло нечто похожее на разочарование.

– Есть новости?.. – его вопрос прозвучал как бы между прочим.

– Лизе опять прислали смс.

– Чего они хотят?

– Ничего. Приказывают передать Анне, что Тони останется у них, пока она не откажется и что-то не вернет. При этом снова не говорят, от чего она должна отказаться и что должна вернуть. А также требуют прекратить искать девочку.

– И что вы решили?

– Я в этой ситуации ничего не решаю. Анна запретила предпринимать, что бы то ни было. Она откажется от чего угодно, лишь бы сохранить Тони жизнь.

– И что она собирается делать?

– Ничего, я же сказала. Но я категорически с ней...

– Мадам, мне нужно срочно в душ.

– Что?! – Жики ожидала чего угодно – возмущения, уговоров, протестов... Но такого... Десмонд тем временем вскочил с дивана, и направился вон из комнаты, сделав, однако, еле уловимое движение светлыми бровями. Пораженной тангере ничего не оставалось, как последовать за ним.

– Что происходит?.. – начала Жики, а он приложил палец к губам.

– Идите за мной, – очень тихо уронил он и пошел по коридору. В самом конце оказалась крашенная белой масляной краской дверь и табличка на ней «la salle de douche»¹³². Он дернул дверь на себя – душевая оказалась свободна.

– Вы что, здесь моетесь? – в шоке проскрипела старая дама.

---

¹³² Умывальня, душевая комната (фр).

– А у нас есть выбор? – Десмонд включил воду, и из про-
ржавевшего душа хлынула вода. Она с грохотом ударялась
об алюминиевый поддон, создавая гулкое эхо.

– Вот так, – Он придвинул к душевой кабине хлипкий на
вид табурет. – Присядьте, мадам.

– Пожалуй, я закурю, – Жики достала из сумки пачку си-
гарет и зажигалку.

– Никто не будет возражать, – он открыл замазанное мас-
ляной краской окно, и Жики увидела лоскут яркого синего
неба.

– Зачем ты меня сюда привел? – она впервые обратилась
к нему на «ты». Он усмехнулся:

– А вы не догадываетесь?

– Полагаешь, нас прослушивают?

– Не сомневаюсь. Ведь каким-то образом они узнали, что
вы ищете девочку и направляетесь в... как там эта дыра на-
зывается?

– Леваллуа-Перре...

– Вот-вот.

Жики щелкнула золотой зажигалкой и глубоко затяну-
лась: – Газировка в стаканчике не успела выдохнуться. А
гамбургер был еще теплым.

– Кто знает, что вы обратились ко мне?

– Только мои люди. Но они заслуживают абсолютного до-
верия.

– Мадам, разрешите мне встретиться с Анной.

– Если ты еще раз поднимешь этот вопрос, то я...

– Хорошо, не буду. Но неужели вы согласитесь оставить все как есть? Кто-то манипулирует вами. И Анной.

– И тобой. А ты этого не любишь.

– Не люблю, – согласился Десмонд.

Внезапно тангера схватила мужчину за подбородок сухими и чрезвычайно цепкими пальцами, и заглянула ему в глаза.

– На что ты рассчитываешь? – прищурилась она.

Он резко высвободился:

– А я могу на что-то рассчитывать? Вы взяли с меня клятву верности вашей... м-м... скажем так, некоммерческой организации на весьма жестких условиях. Но все это неважно. Сейчас главное – найти Тони.

– Сейчас главное – чтобы ребенку не причинили вред, – отчеканила Жики. – И если у тебя нет конструктивных идей, то лучшее – не предпринимать ничего.

– Мы можем дезинформировать похитителей. Сделаем вид, что перестали искать девочку.

– Как?

– Мадам, это просто. Если нас слушают...

– Что значит если? Ты не уверен?

– Я не уверен, как конкретно. Комнату я регулярно проверяю и удаляю жучки и микрокамеры. Они же с завидной регулярностью появляются вновь. Вы в курсе?

Жики поджала губы: – Да, это моя прослушка.

– Последний раз я почистил мансарду позавчера. Ваши люди успели поставить новую?

– Насколько я знаю, нет. Мы вообще подумывали о том, чтобы перестать тратить деньги попусту. Твои чистки уже влетели нам в три сотни евро.

– Разумная экономия, – улыбнулся американец. – Итак, в комнате прослушки быть не может, так как ни я, ни О’Нил с момента последней чистки ее не покидали. Значит, у вас завелся крот, мадам.

– Этого не может быть. Мои люди безукоризненно честны.

– Мадам, но факты так очевидны, с ними не поспоришь. Как только вы приказали осмотреть школу, девочку оттуда увезли. Словом, вы должны отдать приказ – так, чтобы его слышали все – о прекращении поисков.

– А на самом деле?

– Мы продолжим искать.

– Это очень опасно. Если похитители узнают...

– Какова гарантия, мадам, что ее оставят в живых?

Жики молчала. Гарантия? Да какая может быть гарантия – люди, похитившие дитя – безжалостные, подлые твари.

– Видите, вы не уверены.

– Хорошо, молодой человек. Что, по-вашему, мы можем еще сделать?.. И что нам сказать родителям?

... – Я тебя предупреждал! Я же тебя предупреждал! – Шарль Эвра раскачивался из стороны в сторону, обхватив

голову руками. – Нельзя было рассказывать о Тони русским! Они все сумасшедшие!

– Замолчи! Ты забыл, что я сама русская? Что Тони русская? – возмутилась Лиза.

– Эта подозрительная танцовка! – Шарль, воспитанный и выдержанный буржуа, настоящий *un natif de Rive Droite*¹³³, казалось, не отдавал себе отчета в том, что говорил. – Как можно было с ней встречаться, да еще знакомить с ней малышку!

– Анна Королева – гордость русского балета. Она порядочный и честный человек! – от боли в груди Лизе было трудно произносить слова. Но от обвинений мужа ей становилось совсем тошно.

Шарль смотрел на жену глазами, полными горя: – Ты не мать.

– Заткнись! – закричала Лиза и разрыдалась.

– Я звоню в полицию, – сухо заявил мсье Эвра, поднимаясь и доставая телефон. – Тебе меня не остановить.

– Звони! Только если из-за твоего звонка с Тони что-то случится – я тебя убью, – гневно отчеканила Лиза.

– *Merde!* – Шарль в ярости грохнул кулаком по столу – бокал с остатками виски подпрыгнул будто мячик, и полетел на пол. Однако не разбился, а покатился под стол. Эвра вновь

---

¹³³ Уроженец Правого берега. Правый берег, Левый берег – традиционное деление Парижа. Правый берег – место жительства, в основном, богатой буржуазии.

устало опустил в кресло и обхватил голову: – Тони, Тони...

Телефон Лизы зазвонил, и от этого звука подскочили они оба.

– Да! Да, это я... Шарль! – крикнула Лиза.

– Дай мне! – он вырвал из ее руки трубку и зарычал в нее.

– Если вы уроды, сделаете что-то с моей дочерью...

– Это не ваша дочь, – услышал он ровный и спокойный голос.

– Это моя дочь! Если вы причините ей вред...

– Это не ваша дочь. Но то, что вы так любите ее, делает вам честь. Никто не причинит ей вреда, если вы проявите благоразумие. Вы собрались звонить в полицию? Не стоит.

– Верните Тони!

– Вернем, но не сейчас. Если мадам Королева...

– Мы не имеем никакого отношения к этой женщине! – рявкнул мсье Эвра.

– Если мадам Королева выполнит наши условия, то с девочкой все будет хорошо. С ней и так пока все хорошо. Она даже не плачет.

– Но мадам Королева понятия не имеет, о чем идет речь! Она не понимает, что вы от нее хотите! Что она должна вернуть?

– То, что ей не принадлежит.

– И что это?

– Вы хотите, чтобы мы упростили этой женщине задачу?

Нет. Она должна понять. Главное, чтобы не было слишком

поздно.

– Дай мне трубку! – Лиза решительно забрала телефон у мужа. – Послушайте, у Тони аллергия на мед и пыльцу. Ради бога, не давайте ей ничего подобного.

– Будьте уверены. Ничего, даже отдаленно напоминающего мед, не будет в радиусе ста метров от нее.

– Когда вы ее вернете?..

– В свое время. Пока она побудет у нас в гостях. И передайте мадам Королевой, чтобы она поспешила с решением.

...Как любил Виктор возвращаться домой! Максим, раскинув руки и с криком «Папа пришел!» летел к нему, и Виктор подбрасывал его к потолку, а в это время Александра выходила из кухни, вытирая руки полотенцем. «Раздевайся», – говорила она, подставляя ему губы для поцелуя. Потом укоризненно говорила: «Фу, опять накурился! Иди зубы почисть, руки помой и за стол!» Это уже стало своего рода ритуалом, и Виктор раздевался, чистил зубы, садился за стол – этим он словно смывал с себя всю грязь и боль тяжелой работы, которую он про себя никак кроме как «галеры» не называл. Но он не променял бы эту каторгу ни на что на свете – он родился ищейкой – пока преступление не было раскрыто, он чувствовал зуд где-то глубоко в подреберье, рядом с селезенкой, и унять этот зуд можно было только одним способом – поймать убийцу и упрятать его за решетку. Но переступая порог дома, где его ждали Аликс и Макс, он ре-

шитительно выставлял непробиваемый щит между собственной сутью и семьей. И сейчас, обнимая Макса, он категорически запрещал себе думать о трупах, краденых автомобильных номерах, а главное – об Олеге Рыкове, вновь роковым образом от него ускользнувшего. Главное, чтобы Аликс ничего не заподозрила – на этот раз он постарался, чтобы она считала бывшего возлюбленного мертвым и навсегда покончила со смехотворными угрызениями совести и невнятной грустью, которая охватывала ее при воспоминании о Рыкове. Честность честностью, но он, майор Глинский, не наступит вновь на эти смертоносные грабли – Олег Рыков мертв – и точка! Аликс его жена и в ее мыслях не должно быть места другому мужчине – он этого не допустит никогда. Виктор обрадовался, когда после свадьбы она объявила, что хочет полностью посвятить себя семье – больше никаких репетиций допоздна, никаких актерских тусовок – она и раньше ими не злоупотребляла, но теперь отказалась от профессии полностью – достаточно, по его мнению, безболезненно. И он был готов умереть ради нее, ради ее любви и любви Макса – а теперь его счастье приобрело и вовсе фантастические размеры – Аликс ждала ребенка. Он гладил ее округлившийся животик и повторял себе «Она моя, она *меня* любит, меня – а не его». И это делало его бесконечно счастливым.

– Ты какой-то странный сегодня, – заметила Аликс.

Он с аппетитом поглощал рассольник – отличный, надо сказать. Макс расположился у него на коленях, мусоля гор-

бушку от батона. – Что? – отозвался Виктор. – Вовсе я не странный. Всего лишь устал.

– Конечно, устал, – Аликс запахнула на груди шаль. – Но ты меня просто не слышишь. Значит, что-то не так.

– Что это я не услышал? – Глинский отправил в рот последнюю ложку супа.

– Звонила твоя бабушка. Она приглашает нас в воскресенье на сациви.

О-о! С сациви Медеи Лежава не могло сравниться ни одно блюдо мира! Виктор сглотнул слюну: – Ориентировочно едим сациви. Но ты ж понимаешь...

– Понимаю, – вздохнула Аликс. – В случае, если кого-то убьют, сациви придется есть без тебя. Кстати, у тебя телефон!

«У тебя телефон» означало не наличие у Виктора телефона, как предмета первой необходимости, а то, что до острого слуха Аликс донеслась настойчивая его вибрация. Она укоризненно покачала головой и встала, чтобы убрать пустую тарелку и поставить перед ним другую – с отбивной и зеленой фасолью. Но он уже говорил с Зиминим.

– Значица так! – Женя явно копировал Жеглова. – Ай-тишники наши наконец взломали гавриловский комп. Ты не поверишь!

Майор зажал телефон между плечом и ухом и, принимаясь за второе, буркнул: – Ну?

– Во-первых, нашли файл с полным досье на Олега Рыко-

ва. Как тебе?

– Супер. Но почему я не удивлен? – кисло откликнулся Виктор.

– Не удивлен... Ладно, – Женя, казалось, даже не был раздосадован. Он просто продолжил: – И еще с пару десятков файлов.

– И?.. Что за файлы?

– Всяки по Москве и Московской области. А еще...

– Что еще, черт тебя подери?..

– Помнишь дело, которое нам прислали из Скотланд-Ярда? Двух русских парней изнасиловали бейсбольной битой. Один из них умер, другой остался инвалидом – без калопримника теперь никуда.

– Была такая жесть, – пробормотал Виктор. – Кажется, за год до того в Москве они проходили по делу об изнасиловании как подозреваемые. Оправдали за недоказанностью.¹³⁴

– Ага! Так вот, полное досье на них. И это досье было отправлено на некий электронный адрес. Пробить пытались, да не удалось – заблудились где-то на Сейшельских островах. Маскируются ребята профессионально.

– Еще что-нибудь?

– Да. Досье на Комарова Сергея, которого обвиняли в смерти двоих в результате ДТП – он сбил девушку и парня. Его лишили водительских прав на полгода, а спустя несколько месяцев он погиб около собственной машины, припар-

---

¹³⁴ См. второй роман серии «Хроника смертельной осени»

кованной на Кутузовском проспекте – его сбили при очень сходных обстоятельствах, что и он тех двоих.¹³⁵ И вот таких дел штук двадцать.

– И?..

– По-моему, все предельно ясно – Гаврилов собирал досье на тех, кому удалось уйти от ответственности по какой-либо причине – либо по преступной халатности, либо по сговору, либо благодаря взятке.

– Ты сбрендил, парень, – пробурчал Виктор. – Ты хоть понимаешь, что такое был этот Саша Гаврилов? Интеллигентный мальчик, из семьи музыкантов.

– И что? – удивился Женя. – Одно другому не помеха. Если он решил взять на себя миссию мстителя...

– Бред, – отрубил Виктор. – Значит так. Или найди доказательства его причастности, или...

– Или не компостируй мне мозги, – заключил капитан. – Я правильно тебя понял?

– Абсолютно, – резюмировал майор. – Будь здоров.

– Эй, эй, подожди! – заторопился Зимин. – Это еще не все.

– Что еще? – раздраженно поинтересовался майор.

– Я съездил в жене Иосаяна, того самого, которого мы за Кортеса приняли. Она рассказала, что муж ходил рыбачить на заводь реки, всего в сотне метров от дома. А дом их находится как раз на полдороге от коттеджа Рыковых к реке. Я попросил ее сводить меня к месту, где обычно рыбачил ее

---

¹³⁵ См. второй роман серии «Хроника смертельной осени»

муж. Там небольшая пристань с деревянными мостками. И вот я подумал...

– Дай-ка угадаю, что ты подумал. Кортеса вывезли по воде. Иосаян стал свидетелем. Его убили, а поскольку он внешне очень похож на Кортеса, этим воспользовались – собственно, а почему бы и не воспользоваться – и подменили труп Кортеса на труп Иосаяна.

– Примерно так. Только один логический косяк во всем этом умозаключении, – перебил его капитан. – Какого черта вывозить один труп и подкидывать другой?

– А это значит... это значит....

– Что, скорее всего, Кортес жив. А кто-то очень не хотел, чтобы об этом узнали.

– Вот только не знаю, хорошая это новость или плохая, – пробормотал Виктор. – А теперь – дай мне побыть с семьей. И не беспокой меня до завтра – если только мне не дадут полковника или ты не поймаешь... сам знаешь кого...

– Вы, мистер Поттер, крайне убедительны, – фыркнул Зимин. – Полагаю, ты о Рыкове?

– Именно, – заключил Глинский.

Аликс покосилась на него с насмешливой улыбкой:

– Что там Женя нашел?

– Следы Атлантиды, – проворчал майор. – Да только мне пофиг. Я домой пришел.

– Свежо предание...

И, словно подтверждая ее иронию, телефон вновь заур-

чал, точно кот, которому не хватает ласки. Даже не глянув на экран, Виктор с досадой рявкнул: – Ну, чего тебе еще?..

– Я не вовремя? – услышал он голос отца. – Занят?

– Прости, устал просто.

– Неужели устал? – усмехнулся Лежава. – Досадно. Ну-ка, расскажи-ка мне вкратце, что там с файлами на компе этого замурованного?

Виктор скосил глаза в сторону Аликс, которая складывала тарелки в посудомойку. Макс топтался рядом с матерью, старательно помогая – время от времени он ронял что-нибудь на пол – наконец одна из тарелок разлетелась вдребезги. – Бабах! – обрадовался он.

– Еще один бабах, и мы останемся без посуды, – вздохнула Аликс.

Кавардак пришелся кстати. Виктор с чистой совестью поднялся, сделав страшные глаза жене, и, демонстративно зажав свободное от телефона ухо, отправился в комнату. Но до комнаты не дошел, а свернул в ванную, плотно прикрыл за собой дверь и включил воду.

– Замаскировался? – услышал он голос отца. – Теперь докладывай.

Виктор доложил – и о досье на Рыкова, и о других подозрительных досье на жертв нескольких висяков, из-за которых у его отдела было столько головной боли.

– Н-да, – протянул полковник. – И что ты об этом думаешь?

– Я пока ничего не думаю. В ближайшее время изучу и тогда уже попробую сделать выводы. Но и так понятно – дело дрянь.

– Готовься, генацвале. Придется поднимать все эти дела. Я уже созвонился с Сергеевым из следственного комитета, он со мной согласен. Завтра он затребует эти дела из архива, посади за них Женьку. Потом пусть встретится со следаками, которые эти дела вели. А там видно будет. Виктор...

– Да, товарищ полковник.

– Скажи откровенно. Думаешь, эта тварь все еще...

– Ты про Рыкова, отец?

– Ну, про кого же еще, – вздохнул полковник. – Полагаешь, он все еще жив?

– Все больше и больше убеждаюсь, что да. Не сомневаюсь – смерть Гавриловых на его совести.

– Послушай, Виктор. Я прошу тебя, перестань воспринимать Рыкова как кровника. Он преступник – жестокий, закоренелый, но всего лишь преступник. Он должен быть пойман и наказан. Никакой самодеятельности. Наломашь дров, потом всю жизнь будешь пожинать плоды. Не калечь себе ни жизнь, ни карьеру из-за этой сволочи.

Тяжелое молчание майора ясно дало полковнику понять, что убедить того не удалось. Конечно, Виктор не станет спорить с очевидными аргументами Лежавы – не по рангу, да и бессмысленно, но полковник прекрасно знал характер сына – тот не остановится. Минувшие два года были для Вик-

тора просто передышкой – теперь охота началась вновь.

– Бабушка ждет вас с Сашенькой и Максом в воскресенье, – Лежава решил сменить тему.

– Мы придем, клянусь погонями, – с облегчением пообещал Виктор. – Ее сациви я не пропущу...

Парой недель позже, Тулон, Франция

...Мощный мотор грозно рычал, явно желая оправдать свое происхождение и гордую статуэтку на капоте. Дикая кошка застыла в прыжке, в неудержимом стремлении обогнать роскошный кабриолет ярко-красного цвета. «Ягуар» несся по шоссе, и ветер развевал блестящие каштановые волосы молодого мужчины, чьи руки, с бушероном на запястье и печаткой от Картье, лежали на обтянутом кожей руле. Марсель Улисон, сын префекта, двадцатилетний баловень судьбы, настоящий beau gosse,¹³⁶ в костюме и в солнечных очках от миланского модного дома, чрезвычайно гордился собой. Еще бы – он только что расстался с мадам Веню, с которой провел бурную ночь. Мадам Веню могла считаться достопримечательностью города, почти как местный собор, достроенный при короле-солнце. Недавно овдовевшая модель французского «Плейбоя» была знаменита исключительной внешностью и унаследованным состоянием. До своего тела она мало кого допускала, и провести с ней ночь среди «золотой молодежи» Тулона считалось чуть ли не боевой доб-

---

¹³⁶ Мажор (арго, фр).

лестью. Марсель долго охотился за насмешливой красавицей, прежде чем наконец ему удалось затащить ее в постель. Хотя – какая, к черту, постель? Марсель поежился, вспомнив, чем она с ним занималась. Именно так – она с ним, а не он с ней. «Ну, об этом Жилю и Норберу знать совершенно необязательно», – ухмыльнулся про себя Марсель. В конце концов, пари выиграно, в айфоне – un selfie super¹³⁷, а в бардачке – трусики мадам Веню – штучное произведение La Perla – с инициалами мадам – EV – Emilia Venuet. Марсель покинул ее особняк на бульваре Гриньян, когда солнце уже начало клониться к закату, и отправился в ресторанчик «Le Vargoque», на набережной, посмотреть на стройную белую яхту, подаренную ему на двадцатый день рождения. Он любовался ее тонкими мачтами и изящными, словно бедра женщины, бортами, когда к нему подсел молодой человек, по виду – un vrai fêtard¹³⁸ и завел с ним разговор, точно со старым знакомым. Марсель его напрочь не помнил, но это ровным счетом ничего не значило – они могли встретиться на любой из многочисленных пьяных soirées. Марсель пожал ему руку и на вопрос, как дела, не преминул похвастаться ночью, проведенной с мадам Веню. Знакомый, имени которого Марсель так и не вспомнил, выразил ему завистливый восторг и предложил отметить это знаменательное событие парочкой крепких коктейлей. Однако пара коктейлей выли-

---

¹³⁷ Обалденное селфи (фр).

¹³⁸ Истинный прожигатель жизни (фр).

лась в полдюжины к тому моменту, когда Марсель тепло распрощался с компанией, собравшейся вокруг них. Побыстрее бы добраться домой, в богатый пригород, на полпути к Point Sublime¹³⁹ и завалиться спать – горячая штучка, эта Эмили, за те сутки, которые он провел у нее, она высосала из него, казалось, все силы. Итак – домой и поживее! Марсель втопил педаль газа и двигатель издал великолепный рык. По округе разносились оглушительные раскаты бас-гитары и жизнь казалась ему столь сладкой, столь восхитительной – из памяти уже почти истерся тот злосчастный день, когда под колеса его «Ягуара» угодили семилетние близнецы, Жан и Люси Бросс – выскочили, будто из-под земли. Жутко не повезло. Судья на год отобрал у него права. Конечно, это не мешало ему, Марселю, продолжать носиться по округе с бешеной скоростью, но, благодаренье богу, с тех пор никого, кроме пары кошек и нескольких бездомных псов ему на дороге не попало. Зато вчера истек срок его несправедливого наказания, и он отправился на вечеринку на боевом коне. Он ворвался в Тулон, как триумфатор – к дьяволу идиотские правила – они не для него, Марселя Улисона, наследника влиятельной и состоятельной семьи. У его ног – вся Франция, а потом – как знать – и весь мир?

Дорогу домой он знал, как свои пять пальцев, точно представляя, когда надлежит сбросить скорость, а когда можно нажать на газ. И вот сейчас впереди крайне крутой вираж –

---

¹³⁹ Le Point Sublime – живописный пик в ущелье Вердон, Прованс.

Марсель отпустил педаль, и «Ягуар» замедлил бег, входя в поворот. Марсель мгновенно вновь вжал педаль скорости в пол, и болид рванул вперед... Очередной поворот – такой же неожиданный – если не знать, можно запросто вылететь с дороги – но Марсель благополучно миновал и его. Еще пара сотен метров и вот следующий вираж – местный поворот смерти. С правой стороны – отвесная скала, заросшая маки¹⁴⁰, а слева – пропасть, дна которой не видно. Здесь разбились столько людей, что вполне можно было бы набрать из них армию небольшого государства – что за лохи, в самом деле – никто из них просто не умел водить, но он, Марсель, просто ас... Надо плавно притормозить... вот так... но почему-то педаль проваливается, словно в пустоту, еще раз, еще раз, да что такое... Сейчас его не станет, а Жиль и Норбер так и не узнают, что он переспал с Эмили. Ему нужно всего лишь мгновение... Даже не мгновение, а миг... Свист в ушах и сердце куда-то падает... падает... Эти дети, которых он видит перед собой – Жан и Люси?... Salut¹⁴¹...

Начало июля 2014 года, Париж, особняк Фонда помощи жертвам насилия, где-то в 8-м округе

– Итак, мадам куратор! – женщина напротив Анны нетер-

---

¹⁴⁰ Маки (maquis) – заросли вечнозеленых жестколистных и колючих кустарников, низкорослых деревьев и высоких трав в южных и юго-восточных районах Франции.

¹⁴¹ Привет (фр).

пеливо постучала карандашом по кожаному бювару. – Необходимо завизировать эти документы. Вы изучили их?

– Еще не успела, простите... – растерянно пробормотала Анна. – А что, это срочно?

– Я понимаю, мадам куратор крайне занята, – не без иронии поджала губы женщина. Марион вела себя так, будто это она, Анна, ей подчиняется, хотя и была ее *subordonnée*.¹⁴² Анну раздражал покровительственный тон мадемуазель Гошар, но, поскольку сама она все еще плутала в лабиринте кошмарных проблем, которыми занимался Фонд, то предпочитала больше слушать и запоминать, нежели возмущаться не очень корректным поведением Марион. Тем более, во многих отношениях та была права – как могла Анна забыть о документах, присланных ей на дом еще вчера утром?..

– Может быть, вы введете меня в курс дела? – осторожно попросила Анна. – Вы, конечно же, лучше меня понимаете, что к чему.

И она примирительно улыбнулась. Как ни странно, Марион сменила гнев на милость и начала излагать подробности жизни домохозяйки из Сен-Дени:

– Фатьма Джамаль, двадцать шесть лет, замужем, десять детей...

– Сколько? – ахнула Анна.

– Десять, – без тени улыбки подтвердила Марион.

– В двадцать шесть лет?

---

¹⁴² Подчиненная (фр).

– Двадцать шесть ей исполнилось три дня назад, – уточнила Марион. И видя, что Анна явно пытается произвести в уме некоторые арифметические действия, помогла ей:

– Ее муж, Карим, взял Фатьму в дом, когда ей было шестнадцать.

– Что значит – взял в дом? Женился?

– Согласно семейному кодексу Французской республики в шестнадцать лет Фатьма не могла выйти замуж. Карим взял ее в свой дом согласно законам шариата, получив благословение муфтия.

– Но как же родители позволили? Это же... это же...

– Думаю, имело место изнасилование. Но, к сожалению, на тот момент Фонд был не в курсе ситуации. Фатьма – нелегальная иммигрантка.

– Как так?

– Ее семья въехала во Францию незаконно и очень долгое время скрывалась от иммиграционной службы, меняла место жительства – если только клоповники в Клиньянкуре можно назвать местом жительства. В результате отца и мать Фатьмы все же выслали из Франции. А Фатьме удалось спрятаться. Она попала в детский приют при Парижской мечети. Где и жила два года, пока не попала на глаза Кариму Джамалю. С той минуты девочка была обречена.

– Как же так? Почему она не обратилась в полицию?

– Девочка шестнадцати лет? Практически сирота? Да она по-французски тогда не говорила. Впрочем, и сейчас еле-

еле.

– Но, насколько я знаю, мусульмане крайне отрицательно относятся к сексуальному насилию. Вообще, к насилию. Как же ему сошло с рук?

– Вы правы. Но это случилось десять лет назад. Вы, вероятно не в курсе. Именно на 2003 год пришлось очень жесткое противостояние между светскими властями и мусульманскими общественными организациями. Тогдашний президент – Жак Ширак – очень жестко отстаивал секуляризацию¹⁴³ общества, и если б факт изнасилования мусульманином несовершеннолетней и принуждения ее к браку всплыл, разразился бы грандиозный скандал, и мусульманская община Парижа понесла бы огромный моральный ущерб.

– И дело замяли! – возмущенно констатировала Анна.

– Скрепя сердце парижский имам, как ее официальный опекун, дал разрешение на никах¹⁴⁴. На тот момент это казалось наименьшим из зол.

– А на деле?

– А на деле – бедная девушка попала в ад. Ее муж оказался садистом.

– Да уж, – вздохнула Анна. – Десять детей... Словно она свиноматка.

– Десять детей – не самое страшное. Все эти годы она не покидала квартиры в Сен-Дени.

---

¹⁴³ Процесс снижения роли религии в сознании людей и жизни общества.

¹⁴⁴ Заключение брака в исламе.

– То есть как?

– В прямом смысле. Даже рожала дома. Приглашали местную повитуху. Когда она рожала первого, чуть не умерла – так ей даже врача не позвали. Среди местных женщин-врачей не оказалось, а мужчину к ней не пустили.

– Какая дикость!

– Чудом выжила. И после этого – рожала с периодичностью раз в год.

– *Quelle horreur!*..¹⁴⁵

– Итог – десять детей погодков – два мальчика и восемь девочек, расшатанное здоровье и полное бесправие.

– Как о ней стало известно?

– В Фонд обратилась ее соседка – мадам Саад. Ей изредка удавалось говорить с Фатьмой. В квартиру ее не пускали, но изредка они встречались, когда Фатьма выходила выбрасывать мусор. Она никогда не жаловалась. И вот – несколько недель назад из мусорного пакета Фатьмы вывалились окровавленные бинты, и мадам Саад заметила повязки на ее руках, хотя руки Фатьма закрывает, согласно шариату.

---

¹⁴⁵ Какой ужас! (фр).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.